

Вступление, или Почти начало

Однажды в третий класс, в котором училась Маша, пришёл лектор. Он был пожилого возраста, старше тридцати, такой, ничего себе, в сером костюме, и сразу сказал:

— Здравствуйте, меня зовут профессор Баринов. Сейчас мы все возьмём ручки и напишем сочинение: «Что бы я сделал, если бы я был председатель горсовета». Понятно?

Ребята во главе со старостой Киселёвым вытаращили глаза и сказали:

— Понятно.

Хотя им ничего понятно не было. А профессор продолжал:

— Лучшие сочинения будут переданы в горсовет и выполнены. Договорились?

Ребята посмотрели на Екатерину Ричардовну. Она кивнула им головой: мол, пишите, ребята, договорились.

И они начали писать. Класс у Екатерины Ричардовны очень самостоятельный. Раз она решила за них, что надо писать, они уж напишут.

Главное — их включить. И вот они сидели, залитые последними осенними лучами солнца, и писали. А профессор Баринов смотрел во все стороны: в окно, на лампочки, в шкаф, только не на Екатерину Ричардовну. Наверное, влюбился.

Валера Готовкин, сосед Маши Филипенко по парте и главный школьный друг, написал:

«Если бы я был председателем городского совета городских трудящихся, я бы не ломал старые дома. Которые из дров. Они такие старинные у нас. Я бы ставил их на крыши новых кварталов. Или бы оставлял их во дворе для играния ребят. Чтобы они сохранились для будущих детей и людей. И ещё я на улице сажал бы не деревья, а яблони».

Дима Аксёнов, второй Машин школьный друг, заместитель Валеры Готовкина по хозяйственной части, поглядел, что у него написано, и тоже написал:

«Я бы сделал так, чтобы на газонах росли капуста и помидоры. Уж, в крайнем случае, репа. И надо, чтобы граждане на балконах сеяли картошку и виноград. Тогда с продуктами будет легче, когда они созреют. Если бы я был председателем, я бы запретил продавать водку в магазинах и везде».

Дима Аксёнов был легендарный мальчик, очень глазастый и очень хозяйственный. Его глаза всегда были распахнуты и на хозяйство направлены. Он всегда знал, в какой магазин что завезли и где что выбросили. Где валенки, где рыбу. Родители на него не нарадовались. А папа у него выпивал.

Впрочем, не только Дима Аксёнов был хозяйственный. И другие дети тоже. Только каждый по-своему. Маша Филипенко придумала так:

«Если бы я была председательница городского совета, я бы сделала так, чтобы электрички и метро по ночам ходили в один вагон. А то они идут длинные и пустые. И ещё. Я перенумеровала бы все станции Киевская. А то их много и я в них с мамой путаюсь. Надо, чтобы была Киевская 1, Киевская 2 и Киевская 3. И ещё. В больших домах дети много пользуются лифтами без толку. Особенно вниз. Надо сделать специальные детские винтовые съезжалки на ковриках».

В общем, ребята много чего толкового написали. Так что пожилой профессор Баринов стал ещё пожилее и серьезнее. Он прочитал все сочинения и сказал:

— Я всегда считал, что дети — это люди с незамутнённым мышлением. Сегодня я в этом ещё раз окончательно убедился. Мы все сочинения передадим заместителю председателя горсовета по улучшению товарищу Костомарову. Потому что в сочинениях есть много ценных советов. И пусть он их воплощает. Но этого мало...

Профессор положил руки за спину и сурово прошёлся по золотому от солнца классу. Значительно оглядел всех, кроме Екатерины Ричардовны, и продолжал:

— Среди ребят с незамутнённым мышлением встречаются особо незамутнённые ребята. У вас тоже есть один такой ребёнок. Я не буду называть его точно, чтобы не смущать. Просто скажу, что это Маша Фэ. Или Филипенко Мэ. И этот ребёнок понадобится нам для дальнейших исследований и работ.

— А какие у вас исследования? — спросила Екатерина Ричардовна. — Этот ребёнок очень зазнавательный, и вы можете его испортить.

Удивительный человек Екатерина Ричардовна. Никогда не кричит, никогда никого не наказывает, а все её слушаются. Она даже двойки ставит совсем не двоечные, а воспитательные.

— Мы исследуем производство — колхозы, фабрики, магазины. Стараемся новыми глазами посмотреть на старый труд. Берём ребят с незамутнённым мышлением и сажаем на взрослую работу. Чтобы ребята делали открытия.

— И у вас уже есть успехи?

— Да, и очень большие. Вы слышали, что недавно у Савеловского вокзала подъёмный кран упал на электричку?

— Слышали.

— Это результат нашей работы.

— В чём же тут успех?

— На кране работал наш улучшатель мальчик Валера Петросов. Он грузил вагоны и увидел машину с квасом. И решил машину с улицы перенести на платформу к пассажирам. Кран упал, квас разлился. Но мы узнали, что устойчивость крана недостаточная, что её надо увеличивать. А главное — сработало противопадающее устройство мальчика Петросова.

— В чём же оно заключалось? — спросила засекреченная Маша Фэ. — Кран не до конца упал?

— Кран упал до конца. Но с мальчиком ничего не случилось. По его предложению кабина крана была оклеена надувными матрасами. И теперь все крановщики так работают.

Профессор Баринов попрощался и ушёл. Он только ещё зашёл в учительскую и спросил адрес незамутнённой третьеклассницы Филипенко М.

Оставшийся третий «А» долго сверкал и светился под взглядами любимой Екатерины Ричардовны. Вот это урок — ни одного замечания, ни одной даже тройки!

Первая профессия Маши Филипенко. Лучшая закройщица

Целую неделю Маша жила как на вулкане. И всё ждала, когда же он взорвётся, когда её позовут исследовать колхозы и фабрики. И вот наконец она приходит из школы, а в почтовом ящике открытка.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства приглашает тебя для получения работы. Ждём тебя в понедельник, в три часа дня. Рекомендуем прийти вместе с родителями (папа, мама), но без бабушек и дедушек. При себе необходимо иметь дневник и фотографию.

Нам кажется, работа тебе понравится. Тем более что она оплачиваема. Наш адрес: дом самый близкий к Музею Пушкина.

Главный учёный института — профессор Баринов».

Маша как вытащила открытку из почтового ящика, так с места и пошла в институт получать работу. Чего там понедельник, зачем там беспокоить родителей — папу и маму.

Через тёплый дождик по городу прошагала она по указанному адресу.

У входа в длинное трёхэтажное здание её остановил вахтер.

— Ты куда?

— К учёному Баринову. По приглашению.

— Успеется. Дневник при тебе? Видно, этот вахтер никуда не спешил.

— При мне.

— Покажь, пожалуйста.

Маша достала дневник. Вахтер долго горестно кашлял над ним:

— Надо же! Восемь троек. А туда же в незамутнённые попала. Ну и времена. Не иначе как родители ценный подарок сделали руководству. Или родственники из министерства звонили.

У Маши так и заскакали в голове всякие остроумные выражения типа: «Сами вы ценный подарок!» или «Это ваши родственники звонили из министерства, а мои не звонили!» Но Маша сдержалась, ничего не сказала, строго взяла дневник и прошла мимо.

Она поднялась на второй этаж. По бокам на дверях висели таблички: «Сотрудник по алгебре»,

«Сотрудник по русскому языку», «Начальник отдела диктантов».

Маша сразу поняла, зачем эти сотрудники. Если какой-то улучшатель увлечётся улучшением и нахватает двоек, его немедленно начнут подтягивать. Профессор Баринов очень обрадовался, что Маша пришла. Он усадил её в мягкое кресло, так что Маша совсем исчезла, и сказал:

— Мы вас направим в ателье женской одежды. Там уже три года не выполняется план. Им прислали сильную руководительницу, но и она ничего не может сделать. Посмотрите, в чём там у них дело, и столкните с мёртвой точки. Их необходимо расшевелить, взбудоражить.

Он забрал у Маши фотографию и повёл её в отдел кадров. Там строгие люди в очках выдали ей напечатанное на бланке направление на работу.

Маша взяла его и весь вечер радостно читала:

«Институт Улучшения Производства направляет свою улучшательницу Марию Александровну Филипенко в ателье женской одежды „Силуэт“ № 78 для исследования условий работы и улучшения. Просим руководство „Силуэта“ обеспечить сотрудницу типовым рабочим местом и материалом.

Рабочий день сотрудницы не должен превышать трёх часов. О всех затруднениях с ней просим звонить по телефону 42-29-86 научному руководителю пр. Баринову».

Маше очень хотелось показать эту бумагу родителям — папе и маме, но она не стала рисковать. Покажешь им бумагу, они спросят: «А как у тебя с отметками?» А потом будут долго думать и вздыхать не хуже того вахтера из Института Улучшения. И неизвестно, чем всё это кончится. Потому что мама может сказать:

— Знаешь что, девочка, сначала ты свою успеваемость улучши, а потом чужой производительностью занимайся.

А папа добавит:

— Я скоро стану седым от горя. Я такого количества троек за всю жизнь не встречал. Их тут тысяча или две?

На следующий день Маша отправилась улучшать. В ателье № 78 «Силуэт» было очень интересно. Горели длинные лампы дневного света. Стояли швейные машинки и манекены. Приёмник в углу светился зелёным светом и рассказывал про новые домны.

Все работники сбежались смотреть на Машу. Толстая пуговичница Лизавета Чуркина сказала:

— Ой, прислали сиротку! С такими только план выполнять! А мужская брючница Четверикова добавила:

— Тоже мне улучшательница! Её саму улучшать и улучшать, вон она какая дохленькая!

Директриса товарищ Сабинова строго спросила:

— Девочка, ты когда-нибудь работала на швейной машинке?

— Я папе джинсы подшивала.

— И что, получилось? Подшились джинсы?

— Не совсем. Машинку заклинило. Папа до сих пор не может её стронуть с места. Он говорит, что то и другое спасти не удастся. Придётся или машинку выбрасывать, или джинсы. Надо только узнать, что дороже стоит. Кажется, джинсы дешевле.

— Джинсы шьют из парусины, — сказала Сабинова. — Это очень плотный материал. Мы тебе для начала мешковину дадим. А пока иди садись к машинке и крути её, как мясорубку. Привыкай к вращательным движениям. Другой рукой можешь книжку читать. Будем автоматизм вырабатывать.

Маша так и сделала. Села и стала одной рукой машинку крутить, а другой стала журналы переворачивать.

Пуговичница Лизавета Чуркина, такая маленькая и кудрявая, спрашивает:

— Скажи, девочка, почему у тебя волосы так красиво блестят и так хорошо уложены?

Маша возьми да и ответь:

— А я их молоком перед сном промываю. Слабым раствором. Уже целый год.

Лизавета Чуркина всё это запомнила и мужской брючнице Четвериковой секрет открыла. И обе они глубоко задумались.

Закройщик Лопухин, такой высокий и воспитанный, говорит:

— Девочка, а вот те джинсы недорогие, которые ты папе испортила, где покупали?

— Как вы не знаете? — отвечала Маша. — На станции Клязьма новый магазин открыли, «Дом джинсов» называется. Там на первом этаже польские брюки продают, на втором — чешские, а наверху — из итальянской народной капиталистической республики. Там этих джинсов завались, даже бархатные есть.

Закройщик Лопухин всё это тоже запомнил и даже в книжечку записал.

Для чего всё это Маша наговорила, она и сама не знала. Может быть, потому, что профессор Баринов просил ателье взбудоражить, чтобы они не закидали.

На другой день было воскресенье — самый рабочий день для ателье. Маше в школу идти не надо было. Она с утра в ателье направилась — улучшать.

Маша шла по улице вся важная и занятая. И всё хотела, чтобы попался кто-либо из одноклассников и спросил бы:

— Куда это ты, Филипенко, направилась?

А она бы ответила:

— Это тебе делать нечего, ты весь извертелся. А я на работу иду.

Но, как назло, никто не попадался. В это прохладное мохнатое утро все ещё, наверное, спали после тяжёлых школьных битв.

Товарищ Сабинова строгая, как сабля, стояла у входа с тетрадкой и отмечала, кто опоздал. Только отмечать было некого. Никто не приходил.

Товарищ Сабинова дала Маше большой кусок подкладочной мешковины и стала звонить, куда все делись:

— Алло. Позовите к телефону Чуркину Елизавету Аркадьевну.

Ей там говорят:

— Лизавета Аркадьевна подойти не может. Она к подушке приклеилась.

— Что это за шутки? — вскричала товарищ Сабинова. — Скажите ей, чтобы немедленно шла на работу.

А там отвечают:

— Не можем сказать. Подушка мешает. Не слышит она ничего. Потому что она пуховая.

Товарищ Сабинова совсем рассердилась:

— Вот я сейчас сама приеду с ней поговорю. Она у меня всё сразу поймёт и услышит всё. Она у меня станет шёлковая.

— И у вас она ничего не поймёт. Она в ванной сидит. Отмокает, чтобы отклеиться.

Товарищ Сабинова мужской брючнице Четвериковой позвонила:

— Почему это вас нет? Немедленно явитесь на работу! А Четверикова в ответ говорит:

— Да как же я явлюсь? У меня подушка к затылку прилипла. Я в ней — как Наполеон в треуголке.

— Так и приезжайте, как Наполеон в треуголке. Я здесь ножницы возьму и буду вас отстригать.

Следующим делом товарищ Сабинова закройщику Лопухину позвонила. У Лопухина к телефону подошла бабушка:

— А Володенька заболел. Он за джинсами поехал на станцию Клязьма.

— Всё ясно! — сказала директор Сабинова. — Кто-то хочет нас погубить. Кто-то на наше ателье порчу наслал. Это, наверное, всё та же Митрохина из главка. Не любит она нас. И материалов хороших не даёт. И глаз у неё дурной — чёрный.

Товарищ Сабинова так разволновалась, что побежала в аптеку успокаивающее покупать. А Маше велела клиентов развлекать и задерживать.

И сразу клиентка пришла. Такая высокая, с большими глазами и грустная. Маша стала её развлекать.

— Хотите, я вам анекдот расскажу?

— Хочу, — говорит клиентка, но как-то не очень уверенно.

— Он вам понравится, — говорит Маша. — Про тараканов. У одного человека были тараканы. Он не мог их вывести. Он на работу пришёл и горюет. А ему один сотрудник говорит: «Ты не горюй. Ты дырку в стене прокрути и в двенадцать часов ночи скомандуй: „Все тараканы, из моей квартиры шагом марш!“ Они и уйдут, только при этом смеяться не надо ни за что». Этот человек с тараканами так и сделал. Пришёл домой, дырку прокрутил и скомандовал: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш бегом!» Тараканы из всех щелей вылезли, построились и в дыру зашагали. Человек увидел и засмеялся от радости. Вдруг вылез большой рыжий таракан на костылях и как закричит: «Ребята, он пошутил! Возвращайтесь!» И все тараканы обратно вернулись. Интересно?!

— Интересно, — вежливо ответила красивая клиентка. — Только мне тараканы не нравятся.

— А кому они нравятся, — сказала Маша. — А дальше ещё интереснее будет. Этот человек на работу пришёл и снова горюет, даже плачет весь. Ему сотрудник снова говорит: «Ты не рыдай. Ты ночью проснись в двенадцать часов и закричи: „Тараканы, на нас враги напали! В атаку на врагов!“ Они в атаку уйдут, а ты дырку закрой. Только не спи ни за что». Человек так и сделал. Ночью как закричит: «В атаку на врагов шагом марш!» Тараканы отовсюду выскочили впопыхах, схватили иголки, гвозди всякие и в дырку побежали. А наш человек заснул. Просыпается, кругом полон дом тараканов. Все полы заняты, все табуретки. Рыжий таракан его за ногу дёргает: «Просыпайся, хозяин. Мы войну выиграли, пленных привели!»

Тут Маша остановилась и клиентку спрашивает:

— Интересно я вам про тараканов рассказываю?

— А много ещё? — с надеждой спросила женщина.

Нет, совсем немного осталось. Этот человек плачет, а сотрудник ему говорит: «Два раза ты меня не слушал. Больше я тебе ничего не скажу. Только ты рыжего таракана не убивай». Человек, который с тараканами, домой ушёл. Назавтра приходит на работу весь-превесь в слезах. Его все спрашивают: «Что случилось?» — «А вот что. Я домой пришёл, там одни тараканы. И этот рыжий, на костылях, спрашивает: „Ну как дела, хозяин?“ Я как закричу: „Какой я тебе хозяин?“ — и как тресну его столовой ложкой по лбу, он и сдох». — «Ну и что?» — спрашивают на работе. «Ничего, — говорит человек. — Со всего города тараканы на похороны собрались. У меня теперь тараканов в сто раз больше стало». Всё, конец.

Красивая клиентка была поражена. Она внимательно всё прослушала про тараканов и говорит:

— Я к вам в ателье столько раз прихожу, и никогда у вас материалов хороших нет. Ничего интересного и особо модного.

Маша даже обиделась за родное ателье:

— Как ничего особо модного? А вот мешковина из Италии.

— Интересно, — говорит клиентка, — как может быть мешковина из Италии? У них там даже картошки нет. У них там одни апельсины. А апельсины в ящиках бывают, а не в мешках.

— Мешков у них нет, — согласилась Маша, — а мешковины завались. Потому что это самый модный материал в этом осенне-летнем сезоне. Сейчас все о мешковине просто мечтают.

— Почему? — удивилась клиентка. — Почему никогда о ней не мечтали, а в этом осенне-летнем сезоне начали?

— Потому что этот осенне-летний сезон будет особенно жарким. Такая жара раз в сто лет бывает. Наша Земля будет очень близко от Марса пролетать.

Вежливая клиентка совсем запуталась:

— При чём тут Марс? Тепло-то от солнца бывает.

— Правильно, от солнца. Но когда мы к Марсу подлетим, он всю атмосферу на себя оттянет. И с нашей стороны атмосферы будет мало. Поэтому солнце без задержки всех нагревать начнёт. Понятно?

Маша на себя поражалась — как это всё из неё сыплется? Она за всю жизнь не наговорила столько ерунды, сколько за эти два дня.

— Понятно, — сказала женщина. — А при чём тут мешковина?

— Мешковина с дырочками. Через неё и ветер проходит, и загорать можно. Давайте я сошью вам вечернее платье из мешковины, с вышивкой.

— Это не очень дорого? — спросила клиентка.

— Нет, совсем не дорого. Ведь я ученица.

Клиентка согласилась, и они стали размеры снимать. Измерили клиентку с головы до ног.

Маша тут же за ножницы схватилась. Стала мешковину резать.

— Что-то вы не так делаете, — сказала женщина. — Надо сначала выкройку из бумаги сделать.

— Передовые методы! — объяснила Маша. — Новая культура производства! Сейчас мы прямо на вас приметаем и сразу же шить начнём. Вы сегодня в платье и уйдёте.

— Ой, как хорошо! — сказала женщина.

Маша стала примётывать и увидела, что размахалась. Что ни в каком вечернем платье из мешковины клиентка сегодня не уйдёт. В лучшем случае, в летнем облегчённом, с коротким рукавом. Тогда она клиентку спросила:

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Ирина Вениаминовна.

— Я забыла вам сказать, Ирина Вениаминовна, что ещё в моде короткие спортивные платья сарафанного типа. Сейчас ими вся Италия охвачена и юг Франции.

Ирина Вениаминовна сказала, что она ничего об этом не знает.

— Наверное, это очень красивая мода, если ею охвачена вся Италия.

Но она не выразила немедленного желания перейти на спортивное платье сарафанного типа. Видно, идея недорогого вечернего платья из мешковины с вышивкой была для неё более привлекательна по возрасту.

Маша решила шить дальше, что получится, и уже потом, когда выйдет удача, уговорить Ирину Вениаминовну это носить.

Она внесла кое-какие поправки, сделала выкройки из газеты, но когда она стала собирать всё в одно целое, она поняла, что и сарафанное южнофранцузское платье куда-то исчезло. И если

клиентка прямо сегодня в чём-то уйдёт, то это будет максимум безрукавка бальная плюс юбка конноспортивная... южнопляжный вариант.

Слава богу, явилась мужская брючица Четверикова в подушке, надетой треуголкой. Следом за ней прошла товарищ Сабинова, щёлкая ножницами. Они немного отвлекли клиентку. Но после того как они прошли, Ирина Вениаминовна насторожилась и у неё стал такой вид, словно она хотела спросить: «А что это с этой женщиной? Почему она в подушке ходит?» И если она ничего не спросила, то только из-за своей повышенной интеллигентности.

А Маша сказала:

— Вы знаете, сегодня какой-то день невезучий. Как вы смотрите на вечерние шорты из мешковины?

— Которыми охвачены вся Англия и Южная Скандинавия? — ехидно спросила Ирина Вениаминовна.

— Это всё, что осталось от вечернего длинного платья?

— Ещё четыре носовых платка.

— Из мешковины?! Нет уж, не надо.

«Эх, — подумала Маша. — Не понимает. Это же так удобно — носовой платок с дырочками. Сморкаешься — и всё пролетает. В руках чистый платок остаётся. И стирать не надо, только гладить».

Пришёл высокий закройщик Лопухин, потом кудрявая пуговичница Чуркина. И спрос на Машу резко повысился.

— Простите, Маша, я бы хотел с вами поговорить, — сказал Лопухин.

— И я бы хотела, — сказала мокроголовая Чуркина.

— И я бы! — закричала товарищ Сабинова. — Ученица Филипенко, срочно зайдите ко мне.

Вместе с этими словами из её двери вылетело много-премного пуха.

— Сейчас! — ответила Маша. — Я только Ирину Вениаминовну провожу, клиентку постоянную.

Они вышли на улицу. Маша не отходила от Ирины Вениаминовны ни на шаг. И провожала её всё дальше. Она говорила:

— Вы не удивляйтесь, что я вас провожаю. У нас теперь в ателье только так. Передовые методы, новая культура обслуживания. Провожаем клиентов до всех видов транспорта.

— Я вам очень благодарна, — отвечала Ирина Вениаминовна. — Если вы уж так любезны, позвоните мне, когда у вас будут новые ткани. А то у вас уже два года шаром покати. Вот вам мой телефон.

Она дала Маше визитную карточку:

Ирина Вениаминовна Архангельская.

Заведующая литературной частью

детского театра марионеток.

Адрес: Москва. Телефон: 217-740.

У метро они расстались. Маша тоже захотела себе такую карточку. «Маша Филипенко. Сотрудница ателье „Силуэт“ № 78», Но она поняла, что, наверное, она уже не сотрудница. И направилась не в ателье, а прямо в Институт Улучшения.

Мимо вахтера она прошла по-деловому, как своя, и поднялась к научному руководителю.

— Здравствуйте! — закричала она. — Здравствуйте... — Она забыла, как профессора зовут, высунулась из кабинета, посмотрела табличку на двери — «Профессор Баринов Д. Д.» — и снова засунулась: — Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Я всё поняла про ателье номер семьдесят восемь.

— Я вовсе не Дмитрий Дмитриевич, — сказал профессор, — а Дементий Дементьевич. И что же вы поняли?

— Почему у них ничего не повышается. Я уже два дня там проработала.

— Два дня это мало. Но если вы поняли, напишите докладную записку и передайте мне. Вот вам стол, садитесь и пишите.

Маша села и написала:

«Дакладная записка. Дакладываю: ателье № 78 плохо работает патаму, что кто-то наслал на него порчу. Наверное это Митрохина из главка. Не любит она ателье № 78 и второй год не даёт хороших материалов. Вот клиенты уходят, и плана нет. Клиентам надо послать открытки».

— Написали? — спросил Баринов.

— Да.

— Хорошо, оставьте, будем рассматривать. Если всё окажется правильным, примем меры. А вам найдём новую работу. Ждите от нас открыток.

Маша грустная пошла домой и стала ждать открытки, как люди зимой ждут лета, а летом отпуска.

Глава 2.

Вторая профессия Маши Филипенко. Один в поле не воин

Маша ждала от них известий, а известий не было.

«Какие противные! — думала Маша. — Хотят извещают, хотят — нет. Когда я буду взрослая, я буду не такая. Я всех буду извещать».

В классе жизнь шла своим чередом. Екатерина Ричардовна даже не заметила, что Маша стала улучшательницей и по-прежнему ставила ей то двойку ближе к тройке, то тройку ближе к двойке.

Сегодня на уроке она сказала:

— Ребята, называйте мне домашних животных.

Ребята стали кричать:

— Собака! Лошадь!

— Овца!

— Бык!

— Курица!

— А ещё? — сказала Екатерина Ричардовна.

— Всё, — ответили ребята. — Больше нет.

— Кончились животные.

— Эх вы! А самого домашнего зверя забыли. Давай, Маша, называй.

А Маша и не слышала ничего. Она о мешковине думала и о вечерних валенках на высоком каблуке. Она молчит. Екатерина Ричардовна ей подсказывает:

— Что ж ты, Маша. Вот у бабушки живёт. Ласковый такой, с усами. Кто это?

Маша как ляпнет:

— Дедушка!

Валера Готовкин в жизни так не смеялся. У него от смеха мыльные пузыри изо рта пошли. Екатерина Ричардовна сказала:

— Ой, не могу! Беру тайм-аут на две минуты. Смейтесь, кто сколько хочет. — И даже ругать Машу не стала.

А вечером открытка пришла.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства сообщает тебе, что твоя докладная об улучшении работы ателье № 78 оказалась правильной.

В ателье завезены новые материалы, и уже сделано много хороших заказов. Тебя там ещё помнят.

Приглашаем тебя для следующего улучшения.

Научный руководитель профессор Баринов».

Маша сразу нарядилась и в институт пошла. На ней была длинная юбка до пола и белая кофточка. Профессор Баринов был потрясён и сказал ей в своём кабинете:

— Есть две заявки на улучшение. Первая — сельскохозяйственная, с отрывом от обучения. Вторая — торговая, без отрыва от школы.

Маша сказала:

— Я хочу с отрывом. — Уж больно её тройки измучали.

— Тогда придётся пригласить родителей.

— А можно пригласить Екатерину Ричардовну? Это наша учительница. Она добрая, она поможет.

— Можно пригласить Екатерину Ричардовну. Можно и директора школы. Можно и из Министерства просвещения кого-нибудь. Но главное, чтобы были папа и мама.

Маша пошла домой. Уговорить родителей на отрыв. Эта операция будет посложней, чем работа в ателье № 78.

Теперь пришла пора поговорить про Машиных родителей. И надо о них узнать всего побольше, чтобы они неожиданно чего-нибудь не выкинули.

Как вы знаете, родителей себе не выбирают. Берут, какие достаются. Но достаются почему-то самые лучшие.

Я сколько хочешь знаю людей, которые недовольны своими учителями, соседями по парте, своей работой. Даже руководителями Центрального телевидения: мол, что это за ерунду у нас показывают! Но я не знаю людей, которые недовольны своими родителями.

(Это всё у нас. Может быть, у них, у капиталистов, наоборот. И какой-нибудь человек ужасно возмущается: «Ах, зачем мои родители миллионеры! Лучше бы они были из трудового крестьянства и воспитали бы меня тружеником».)

А Маше Филипенко особенно повезло. Ей достались просто самые лучшие родители. Мама — технолог в троллейбусном парке. Папа — инженер с электрическим уклоном. Они были современные люди, любили музыку и конный спорт. Говорят, что папа в молодости был хиппи.

Маша прибежала домой и заявила:

— Папа и мама! Вас срочно вызывают!

Папа сразу сказал:

— Допрыгалась! — но даже с места не сдвинулся. Как читал на диване фантастику, так и продолжал читать. А мама спросила:

— Почему срочно?

— Потому что весь урожай может пропасть.

Мама отошла от телевизора, отложила в сторону жилетку, которую вязала, и спокойно произнесла:

— Не дави на психику и спокойно расскажи. Мы твои методы уже давно изучили.

У Маши действительно были методы. Она, например, прибежала в дом в слезах и говорила, что на свете есть злые и жестокие люди. И что ей, Маше, тяжело, потому что они котёнка на помойку выбросили. И что все взрослые такие. Тогда папа говорил:

— Не все. Есть и хорошие. Не рыдай, тащи сюда своего котёнка.

Маша сразу переставала плакать. Так она натаскала домой много всякой полудохлой живности: галчонка Кралю, кудлатую собаку Астру, рыбок. Ухаживали за всем этим разнообразием, разумеется, родители — папа и особенно мама.

— Так зачем нас срочно вызывают?

— Понимаешь, мама, группу молодёжи посылают за город, чтобы усилить сбор урожая. И меня тоже, как сотрудника Института Улучшения Производства.

Папа и мама совсем отложили свои дела и решили всё выслушать от начала до конца. Пришлось Маше рассказывать про то, как в школе писали сочинения, про то, как она попала в незамутнённые, про то, как она уже работала в ателье.

Папа посмотрел на маму, улыбнулся и сказал:

— Ладно. Будь по-твоему. Поехали к профессору Баринову.

Папа с мамой нарядились. Папа даже галстук надел. И они приехали.

Дементий Дементьевич принял их очень серьёзно. Посадил в большие кресла в своём кабинете. Позвонил в кнопку и сказал секретарю:

— Ко мне, пожалуйста, никого не пускайте. У меня важные посетители.

Он рассказал папе и маме, что Институт Улучшения приносит много пользы. Что ребята по-новому подходят к взрослым работам и дают полезные рекомендации. Они решают всякие загадочные проблемы.

Папа на это сказал, что у них на заводе есть одна загадочная проблема:

— Мы выделяем детали на пятьсот пять телевизоров. А на склад поступает только пятьсот. Пять телевизоров куда-то деваются.

— Вы напишите нам заявку об этом. Мы направим к вам улучшателя, — сказал Баринов. — И проблема будет решена.

— Не знаю, не знаю! — сказал папа. — Лучшие умы нашего завода, все контролёры в тупике, а вы возьмёте и решите?

— А мы возьмём и решим! Потому что у нас работают незаштампованные мозги. И мы просим родителей оказывать содействие.

— А как же её отметки? — спросила мама.

— Это мы берём на себя. Опыт показывает, что работа улучшателем улучшает успеваемость. Даже читаемость книг у ребят повышается.

— Ладно! — сказал папа. — Тогда по рукам.

Дома он сказал маме, что профессор Баринов ему очень понравился.

Под конец разговора они обговорили, сколько одежды давать Маше в сельскую местность и что объяснить в школе Екатерине Ричардовне.

Через день мама провожала Машу за город. Она несла рюкзак по платформе и говорила:

— Пятая по счёту остановка будет называться Опалиха. Прямо напротив станции правление. Там тебя встретит бригадир Шкатулкин. В правлении есть телефон. Позвонишь и скажешь, всё ли у тебя в порядке.

— Хорошо, мама.

— Желаю успеха в повышении урожайности!

Маша вошла в вагон и сразу же высунулась из окошка. Электричка поехала.

— Мама, ты не беспокойся. Я буду учить математику. Я вернусь, ты меня не узнаешь!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

1. «ПРИКАЗ от 21-го 9-го о зачислении ученицы Филипенко М. А. на должность бригадира полеводческой бригады с заданием собирать кабачки сорта им. Мичурина.

Приказываю зачислить с окладом 90 руб.

Директор совхоза Демидов».

2. «ПРИКАЗ от 29-го 9-го об объявлении строгого выговора бригадиру полеводческой бригады Филипенко М. А. за просыпание на работу и за неявку всей бригады.

Приказываю объявить.

Директор совхоза Демидов».

3. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕМУ БРИГАДИРУ тов. ШКАТУЛКИНУ.

Безобразие! Во время рабочего времени бригада Филипенко разучивает песни. Почему? Как у тебя с планом по сбору?

Директор совхоза Демидов».

4. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ СОВХОЗА тов. ДЕМИДОВУ.

План у них выполнен на 30 процентов. У меня потребовали баян и баяниста. Я принесу брандспойт и смою их с поля... вместе с этой Филипенко М. А.

Старший бригадир Шкатулкин».

5. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕМУ БРИГАДИРУ тов. ШКАТУЛКИНУ.

Отставить брандспойт. По условиям договора с Институтом в работу улучшателей вмешиваться нельзя. Что они делают сегодня? Как у них с планом на второй день работы?

Директор совхоза Демидов».

6. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ!

Поют. Баяниста посадили на ящик, заставляют играть. Имею вопрос: у нас совхоз или праздник песни? И репертуар какой-то сомнительный, не сельский — „Чунгу-чугунгу“ разучивают. Сил моих больше нет. План у них выполнен на 50 процентов.

Старший бригадир Шкатулкин».

7. «ЧЕРНОВИК ПИСЬМА В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЮ ПРОФЕССОРУ БАРИНОВУ.

Товарищ Баринов, заберите, пожалуйста, ваш хор имени Пятницкого. Горим с планом! Пришлите лучше обычных студентов для сбора кабачков им. Мичурина. Да побольше!

Директор Демидов».

Не отправлено.

8. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ ДЕМИДОВУ.

Тов. Директор! Какая-то чертовщина. Весь день плясали, а план выполнили на 60 процентов. Это похуже, чем наши деревенские, но получше, чем студенты. С чунга-чанговским приветом. Всё-таки я бы очень хотел, чтобы весь этот ансамбль песни и пляски заменили на обычных студентов. От них хоть знаешь, что ждать.

Старший бригадир Шкатулкин».

В поле была осень жёлтая и тёплая. Какая-то вся праздничная, родная. Хотелось взять книгу предложений и написать:

«Дорогая природа! Спасибо за хорошую погоду и за солнце. Просим наградить всех работников чем-нибудь».

Машина бригада сидела в перерыв в поле на ящиках для кабачков, и Маша с ней беседовала. Все женщины с полеводческой бригады внимательно Машу слушали.

— Мы почему отстаём? — говорила Маша. — Потому что у нас коллектива нет. Каждый для себя работает и себе зарабатывает. Мы будем коллектив создавать. Согласны?

Женщины не спорили особенно, но и не соглашались.

— Лучше всего коллектив создавать в игре. Мы будем завтра в ручной мяч играть. Вы, Евдокия Павловна, будете стоять на воротах. Хорошо? — предложила она самой старшей работнице. — А вы, Антонина Семёновна, будете играть в нападении.

Старшая Евдокия Частова, робкая такая женщина в платке, отрезала:

— Не могу я стоять на воротах, когда у меня корова не доена. Да и стара я на воротах стоять. Я с них упаду. Я лучше дочку свою пришлю, Галку. Пусть мать на трудной работе заменит.

Антонина Семёновна Павловская, крупная такая работница, её поддержала:

— Я в телогрейке и сапогах в нападении играть не могу. Тяжело это. Я лучше Ваську, сына своего, командую. Он и играть мячом любит, и в поле давно не работал. Завтра воскресенье, в школу ему идти не надо.

Старший бригадир Шкатулкин радостно вспомнил:

— У меня тоже сын есть, Шуряйка. Он на баяне играть может не хуже баяниста нашего, в пионерском лагере выучился. Он вам эту «Чунгу»! А мы с баянистом сходим пива попьём на станции. Мы три года в отпуске не были.

Потом он добавил:

— Только одно плохо. Мой Шуряйка на месте сидеть не умеет. Всё время бегаёт. Хоть к табуретке его приколачивай.

— Вот и хорошо, — сказала Маша. — Пусть табуретку с собой принесёт, молоток и гвозди.

И все остальные работницы из бригады просили себя детьми заменить. То есть к утру весь состав бригады у Маши обновился.

Пришли аккуратные девочки Галя Частова и Лида Расторгуева — дочки участниц бригады. А старушка Татьяна Семёновна ни дочек, ни внуков не имела. Она прислала соседку тимуровку

Туманову Свету.

Шкатулкин Шуряйка в самом деле принёс табурет, молоток и гвозди — всё, как было велено городским начальством. Видно, авторитет Маши, как руководительницы производства, всё ещё был достаточно высок.

Маша не стала с ними играть в весёлые игры, как со взрослыми. Каждому отвела грядку и сказала:

— Работайте, товарищи ребята! Собирайте мичуринки. А ты, Шуряйка, садись на табурет и играй «Чунга-чангу».

— Он хромает, — показал Шуряйка на табурет. Видно, дома ему выделили не самую лучшую мебель. — Можно, я в клуб слетаю, стул принесу?

— Не надо летать, — строгим бригадирским басом сказала Маша. — Вон ящик стоит для кабачков. Садись и играй.

Шуряйка сел и заиграл. Тут его укусил слепень. Шуряйка схватил доску от ящика и помчался за слепнем.

Маша догнала его и усадила. Все стали работать. Укладывая кабачки в ящики. Так они и ползали вдоль грядок каждый со своим ящиком. А Светка Туманова, как самая маленькая, тащилась с ведром.

— Мне мама говорила, что здесь мяч гоняют! — ворчала Галка Частова.

— Лучше бы я осталась дома дрова пилить! — горестно говорила Лида Расторгуева.

А Светка Туманова вздыхала, как пароход на мели.

— Эх вы! — стыдила их Маша. — А ещё сельская местность! Я этот спорт для взрослых заводила. Они у вас какие-то дохлые. А мы можем и без игр работать. Мы — молодёжь!

Тут бригадиров Шуряйка бросил баян и куда-то помчался.

— Ты куда?

Шуряйка замер:

— Эвон Павловский телок действует.

— Как он действует?

— Объявление ест около клуба.

— Ну и что?

— Его пора проучить. Ишь моду взял!

— Без тебя проучат. Садись и играй.

Шуряйка сел и зачунгачангил. Но как-то так уныло. Будто эта самая Чунга тяжело заболела. И бригада стала вся какая-то квёлая, никудышная. Хуже, чем вчерашняя, родительская.

Каждый нехотя накладывал кабачки в свой ящик. Тащил ящик через всё поле к дороге. Брал новый ящик, пустой, и снова возвращался к бригаде.

— Нет, мы так много не насобираем! — сказала Маша. — Слушайте, я буду рассказывать одну историю про любовь.

Девочки так и потянулись к Маше и стали даже свои кабачки к ней в ящик укладывать.

— У нас в школе одна девочка влюбилась в одного мальчика. Он был из другой школы, для трудных ребят. Там те учатся, которые воришки, скандалисты, которые курят.

Маша не успела и начала истории рассказать, как её ящик стоял уже полон. Никто его не понёс на край поля, чтобы не расставаться, а так на грядке его и оставили.

Маша дальше рассказ продолжила:

— Учителя девочке объясняют, что влюбляться в школе нельзя. Уж, в крайнем случае, в отличников и достойных пионеров. А девочка не согласна. Она этому мальчику письма пишет и встречается с ним в парке. Там, где значки меняют.

И все они вместе ящик Светки Тумановой заполнили. Что делать? Послали Шуряйку за пустым ящиком:

— Ты, Шуряйка, положи баян и за ящиком сбегай. Ты у нас бегать мастак. Пусть твоя беготня со смыслом будет.

Шуряйка помчался за ящиком. Пока ящика не было, все стояли с кабачками в руках.

— Бросайте мне кабачки! — сказала Маша. — Как в штандар!

Все стали в неё кабачками бросаться. Она их ловила и к ногам складывала. Как только Шуряйка с ящиком примчался, кабачки в ящик быстренько запихнули. И Шуряйка снова за ящиком полетел.

— Встречались они в парке. Там этот мальчик значки менял у коллекционеров. Потом гуляли везде, на каруселях катались. Уроки учили на лавочке. Наша девочка очень способная была. А её родители сердились: «Где это ты гуляешь? Откуда у тебя столько значков? Прекрати немедленно!»

Тем временем под рассказ прошли поле до конца в одну сторону — от реки к дороге. Не успели оглянуться, как пять больших ящиков наполнили.

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

9. «ПИСЬМО В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ.

Уважаемые товарищи!

Когда мы узнали про вас, мы обратились к вам за помощью. Мы думали, что вы улучшаете производство, как все нормальные институты, путём присылания студентов. А вы прислали эту Филипенко с небывалыми полномочиями. И говорите, что она всё улучшит.

Пока у нас тётки в телогрейках играют в мяч. Баянисты играют „Чунгу-чангу“, а сама ваша Маша в первый день проспала на работу.

Давайте договоримся так. Я никому ничего не скажу. А вы заберёте эту организационную Машу и пришлёте обычных студентов 10 человек.

Если не верите, приезжайте и проверите.

Директор совхоза Демидов».

— И друзья девочке не помогали. Они говорили ей: «Эх ты, влюбилась, и металлолом мы без тебя собирали». Тогда девочка стала сердиться и на родителей, и на учителей, и на товарищей. А от сердитости хуже учиться стала, стала нервная и скандалистка.

Тем временем ребята решили без ящиков обходиться. Они расходились в стороны от Маши и кидали ей кабачки. Она их в кучу складывала. Когда куча большая выростала, ребята на другое место переходили ближе к дороге. Скоро десять больших куч цепочкой стояли от реки до дороги. Огромные кучищи.

Маша говорит:

— Ребята, вон нас сколько. Я одна не успеваю все кабачки ловить. Давайте мы на две бригады разобьёмся. Шуряйка у нас готовый ловильщик кабачков. И так будем рядом идти от речки к дороге.

Теперь две бригады медленно двигались по полю. А кабачки летали над ними, как стая чаек над рыбацкой лодкой.

Появился бригадир Шкатулкин и ахнул! Батюшки, да они треть поля собрали! Надо бы председателю доложить. Но он не пошёл, потому что от него пивом пахло.

По дороге с поля Маша историю докончила:

По дороге с поля Маша историю докончила:

— Потом девочка совсем испортилась. Непослушная стала, капризная. В родителей стала книжками кидаться. Её отдали в школу для трудных детей. В ту самую, где мальчик со значками учился. Там она опять сделалась отличницей. Потому что она не трудная была, а нормальная. Неудобная просто.

Ребятам так Маша понравилась, что они решили и на следующий день прийти в поле работать. Правда, не целый день, а после школы.

...Как только ребята пришли, они на две бригады разбились и снова работать начали.

Работали, работали, а через час всё поле было покрыто кабачковыми кучами.

Шуряйка говорит:

— Давайте мы будем кабачки хватать и к дороге наперегонки бегать.

— Нет, — возражает Маша, — кабачков много. Так мы будем до конца четверти бегать. Мы по-другому сделаем.

Маша выстроила всех ребят цепочкой вдоль грядки, и они стали кабачки из рук в руки через всё поле перебрасывать. А на краю поля их уже в ящики укладывали.

Тут подъезжает чёрная «Волга», и из неё выходит начальство разное: директор совхоза Демидов, старший бригадир Шкатулкин, профессор Баринов и другие лица. (Вернее, одно другое лицо. Это был сотрудник по математике — Игорь Игоревич. Мы потом с ним ещё ближе познакомимся.)

Директор Демидов на поле посмотрел и глазам своим не поверил:

— Не может быть! Эти кабачки кто-нибудь ночью собрал.

— Наверное, на это поле ночью кабачковый десант выбросили, — согласился профессор Баринов. — Они кабачки собрали и в леса ушли.

Он к себе Машу позвал и спросил:

— Как дела, товарищ Маша, есть трудности?

— Есть, — говорит Маша. — Шуряйка у нас на шаг перешёл. Из него вся шустрость вылетела. И ящики уже кончаются.

— Как кончаются? Как кончаются? — заволновался Шкатулкин. — Я за ними сейчас грузовик пошлю. И у Шуряйки шустрость опять появится. Я ему только ремень покажу от брюк.

— Расскажите, как вы работаете, — попросил профессор Баринов.

— Мы всё поле на клетки разбили. В середине вратарь стоит, и все ему кабачки кидают. Он их ловит и складывает. Потом бригада на новую клетку переходит. А потом все бригады объединяются и кабачки на край поля по цепочке передают.

— Это же бригадный метод! — ахнул Демидов.

— У нас такого никогда не было! — сказал Шкатулкин. — У нас каждый за себя собирал. Поэтому скорость была низкая. Да и ящики эти тяжёлые, как танки, не натаскаешься. А теперь мы по-другому заживём. Теперь мы всё сами будем быстро собирать. Теперь нам никаких студентов не надо будет.

Они стали втроём обсуждать бригадный метод. А сотрудник по математике отвёл Машу в сторону, усадил на ящик и стал знания проверять.

Он нашёл, что знания у Маши есть. Но их не много, и все они неправильные. И что надо срочно её в Москву забирать и учить там математике.

С этой «Волгой» Маша в Москву уехала. А вся бригада за ней бежала и махала вслед. Потом стала отставать. Дольше всех Шурайка бежал. К нему опять шустрость вернулась. То ли ему ремень от брюк показали, то ли он Машу больше всех любил.

Маша кричала из окна:

— Не грустите. Мы ещё встретимся!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

10. «ТЕЛЕГРАММА В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ.

План по сбору кабачков и тыкв выполнили. Приезжайте пробовать. Метод бригадной работы внедряем везде.

Директор Демидов. Заместитель директора Шкатулкин»

Значит, Шкатулкина повысили.

Глава 3.

Третья профессия Маши Филипенко. Тайна овощной палатки

Третью профессию Маше долго не давали: сотрудник по математике Игорь Игоревич запрещал. Он всё время с ней занимался, подтягивал её. Задачки ей давал.

«Из пункта А в пункт Б ехали велосипедисты. Половина велосипедистов остановилась около бочки

с квасом. Из оставшейся половины половина вырвалась вперёд. Когда половина из них приехала в пункт Б, оказалось, что их семь человек. Сколько всего велосипедистов выехало из пункта А».

Маша решила:

— Сначала вперёд уехало несколько велосипедистов. Потом ещё половина несколько. Получается полтора несколько. Потом ещё половина половины несколько. Всего стало одна несколько и три четвёртых. Значит, велосипедистов приехало больше, чем выехало. Совсем вы меня запутали, Игорь Игоревич!

— Это ты меня запутала, — отвечал он. — Нет такого понятия «несколько». Есть понятие — одно целое и его части. Целое можно обозначить буквой X.

Маша обозначала целое буквой X, и у неё ещё хуже получалось.

— Сначала у нас было X велосипедистов. Потом половина X пошла за квасом, а половина отстала. Значит, весь X растерялся по дороге и никто в пункт Б не приехал.

Игорь Игоревич аж зеленел. Он говорил:

— Есть учащиеся, которые не могут освоить понятие «неопределенное количество», им всегда нужно точные цифры называть. И ещё они не понимают, что такое пункт А, пункт Б и почему в бассейн в одну трубу вода вливается, а из другой выливается. Да ещё с разной скоростью. Они только глаза таращат и задыхаются, как рыба без воды.

— Совсем как я, — сказала Маша.

— Таким учащимся нельзя говорить, «из пункта А в пункт Б шёл пешеход». Им надо говорить, «из пункта АПТЕКА в пункт БИБЛИОТЕКА шёл пешеход профессор Баринов». У них тогда всё проясняется.

— Ой, — сказала Маша. — У меня всё прояснилось. Давайте про профессора Баринова решать.

— Этот метод, — сказал Игорь Игоревич, — называется методом конкретных действий. — Но решать задачу про своего научного руководителя отказался. — Мы возьмём пример из художественной литературы, — сказал он. — Записывай условие задачи: «Как ныне собирается вещий Олег из пункта А в пункт Б, отмстить неразумным хазарам. Их сёла и нивы, расстояние до которых двести километров, за буйный набег обрёл он мечам и пожарам. Из тёмного леса навстречу ему, из пункта Б в пункт А, идёт вдохновенный кудесник со скоростью пять километров в час. Требуется узнать, где встретятся эти пешеходы, если первый смиренно стоит под стрелами

врагов, а второй мчится по бранному полю». Автор задачи Пушкин.

В это время профессор Баринов вошёл.

— Как дела у вас?

— Трудная учащаяся, никакой ответственности. Её бы учётчицей в магазин послать, чтобы она за товар отвечала. Тогда она быстро и ящики, и килограммы, и литры, и мешки считать научится! — сказал Игорь Игоревич.

— У нас как раз есть заявка на улучшение работы одного овощного магазина. Население сердится, что там покупать нечего. А начальник торга говорит: «Мы эту палатку завалили продуктами. Даже бананы шлём». В общем, надо разобраться, в чём там дело.

Игорь Игоревич сказал:

— Отправляйте туда Машу немедленно. И меня к ней прикрепите. Я не думаю, что там порядок появится. Но считать она научится, это точно. И пятёрку по математике получит.

Через два дня был издан очередной приказ в Институте Улучшения.

«ПРИКАЗ.

Сотрудницу Филипенко М. А. направить в овощной магазин-палатку по улице Гашека, 18, в качестве продавца-исследователя.

Срок работы в пределах месяца.

Без отрыва от производства, без материальной ответственности.

В качестве консультанта к Филипенко М. прикрепить сотрудника по математике И. И. Кулибина с половинной материальной ответственностью.

Директор института профессор Баринов».

...Папа Филипенко прочитал приказ и спросил:

— Что такое материальная ответственность?

— Ответственность за материалы, — ответила Маша.

— Какие материалы в овощном магазине?

— Мешки всякие, целлофан. А есть ещё ящичная ответственность. Это за ящики. Или бочечная — за бочки. А у директора магазина, наверное, есть уже вагонная ответственность.

— Очень ответственная у вас работа, — сказал папа.

И вот после школы Маша отправилась на улицу Гашека. У неё было такое ощущение, что ей не очень обрадовались. Продавщица Зоя Абрикосова спросила:

— Ты что, умственно отсталая, раз тебя к нам прислали? Почему ты в школе не учишься?

— Я умственно нормальная, — ответила Маша. — Я к вам зарабатывать пришла.

— Ой, — засмеялась продавщица Клава Абрикосова. — У нас тут заработаешь!

Зоя и Клава были сестры.

Работа у них была тяжёлая и сложная. Может быть, поэтому от них и не веяло теплом к покупателю.

— Я научу тебя, как работать, — сказала младшая Зоя. — Главное, чтобы покупатель не

капризничал. Его первым делом надо на место ставить.

Маша вопросительно посмотрела на старшую сестру Клаву. Та в ответ кивнула головой:

— Да, на место ставить и одёргивать. При случае можно и припугнуть. Он спросит: «Дайте мне двести граммов капусты». А ты ему в ответ: «Двести граммов! Буду я возиться из-за каких-то двухсот граммов. Это капуста, а не шоколадные изделия! Я людям мешками вешаю!» Если другой покупатель придёт и скажет: «Дайте мешок капусты!» — ты ему в ответ спокойно так и с достоинством заявляешь: «Ишь распустились! Людям на суп двести граммов не хватает, а тут мешками берут! Это тебе капуста, а не железобетонные изделия!»

— Он тогда ручным становится! — подхватила Зоя. — Ещё ему можно сказать: «Ишь шляпу надел!.. Вы бы тут у нас сами поработали!.. Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!»

Маша всё это с первого дня запомнила. И ещё много чему у продавщиц научилась.

— Значит, главное — припугнуть и на место поставить?

— Припугнуть и на место поставить.

Маша стала готовиться к самостоятельной работе.

На складе она нашла старую тыкву и все внутренности из неё вынула.

Прорезала в тыкве глаза, нос, рот зубастый до ушей. Сверху к хвосту верёвку привязала. И верёвку за трубу у потолка забросила. Если за верёвку потянуть, улыбающаяся тыква вверх выезжала.

К тыкве Маша привязала старый мешок, как платье, и хоккейную клюшку.

Получилась смерть с косой. Такая овощная смерть со спортивным уклоном.

Эту смерть Маша до поры до времени в углу держала в боевой готовности.

Как за верёвочку потянешь, это улыбающееся изделие немедленно под потолок выкатывалось как солнышко.

Ещё одну верёвочку Маша к ручке двери на склад привязала. Дверь скрипела ужасно, будто асфальтовый каток по стеклу буксовал. Таким образом Маша звуковое сопровождение приготовила.

А чтобы довершить спектакль, наша ученица научилась крышку погреба ногой толкать. Погреб своей крышкой не хуже пушки грохал.

И стала Маша ждать, когда ей самостоятельную работу доверят.

Однажды продавщицам Зое и Клаве надо было на овощную базу ехать товар отбирать. Потому что туда репу завезли из Турции. Зоя говорит Клаве:

— Давай мы магазин закроем. «Учёт» повесим или «Ушла на базу».

Клава отвечает Зое:

— У нас и так каждый день «Учёт» или «Ушла на базу». Надо что-то другое придумать.

— Чего тут придумывать, — говорит Зоя. — У нас практикантка есть. Пусть поработает. Чего она без дела изюм грызёт.

Маша тоже говорит:

— Дайте мне самостоятельную работу. И у вас уже три дня сижу, всё умею.

Старшая Клава посмотрела на неё и согласилась:

— Ладно. Будешь тот товар продавать, который не больше двадцати копеек за килограмм. Дороже чтоб ничего не продавать. А то ты нам наторгуешь!

Продавцовые сестры уехали. Маша осталась за главную. Тут покупатель пришёл. Это был большой начальник из одного министерства.

Маша этого не знала. Она приготовилась покупателя на место ставить.

Он говорит:

— Дайте мне двести грамм изюма.

Она в ответ:

— Вот ещё! Буду я из-за двухсот граммов возиться. Люди мешками берут.

Покупатель из министерства даже подпрыгнул от удивления:

— Мешками?!

— Ну да! — бодро отвечает Маша. — Ишь, а ещё шляпу надел!

Покупатель говорит:

— Я шляпу не надел. Я, наоборот, снял шляпу. Потому что мне жарко стало.

А Маша дальше кричит:

— Вы бы у нас тут поработали! Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!

Покупатель тихо так спрашивает:

— Какого такого?

Маша не знала, что сказать, поэтому закричала совсем басом:

— Такого такого! Ишь чего хотят! Это изюм, а не железно-капустные изделия!

Она так расстаралась, что у неё изо рта пена пошла. Покупатель стал её успокаивать:

— Вы не волнуйтесь. Может, действительно, все мешками берут. Я тогда тоже мешком возьму. Только боюсь, у меня денег не хватит. Сколько стоит ваш изюм?

— Дороже двадцати копеек я не продам, — говорит Маша. — И не просите. А то я тут наторгую.

Покупатель совсем удивился:

— Пока я в своём министерстве сидел сельскохозяйственном, тут большие изменения произошли. Цены почти даровые сделались. А мне жена ничего не сообщала. Зарплату по-прежнему требовала.

Он на витрину внимательно посмотрел:

— А кедровые орехи у вас почём?

— По двадцать копеек.

— А грецкие?

— Дороже двадцати не продам.

Покупатель успокоился и говорит:

— Дайте мне полмешка того и полмешка сего.

Маша видит, он опять спокойный стал, neodёрнутый. Она решила в ход своё главное дисциплинирующее устройство пустить. За верёвочку потянула. Тут овощная смерть со своей улыбочкой наверх полезла.

Клюшкой размахивает. Покупатель глаза выкатил, шёпотом спрашивает:

— Это-о что-о?

— Ах, это? — небрежно говорит Маша. — Это смерть продуктовая. Каждый день ровно в обед приходит. Сейчас кричать начнёт.

Сама за верёвочку от двери на склад потянула. Дверь страшно скрипеть и визжать принялась на своих петлях. Маша ногой люк подняла — и грох!!

Будто пушка из-под земли шарахнула.

Покупатель как закричит:

— Караул! На помощь! — и бежать.

Только он за углом скрылся, Зоя с Клавой пришли. Клава спрашивает:

— Как торгуется?

— Нормально, — отвечает Маша. — Один покупатель уже убежал.

— Почему убежал? — спросили сестры Абрикосовы.

— Я его на место поставила. Проучила чуть-чуть.

— А что, он платить не хотел?

— Почему не хотел? Хотел. Он хотел изюма целый мешок купить.

— Может, он какое недовольство проявлял? Жалобную книгу требовал?

— Ничего он не проявлял, — успокоила их Маша. — Он вообще хороший человек, из министерства.

— Так зачем же его на место ставить?

— Мне надо было средство проверить, — объяснила Маша. — С которым я дальше работать буду. С плохими покупателями. Это были испытания.

— Какие ещё испытания? Какое ещё средство? — спросила старшая Абрикосова.

— Вот это, — сказала Маша и потянула за верёвочку. Овощная смерть опять на каменный небосклон вылезла. А дверь страшно скрипеть начала. Сестры сразу побелели. Потом Зоя говорит:

— Вот что, пока не поздно, нужно эту командировочную из торгового помещения убирать. Нечего из нашего магазина комнату ужасов устраивать... Какая-нибудь бабушка здесь рассудка лишится, нас же потом под суд отдадут. Мы её на склад отправим, пусть ящики считает.

Старшая Клава поддержала:

— Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела. На складе ей самое место, там посторонних нет. Пусть и чучело с собой берёт. Может, какой жулик залезет. Пусть лучше он окачурится, чем честные труженики.

Маша согласилась. На склад так на склад. Лишь бы пользу приносить. Она смотала смерть продуктовую и на склад отправилась.

Скоро туда и Игорь Игоревич пришёл с Машей заниматься. Вообще-то Игорь Игоревич был студентом педагогическим. То есть он был наполовину учителем. Но из него, наверное, очень хороший учитель получится. Потому что из-за одной Маши он как на праздник одевался. На нём был костюм в искорку и галстук в серый горошек.

Они занимались и одновременно работали. Морковь по пакетам рассовывали.

Маша просто рассовывала, а Игорь Игоревич задачки придумывал:

— На склад привезли десять ящиков с яблоками и десять с бананами. И пять бумажных мешков с лимонами. В первый день продали несколько ящиков и мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали всё, что осталось. И это было меньше, чем в первый.

Маша спросила:

— Игорь Игоревич, где вы условие задачи взяли?

— У кладовщика в накладной прочитал.

Маша говорит:

— Это неправильная задача. Я в этом магазине три дня работаю и ни разу ни яблок, ни бананов, ни лимонов на прилавке не видела.

— Так быть не может! — говорит Игорь Игоревич. — Если в первый день завезли бананы, то во второй день продали бананы. Так во всех учебниках пишут.

Они к кладовщику пошли, товарищу Поросёнкову. Это был спокойный человек, в брезентовом фартуке. Он говорит:

— Что там в учебниках пишут, я не знаю. У нас всё по-другому. На первый день привезли двадцать ящиков с яблоками, на второй день увезли двадцать ящиков с яблоками. На первый день привезли бананы, на второй день вывезли. Только картошка с капустой задерживаются.

Товарищ Поросёнков был пенсионер. Ему не повезло с фамилией, но очень повезло с характером. Его ничего не сердило, и из него никогда не выскакивали вопросы. А из Маши они так и летели во все стороны:

— А когда же их увозят эти бананы-яблоки?

— Не знаю, — ответил пенсионер. — Вечером я склад запираю, они есть. Утром я склад отпираю, их нет.

— Это какая-то загадочная тайна, — говорит Игорь Игоревич. — Пока мы ответа на эту задачу не найдём, мы другими заниматься не будем.

Они решили на ночь на складе спрятаться и узнать, куда ящики деваются.

Договорились потеплее одеться, взять фонари, чтобы не страшно было, и всё-всё расследовать.

Но до этих пор они как обычно картошкой и капустой занимались. Брли мешки, грузили на тележку и везли в торговый зал к Зое и Клаве. Игорь Игоревич всё равно удержаться не мог. Он Маше снова и снова задачи задавал, правда, уже полегче — про картошку и капусту:

— На склад привезли десять мешков с капустой и десять с картошкой. И пять бумажных мешков с морковью. В первый день продали несколько мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали всё, что осталось. И это было вдвое меньше, чем в первый.

Маша подходила к кассе и спрашивала:

— Скажите, тётя Зоя Михайловна, за сколько часов мы картошку продадим?

— Продадим к вечеру.

— Почему?

— К вечеру народ пойдёт. Всё расхватает.

Всё это Маша сообщала Игорю Игоревичу:

— Я решила всё. Картошку продадут к вечеру.

— Почему?

— К вечеру народ пойдёт. Всё расхватают. Это мне Зоя Михайловна сказала.

— Вот человек! — говорил Игорь Игоревич. — Вместо того чтобы просто решить, полгорода с вопросами обегает. Маме на работу позвонит, справочное бюро на ноги поставит. Всё умеет делать, только думать не может.

Они стали готовиться в складе прятаться. Игорь Игоревич пошёл домой за фонарями и телогрейками. Маша домой позвонила:

— Папа, не пугайся. Я домой ночевать не приду. У меня дело есть важное. Я буду всю ночь на складе сидеть в засаде против жуликов.

Папа закричал:

— Что это за засады? Ты где работаешь — в магазине или в городской милиции?

— Я в магазине работаю. А здесь постоянно бананы пропадают. И лимоны куда-то деваются.

— Всё ясно, — говорит папа. — У вас волки завелись лимонные. По ночам приходят и налимониваются. А ты будешь их арестовывать.

— Волки не волки, — отвечает Маша, — а бывает так, что кобылицы волшебные по ночам приходят и всё едят. Как в «Коньке-Горбунке». И потом, я не одна буду, а с Игорь Игоревичем.

Тогда папа успокоился:

— Ладно. Я маме про жуликов ничего говорить не буду. Я ей только скажу, что вы с Игорь Игоревичем в засаде сидите, математику решаете. Это такой новый метод засадный. Современные дети просто заниматься не умеют. Им нужны какие-то особые условия. Им нужно в засаде сидеть или на крыше. Или в поход идти по Африке. Чтобы кругом слоны были и бегемоты. Они тогда всё лучше усваивают.

Тут Игорь Игоревич вернулся. Они с Машей засунулись в магазин к Зое и Клаве. Сказали, что домой уходят. А сами тихонечко пошли на склад и спрятались в капусте.

Они тихо-тихо сидели, как мышки. Игорь Игоревич задавал Маше задачки:

— В одну столовую завезли грибы. Белые и подосиновики. Подосиновиков было в три раза больше, чем белых. Сколько всего было грибов, если подосиновиков было девяносто.

Маша сразу решила... Она твёрдо решила, что летом соберёт много грибов и принесёт их в школьную столовую для супа. А то у них всё рассольник с уткой и рассольник с уткой. Рассольник с уткой и рассольник с уткой. Если каждый начнёт в столовую грибы приносить или сухофрукты, у них будет не столовая, а кафе ресторанного типа. Можно будет даже гостей приглашать.

Заскрипела дверь.

Это пришёл кладовщик пенсионер Поросёнков. Он запер дверь, и засада началась. Маша и Игорь Игоревич укрылись мешками и стали ждать ответа, куда яблоки деваются. Они ждали, ждали, ждали, ждали... ждали... ждали... и глаза у них стали закрываться.

Они заснули.

Когда они проснулись, кругом было утро. Солнце так и прыгало во все щели. Кладовщик товарищ Поросёнков скрипел дверью. Всё было как и вчера.

Только лимонов не было.

Игорь Игоревич был мрачный и помятый. Маша тоже выглядела, как будто её на помойке нашли. И ничего они не узнали, куда яблоки деваются.

Они незаметно выбрались из капусты и стали работать. Опять таскали пакеты с картошкой, консервы, изюм. Хорошо, что в этот день ни яблок, ни лимонов не было. И Игорь Игоревич с Машей могли вечером пойти домой и нормально спать на кроватях.

На следующий день яблоки снова приехали. И бананы с лимонами. Маша прямо так и спросила у Зои:

— Тётя Зоя Михайловна, а когда мы их продавать будем?

Зоя Абрикосова прямо так и ответила:

— Не твоего ума дело. Когда надо, тогда и будем. Если тебя из школы исключили, значит, поменьше спрашивай.

Маша ещё сильнее захотела во всём разобраться. В конце рабочего дня они с Игорем Игоревичем снова на склад пробрались. И в картофельных мешках спрятались. Только в этот раз Маша похитрее была. Она взяла и тихонечко верёвочки привязала к яблочным ящикам.

А от ящиков к Игорю Игоревичу, к ботинкам.

— Всё! — сказала Маша. — Они в наших руках!

И тут ночь наступила быстро-пребыстро. За последние дни Маша на складе так уматывалась, что только глаза закрывала, сразу наступало утро. Какие-то ночи стали короткие — секунд десять.

Сегодняшняя ночь была особенно короткой — секунды две с половиной.

Будто какой-то волшебник просчитал: «Раз, два! Три!» — и покрывало ночное сдёрнули... И Игорь Игоревич остался без ботинок.

Он тихо закричал из мешков:

— Караул! Ботинки пропали!

Маша срочно отыскала рабочие рукавицы брезентовые и дала их Игорю Игоревичу на ноги. Игорь Игоревич сразу стал похож на большую, хорошо воспитанную обезьяну.

— Тут целая шайка действует, — сказал он. — Мафия. Не только ящики воруют, людей раздевают.

Хотя никто людей не раздевал, а немного разували.

— Мы их обязательно разоблачим! — поклялся Игорь Игоревич.

Кое-как они отработали этот день. Игорю Игоревичу из дома тапочки привезли.

Потом ещё один день прошёл. И вот третья ночь наступила, самая решительная. Снова яблоки завезли. И лимоны в бумажных мешках.

Продавщицы Зоя и Клава в этот день в кино торопились. Они были раскрашенные и нарядные.

— Картина будет очень хорошая, — говорила Клава. — «Саженцы» называется. Это про яблони и про огурцы.

— Сама ты про огурцы! — говорила Зоя. — Это про бандитов, которых в тюрьму сажают.

Они повесили «Ушли на базу» и велели Маше магазин запирать.

Маша и Игорь Игоревич магазин заперли и на склад пробрались, пока кладовщик Поросёнков двор подметал, гремя своим фартуком.

В этот раз Маша взяла с собой карманный радиоприёмник, чтобы не заснуть.

Они его включили и слушали «Последние известия», «Прогноз погоды на завтра», «Встречу с песней», «Передачу для родителей», «Вечернюю сказку», «Из зала суда», «Театр у микрофона», «Прогноз погоды на завтра», «Сегодня в мире», «Прогноз погоды на завтра», «Для тех, кто не спит», «Для строителей БАМ», «Прогноз погоды на завтра».

И вот послышался шум мотора, ярко засветили фары во все трещины складских ворот. Подъехала машина. Двери открылись, и вошёл человек.

Он стал грузить ящики в кузов грузовика.

— Дождались! — сказал Игорь Игоревич. — Похититель прибыл. Сейчас мы его разоблачим.

— Не надо его разоблачать, — ответила Маша. — Давайте мы вместе с ящиками погрузимся. Мы тогда всех сразу возьмём.

Как только человек очередной ящик понёс, они из ворот выскользнули. А когда человек ворота запер и в кабину пошёл садиться, они в кузов быстренько вскарабкались.

Машина поехала.

Было холодно-прехолодно. И ехали они долго-предолго.

И наконец, когда уже светать начало, они куда-то приехали. Только они с Игорем Игоревичем никак встать не могли. Потому что у них руки и ноги от холода плохо двигались.

Человек начал машину разгружать. Игорь Игоревич встал наконец, взял в руки пакет с подпорченными яблоками, поднял его над головой и говорит водителю-расхитителю:

— Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас разоблачили! Водитель руки поднял и отвечает:

— При чём тут я? Я просто шофёр. Со мною экспедитор есть. Он за все товары в кузове отвечает. Вы его разоблачайте!

— Зовите его сюда! — командует Игорь Игоревич.

— Товарищ Баранкин! — кричит шофёр. — Идите сюда. Вас разоблачат будут.

Товарищ Баранкин подошёл и смотрит. Игорь Игоревич ему говорит:

— Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас раскрыли! Товарищ Баранкин руки вверх поднял и отвечает:

— Интересное кино: почему это меня? Подождите, не кидайтесь вашей кислятиной. Я вам один документ покажу.

— Показывайте! — разрешил Игорь Игоревич.

Экспедитор товарищ Баранкин бумагу протянул:

— Видите, это наряд на получение овоще-фруктов в магазине на улице Гашека.

— Вижу. И что?

— Вы нам своими нарядами глаза не затуманивайте! — строго сказала Маша.

— Я вам не барышня нарядами глаза затуманивать. У меня наряд есть, я товар получаю. А подпись под нарядом директора нашего сельпо товарища Косогорова.

Игорь Игоревич строго так кричит:

— Всё ясно, кто главный зачинщик. Ведите сюда вашего товарища Косогорова. Будем его допрашивать.

Сбегали за товарищем Косогоровым.

Теперь уже три человека стоят перед грозным Игорем Игоревичем с поднятыми руками.

Товарищ Косогоров мирно так говорит:

— Знаете что. Зачем вы нас здесь разоблачаете, на улице? Пойдёмте ко мне в дом. Жена чаю приготовит. Позавтракаем.

Игорь Игоревич на Машу посмотрел. Она сказала:

— Хорошо. Пойдёмте. Только и не думайте убежать. Мы вас из-под земли достанем.

Они прошли в дом товарища Косогорова. Светлый такой дом, с цветами и даже с канарейкой. Даже не верилось, что преступники такие уютные бывают. Наверное, товарищ Косогоров хорошо замаскировался.

Сели пить чай.

Товарищ Косогоров спрашивает:

— Какие претензии вы к нам имеете?

— Вот какие, — ответила Маша. — В магазин по улице Гашека поступают бананы и яблоки. А покупатели их не видят ни в первый день, ни во второй. Потому что они исчезают в неизвестном направлении. Кто-то каждую ночь их украдает.

Товарищ Косогоров всё внимательно выслушал и говорит:

— Можно, я задам разъяснительные вопросы?

— Можно, пожалуйста. Только это вас не спасёт.

— Вы видели, в каком виде приходят яблоки?

— В каком?

— В таком, что ими только в театре в плохих артистов кидаться хорошо. Дайте мне ваш пакет с кислятиной.

— Какой вы хитрый! — говорит Маша. — Вы нас разоружить хотите.

— Я вас угостить хочу.

— Нет, не надо нас угощать, — говорит Маша. — Тут на весь пакет всего три яблока хороших. Остальные чёрные.

— Кто же будет в городе такие яблоки покупать? — спрашивает товарищ Косогоров. — Может быть, хорошо, что они исчезают?

— Может быть, и хорошо. А кто будет в деревне такие яблоки покупать? Кому они нужны?

Тут товарищ Косогоров закричал:

— Вась! Вась! Вась!

И из-под скамейки маленький козлёнок выскочил. Косогоров дал ему яблоко с гнильцой. Козлёнок как съест это яблоко.

— Пойдёмте дальше, — говорит Косогоров. Он взял пакет и вышел во двор. А там кого только нет. И куры, и гуси, и кролики, и телёнок. Как увидели они тухлые яблоки, как обрадуются. Так и кинулись на них.

— Всё понятно? — спрашивает товарищ начальник сельпо. — Конечно, это неправильно, но плохими яблоками сельскую местность можно снабжать. Им есть применение. Зато наши рабочие

ещё и бананы получают. Благосостояние у нас растёт, а бананы не растут. И лимоны не растут.

Маша и Игорь Игоревич всё уже поняли. И спросили:

— А откуда такие плохие яблоки берутся?

— Я думаю, в этом овощная база виновата. Эти яблоки хранили неправильно.

Тогда Маша и её учитель поблагодарили товарища Косогорова и всех других товарищей и спросили:

— Скажите, а где тут у вас электричка останавливается?

— А вон там, позади пятиэтажного Дома культуры. У нас поезда очень часто ходят.

Так и закончилась эта история. И закончилась третья профессия Маши Филипенко.

Глава 4.

Четвёртая профессия Маши Филипенко. Ассистент овощного хранильщика

Как только Маша вернулась домой, она сразу стала отчётную записку писать. А уже потом привела себя в порядок и спать легла.

«АТЧЁТНАЯ ЗАПИСКА.

Уважаемый профессор Баринов.

Из магазина по улице Гашека прадукты увозют в сельское по. Потому что там порченые яблоки едят сельские хозяйственные животные. А бананов там вообще не видели. Теперь видют. Это на станции Турист.

Главное надо наладить овощную базу для правильного хранения испорченных яблок. Тогда они будут неиспорченные.

Улучшательница Филипенко».

На свободном месте Игорь Игоревич приписал:

«С отчётом согласен. Прикреплённый Игорь Игоревич. В дополнение сообщаю, что успеваемость у улучшательницы улучшилась. Я имею в виду математику. А что касается русского языка, сами „видюте“.

Сотрудник по математике Кулибин И. И.»

Через несколько дней появился на свет

«ПРИКАЗ ПО ИНСТИТУТУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА.

В связи с потребностями времени и по заявке директора овощного торга направить улучшательницу М. А. Филипенко на овощную базу Дзержинского района в качестве ассистента хранильщика овощей.

Работы по хранению овощей проводить по воскресеньям без отрыва от школы и семьи.

Главный учёный профессор Баринов».

Маша получила приказ на руки и домой его принесла. Папа прочитал и сказал:

— Мне этот приказ очень нравится. Ты у нас, Марья, совсем от семьи оторвалась. И от магазинов. Вот тебе три рубля, беги в булочную, купи килограмм песку и батон. А когда прибежишь, проводи у себя в комнате субботник. Потому что у тебя там столько мусора накопилось, что пола не видно. На люстре прыгалки висят и на аквариуме колготки качаются.

В школе Екатерина Ричардовна была рада Маше. Она сказала:

— Посмотрите, ребята, как труд полезен третьекласснику. Маша пошла работать в магазин совсем отсталая. Ни одной задачи решить не могла. А сегодня всё сама решает.

Маша так и засияла. Ею можно было весь широкий Невский проспект освещать.

— И Дима Аксёнов правильно делает, что у неё списывает. Но решать задачи Маша правильно научилась. А писать грамотно не умеет. Она пишет: «На склад завезли БАтинки...» «За десятую пятилетку будет поставлено четыре тысячи семьсот электрАвозов...» Она всё время «а» и «о» путает. И Дима Аксёнов, который правильно делает, что у неё списывает, неправильно делает, потому что списывает с теми же ошибками. Ему можно сразу две двойки ставить — по математике и по русскому. Дима, выбирай, какая тебе больше нравится.

Дима долго выбирал. Потом сказал:

— Никакая не нравится.

— Ладно, — сказала Екатерина Ричардовна. — Поставим тебе по математике. Потому что по русскому у тебя уже есть.

Наступило воскресенье. Рабочий улучшательный день для третьеклассницы Марии Александровны.

Около метро «Варшавская» рано-рано утром в темноте идёт весёлый поток трудящихся. Это — инженеры, физики, журналисты, сборщики приборов, регулировщики автоматов, студенты и другие представители граждан Москвы. Они, как и Маша, спешат на овощную базу. Так уж принято — овощи надо спасать.

Маша, как приехала на базу, пошла в цех помидорно-яблочного хранения. Там её встретила начальница цеха — Наталья Павловна Науменко.

Она посмотрела на путёвку и сказала Маше:

— Мне некогда тобой заниматься. Ко мне народ пришёл разный. Иди к дяде Паше Лексееву, старшему хранильщику. Он тебе всё объяснит.

И закричала в глубину цеха:

— Товарищи из метрополитена, проходите к яблокам. Товарищи из медицинского института — к помидорам. А товарищей с телевидения у нас явный избыток. Мы их перебросим в соседний цех на картофель.

Тут у неё зазвонил телефон. Она закричала в трубку:

— Начальник цеха по яблокам и помидорам у аппарата. Я слушаю. Что? Сто человек пропало с шарикоподшипника? Нет, ко мне они не приблуждались. Если придут, я их отправлю в дирекцию.

Потом она обратилась к метрополитеновцам:

— За работу, товарищи! Будем спасать яблоки!

Потом она обратилась к мединститутовцам:

— За работу, товарищи! Будем спасать помидоры!

Снова зазвонил телефон. Наталья Павловна закричала:

— Начальник помидорного цеха слушает... Да, поняла. — Она обратилась к людям, работающим в цехе: — Товарищи, среди вас нет зам. министра по Маркаронии? Его срочно разыскивают. Неожиданно прибыла делегация маркаронских специалистов.

Работающие ответили, что нет.

— Нет. У нас нет такого товарища. Если найдётся, мы вас известим.

Люди из разных организаций стали очень весело работать. Все они были одеты как попало. Было непонятно, кто журналист, кто шарикоподшипниковец, а кто просто так себе, физик-теоретик, кандидат наук. Все они очень уважали яблоки и помидоры и очень аккуратно их перебирали. А все работники базы были в синих телогрейках с иголки. И очень важно повсюду ходили.

Дядя Паша Лексеев повёл Машу к себе в комнату без окон, стал поить чаем и про свою работу рассказывать.

— Главное в нашем деле — электрическая вата, — говорил он. — Чем больше электрической ваты мы сэкономим, тем больше нам, хранильщикам, платят.

Маша слушала затаив дыхание.

— Вот к примеру. Сэкономил я один килограмм ваты, мне четыре копейки премия.

— При чём тут вата? — спросила Маша. — Вату можно в аптеке экономить.

— В аптеке одна вата. В электричестве другая. Электрический расход энергии в килах ваты меряют. Мой сосед Пахомыч вчера семь кил ваты сэкономил. Так ему прибавка выйдет двадцать восемь копеек.

— Как он сэкономил? — спросила Маша.

— Он электрический подъёмник выключил.

— И как же поднимали всё без подъёмника?

— Просто поднимали. Студентами в корзинах. Вчера суббота была. Много студентов было. Они и поднимали. Наматываешь?

— Наматываю, — сказала Маша.

— Исходя отсюда, у тебя задача будет — везде свет выключать. Электрическую вату экономить. В стране этой ваты не хватает.

— Но овощей тоже не хватает! — сказала Маша.

— Овощей, вона, завались! — возразил дядя Паша. — Потом, за овощи я не отвечаю. За овощи у Натальи Павловны голова болит. Ей за них отвечать.

Тогда Маша с ходу деловое предложение внесла:

— Может, нам совсем главный рубильник выключить. Вся вата у нас останется.

— Эта мысль правильная! — степенно сказал дядя Паша. — Но не верная. Если мы главный рубильник выключим, все лампочки погаснут. И людям не видно будет, где какой овощ испортился

и какой перебирать нужно.

— А если им фонари раздать?

— Когда у тебя в одной руке фонарь, много не наперебираешь. И потом... если мы главный рубильник выключим, весь холод из базы уйдёт. Яблоки ещё выдержат, а фрукты уже нет. Мы главный рубильник только по ночам выключаем.

Маша всё поняла и пошла к начальнику цеха.

— Наталья Павловна, скажите, что важнее — электрическая вата или овощи?

— А почему, девочка, ты об этом спрашиваешь?

— Потому что то и другое сохранить нельзя. Надо или вату спасти, или помидоры с яблоками.

— Не знаю, при чём здесь электрическая вата. Мне лично овощи дороже. Я за них отвечаю.

У неё зазвонил телефон.

«Я вас слушаю. Нет, не присылайте к нам маркаронскую делегацию. Мы вашего сопровождающего не видели. И ансамбль Большого театра нам не нужен. Нам спортсмены нужны, силовики. У нас ни один электрический подъёмник не работает». Она на Машу посмотрела:

— Ты, девочка, что стоишь. Иди на ворота. Будешь их по команде открывать. Электрический мотор на воротах испортился.

Стала Маша на воротах кататься туда-сюда. Вместе со сторожем. Он на одной половинке ворот катался. Она на другой. Как сторож махнёт — открывай! — она в одну сторону едет, он в другую. Как сторож махнёт — закрывай! — они навстречу друг другу катятся. Сначала у них неловко получалось, чуть-чуть маркаронскую делегацию не прищемили, которая нашлась и уходила. Потом они научились так ловко кататься — лучше всякого мотора электрического. Не меньше полкила ваты сэкономили.

И тут большая машина выезжает, гружённая испорченными яблоками. Маша на воротах выехала, чтобы открыть дорогу. А закрывать не поехала. Ушла. Она пошла в Институт Улучшения.

По дороге она думала про сотрудников:

«Интересно, а по воскресеньям они работают или нет? Наверное, работают. Они почему-то всегда работают. Это ухудшать производство можно с выходными. А улучшать нужно круглосуточно. Я им сейчас всё расскажу!»

Она подошла к двери. Вахтер её спросил:

— Ты куда?

— К Главному учёному Баринову.

— Его нет. Уехачи.

— А Игорь Игоревич есть?

— И его нет. Уехачи.

— А кто-нибудь есть?

— Никого нет. Все уехачи. На овощную базу отправились. Картошку перебирать.

Глава 5.

Не до профессий

Вечером Маша написала очень подробную записку про овощную базу. Что овощи плохо хранятся из-за того, что сторожа электроэнергию экономят. Они по ночам главный рубильник выключают, и холод уходит.

Все Машу очень хвалили, даже папа. Только Екатерина Ричардовна по-прежнему была недовольна Машей. Она говорила:

— Может, ты и приносишь пользу народному хозяйству. Но в школе от тебя пользы нет. Тебе первым делом надо свою успеваемость улучшать. — Она обратилась к классу: — Вот, ребята, смотрите, я задала упражнение. Из предложений первого типа надо было сделать сложные предложения. Вот эти предложения: «Холодный и резкий ветер дует с гор в долину». «Мальчик палочкой гнал обруч по брусчатой мостовой». А дополнительные предложения были такие: «Норовящий поломать всё вокруг» и «одетый в бархатные штанишки». И вот что получилось у Маши: «Холодный и резкий ветер, одетый в бархатные штанишки, дует с гор в долину» и «Мальчик, норовящий поломать всё вокруг палочкой, гнал обруч по брусчатой мостовой». Я живу на свете двадцать шесть лет и никогда не видела ветер, одетый в бархатные штанишки. Вы думаете, это неграмотность? Нет, это небрежность. Желание написать что-либо и бежать по своим более важным делам.

Лучшая улучшательница с ужасом слушала про этого мальчика, норовящего поломать всё вокруг своей палочкой. И поняла, что слишком оторвалась от класса и от учебников.

А Екатерина Ричардовна прошлась по классу, горестно посмотрела на каждого. И каждому её грусть передалась.

И сказала Екатерина Ричардовна:

— Если спросят моё мнение, я скажу: надо Маше отдохнуть от улучшения производства. Надо ей заняться русским языком.

Когда пришла переменка, в классе спор разгорелся — что важнее: народное хозяйство или народная успеваемость? Валера Готовкин напирал на хозяйство:

— Пока мы население товарами не завалим, нам трудно с него спрашивать хорошую работу.

Дима Олейников возражал:

— Меня не надо товарами заваливать. У меня всё есть. Завалите меня только велосипедом гоночным. И спрашивайте любую работу, хоть контрольную.

Лена Цыганова сказала:

— Если ты такая улучшательница, скажи нам, как лучше сборы проводить пионерские. А то у нас ничего не получается. Завтра у нас по плану вечер тихих игр. Так на него никто не придёт.

Маша стала думать, как сделать так, чтобы на вечер тихих игр все пришли. Потому что сидеть и тихо играть в шашки у них было мало добровольцев. Если бы пенсионеров со сквера позвать, их бы от таких игр не оторвать. Они народ сознательный.

А в Машинном классе ребята так устроены, что от тишины бегут, как от пожара. Если бы их надо было ловить, то их ловили бы на шум. Рыба на червяка идёт, птица — на зерно, а третьеклассники на шум ловятся. Встань на главной городской площади, возьми в руки кукующий африканский барабан и начни по нему колотить изо всех сил. Чтобы пошли воющие звуки африканских джунглей. И что будет? Через полчаса все городские третьеклассники возле этого барабана будут косяком ходить. Редко будет среди них встречаться первоклассник. Ещё реже четвероклассники. А пятиклассников совсем не будет. Этих старших надо на звуки полкового оркестра ловить. Более старших — седьмой и восьмой класс — можно из всего города на танцы вытянуть и собрать.

С тихим вечером что-то надо было изобрести. Маша решила: пусть каждый из дому свою любимую игру принесёт. Он в свою игру играет хорошо. И весь класс будет против него силы выставлять, чтобы выиграть. Вот азарт и появится. Маша сказала Лене Цыгановой:

— Пусть на этот вечер каждый принесёт, что у него есть. Кто хоккей, кто летающие колпачки, кто рулетку, кто лабиринт с катательным кубиком. Будет весело!

Лена была хорошая звеньевая, очень старательная. Но какая-то слегка варёная, кисловатая. И из-за этой её вареноватости и кисловатости общественная жизнь в классе тоже была вареноватая и кисловатая. Она очень обрадовалась такому предложению и сразу написала объявление:

РЕБЯТА!

СКОРО, ВО ВТОРНИК,

СОСТОИТСЯ ВЕЧЕР ТИХИХ ИГР.

ПРОСИМ ВСЕХ ПРИНЕСТИ СВОИ ТИХИЕ ИГРЫ ИЗ ДОМА.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДЕТ ПРИЗ.

Ребята очень обрадовались объявлению и стали готовиться ко вторнику.

Во вторник, как только кончились уроки, ребята, как капельки ртути, по городу разбежались, по домам. А потом снова в одну большую ртуть стянулись. И каждый в школу свою любимую игру принёс.

Игры были разные. Дима Аксёнов принёс карты. Дима Олейников принёс телевизионную приставку. Её к телевизору подключишь — и в телевизоре игроки появляются. И можно ими играть в теннис, управляя ручками с приставками.

Валера Готовкин принёс настольный хоккей с военным уклоном. Потому что обе команды хоккеистов были в военно-спортивной форме. В фуражках и пилотках, с лампасами. Эту форму им сам Валера придумал. Получалась хоккейная команда маршалов против команды генералов.

Лена Цыганова принесла такую хозяйственную игру — «Штопай сам». Были и другие игры. Все как начали играть! Как начали кричать. Шум коромыслом, только лампы под потолком качаются.

Екатерина Ричардовна говорит:

— Дима, разве карты детская игра?

Дима отвечает:

— Конечно детская. Мне старший брат все рисунки переделал. У меня не короли и дамы, а разные специальности — врачи в белых халатах, милиционеры в синих брюках. Военные — зелёного цвета и оранжевые — строители. И играем мы не на деньги, а на стихотворения.

— Как так на стихотворения?

— Кто проиграл, должен стихотворение выучить. Или задачку решить, — объясняет Дима.

Екатерина Ричардовна поразилась:

— Вот не думала, что из азартной игры, в которую в подворотне играют, можно учебное пособие сделать. Теперь я первая играть стану. Зовите Машу Филипенко. Мы с ней на диктанты поиграем.

Позвали Машу и стали играть втроём: Маша, Екатерина Ричардовна и Дима Аксёнов.

Не успела Маша оглянуться, как дурочкой стала. Она очень в этих картах путалась. Козырями в первый кон милиция была. А Маша в погонах не разбиралась. Она лейтенанта милиции за самого главного приняла. И придерживала до конца игры. Думала, раз у него звёздочек больше, значит, он главнее.

А главнее-то был генерал с одной звёздочкой, но большой. Маша этим генералом в самом начале медицинскую крестовую десятку покрыла. И ещё. К ней туз пришёл в виде почётной грамоты. А она думала, что это погон военный, а значит, самая маленькая карта. И тоже скорее в ход пустила, чтобы у себя мелочь до конца игры не держать.

Второй раз играть стали. В этот раз Дима дурачком оказался. Ему Маша помогла.

Он сказал:

— Эх, Маша, Маша. Может, ты производство и улучшаешь, но хуже тебя в карты никто не играет. Ты всё норовишь соседа засыпать. Меня то есть. А того не видишь, что после моего засыпания Екатерина Ричардовна под тебя ходит.

В общем, в конце игры вся милиция и медицина у него оказались. А строительные рабочие и военные у Маши были. А у Екатерины Ричардовны ничего не было. Только один учебник русского языка.

Она сказала:

— Ты, Дима, будешь Маше упражнение про суффиксы диктовать, вот это. Ты, Маша, будешь Диме другой диктант читать, про прилагательные. Только не шумите. У нас вечер тихих игр.

Зато другим ребятам больше повезло. Надя Абдурахманова как начала штопать, как начала! У её парты очередь образовалась.

— У кого дырки! Подходи садись!

Дима Олейников горячий был, дурноватый и в Надю влюблённый. Он сам себе в новых штанах дырку прорезал.

Его так хорошо заштопали, просто незаметно, где дыра. Только штопали его, не раздевая. Как говорится, в присутствии заказчика. Поэтому брюки к трусам приштопали.

Он вечером раздеваться стал, чтобы спать, брюки снял, и трусы тоже с брюками уехали. Он ничего не заметил. А утром как начал кричать:

— Караул! Раздели! Где мои трусы?!

Пока трусы всей семьёй искали, он в школу опоздал, мама — на работу, старший брат — в институт, папа — в бассейн.

Но это потом было. Давайте не отвлекаться, вернёмся на вечер. Класс напоминал разворошённый муравейник.

Игр было много. Каждый старался в разных местах очередь занять. Такой шум стоял, что сторож пришёл, дядя Шакир.

— Что это вы шумите? Это вам школа, а не стадион.

Потом он увидел, что Валера Готовкин в настольном хоккее не может клюшкой гол забить, и давай

кричать:

— Выкручивай! Выкручивай! Крути игроком! Какой бестолковый!

— А здесь ручки нет, — сказал Валера Готовкин. — Он плохо выкручивается.

— Как нет? Как нет? — заволновался Шакир. — Сейчас сделаем!

Он пошёл в электрокабинет, принёс пластмассовую ручку от вольтметра и приделал её.

В это время бабушка Нади Абдурахмановой пришла, бабушка Роза.

— Это что такое? Почему ребёнка до сих пор дома нет?

— Бабушка, я сейчас. Только дырку Аксёнову заштопаю на носке.

— Разве так надо иголку держать? — говорит бабушка Роза. — Разве такими нитками штопают?

И давай показывать, как правильно работать надо. Тут появился дедушка Валеры Готовкина, во всём своём генеральском великолепии.

— Что тут мой внук делает? Я из командировки на самолёте прилетел, а его дома нет. Может, натворил чего?

— Ничего я не натворил! — кричит Валера из угла. — Я здесь в шахматы играю с Димой Аксёновым.

Дедушка Валеры подошёл, стал смотреть. В это время пришёл папа Димы Аксёнова. Он в магазине работал, продавцом в мясном отделе.

После работы он шёл домой мимо школы, видит: в Димином классе свет горит. Он и решил с Екатериной Ричардовной поговорить, узнать, как тут его Дима учится. Как учителя слушает и уважает? Нужно ли ему Диму дома лупить или пусть так ходит, нелупленный. В общем, педагогические вопросы его мучили. Смотрит он: Дима в шахматы играет.

— Ты что, Дима, проигрываешь?

— Проигрываю, папа.

— Конечно, — говорит Димин отец, — если кому-то генералы помогают.

— Он мне не помогает! — кричит Валера Готовкин. — Он просто так стоит.

— Я тоже буду просто так стоять! — говорит папа Димы Аксёнова. — Ну-ка подвинься, сынок!

Тогда и генерал говорит:

— И ты, внучек, подвинься. Давно я не брал в руки шахматы! Ближе к темноте другие родители тоже стали подтягиваться.

Пришёл папа Лены Цыгановой, пришла бабушка Димы Олейникова с большой сумкой. Она сразу стала командовать:

— Уже скоро девять часов, а ребёнок не ужинал.

Она как достанет целую сумку пирожков. Дима как закричит:

— Отойди со своими пирожками! Ты меня всё время преследуешь!

Но другим ребятам пирожки с первого взгляда понравились. Они намекают:

— Дима, ты не прогоняй бабушку. Ты сначала пирожки попробуй.

Дима своё кричит:

— Вот вы и пробуйте. Я даже во сне от этих пирожков бегаю!

Папа Лены Цыгановой был небольшого роста, но очень весомый. Он посоветовал:

— Вы и в самом деле угостите других ребят. Как они начнут есть, и у вашего аппетит появится.

Бабушка решила попробовать:

— А что? Ешьте, ешьте, пожалуйста. Угощайтесь! Ребята так и закрутились вокруг сумки, как осы вокруг гнезда. Генерал Готовкин говорит:

— Всем можно участвовать? Я летал на Дальний Восток. Не то что обедать, завтракать не успел.

Ему тоже дали пирожки. Тогда папа Димы Аксёнова вступил:

— У меня с собой тоже игра есть, называется «Весёлые сосиски». А по-другому — «Юный повар-электрик». — И он достал большой пакет сосисок из-за пазухи. Все заинтересовались:

— Почему это повар — электрик?

— Газовых плит в школе нет, печек тоже не бывает. А разные электронагреватели в физическом кабинете есть.

— Этта точно! — сказал дядя Шакир.

Он пошёл в физический кабинет и принёс электронагревательный прибор — чайник. В этом чайнике сварили «Весёлые сосиски». Дима Олейников больше не кричал, что пристают. Он сосиски ел.

Его бабушка тогда сказала:

— Я всё поняла, чем теперь Диму кормить. Я такой чайник куплю. Буду в нём электрические сосиски варить. Дима тогда сразу поправится, потолстеет. Хорошо учиться начнёт.

Всё больше и больше родителей приходило. Екатерина Ричардовна сказала:

— Раз так много родителей пришло, можно родительское собрание провести. Потому что обычно родителей в школу ничем не заманишь.

Она увела пап и мам в соседний класс и сказала:

— Дорогие и уважаемые родители! Знаете ли вы, что наиболее вредно для наших детей?

— Папиросы! — сказал генерал Готовкин.

— Нет.

— Отсутствие витаминов! — сказала бабушка Димы Олейникова.

— Дурное влияние улицы! — решил папа Аксёнов.

— Плохие жилищные условия! — сказал весомый Цыганов.

— Нет. Нет. И нет! — твёрдо ответила Екатерина Ричардовна. — По мнению современных психологов, наибольший вред приносит родительская опека. Она главный детский враг двадцатого века. Так считает академик Столбун. Вы читали его работу «Родители и дети». Папы и мамы балуют ребят, суют им витамины, одевают в самые лучшие одежды. Лишают всякой самостоятельности. И это губит детей.

Родители несогласно зашумели. Маленькие парты под ними скрипели и шатались.

— Не верите? — спросила Екатерина Ричардовна. — Смотрите, кто у нас самый плохой ученик? Дима Олейников. Непослушный, капризный, ничего не усваивающий. Его бабушка прибежала сюда одна из первых. И не просто пришла, а с сумкой с пирожками. Она накормила полкласса. Заметьте, все ей благодарны, кроме внука. Кто у нас следующий по неуспеваемости? Дима Аксёнов. Он передовик по двойкам. Его папа здесь и сосисками обвешан, как грузинский князь патронами. Следующий отстающий — Валера Готовкин. Его дедушка с Дальнего Востока прилетел и куда отправился? В Генеральный штаб? В Министерство обороны? В столовую? Нет, он голодный в школу пришёл. Как тут его внук, жив ли? А кто у нас хорошо учится, всё быстро схватывает? Пожалуй, Маша Филипенко. Живая девочка, самостоятельная, даже слишком. Где её мама? Где её папа? Нет их. Они по первому капризу дочери никуда не бегут. Она у них сама себя воспитывает.

Стали родители видеть, что Екатерина Ричардовна говорит вещи неприятные, но правильные. И замолкли парты под ними.

Папа Маши Филипенко объявился последним. И даже не пришёл, а позвонил в учительскую. Телефон долго трещал по всем углам школы, пока Маша к нему не прибежала. Она расчёской вытолкала из-под нижней двери крючок, и обе половинки отворились.

«Алло, папа, это ты звонишь. Я так и думала».

Глава 6.

Пятая профессия Маши Филипенко. Страдания троллейбусного парка

Однажды мама пришла с работы грустная и позвала Машу на кухню чай с ней пить:

— Вы своим институтом везде в городе производство улучшаете, а о нашем троллейбусном парке даже и не думаете.

Маша поразилась:

— Неужели не думаем? Я обязательно поговорю с профессором Бариновым... чтобы мы задумались. Не грусти, мама.

Как только время у неё выдалось, она отправилась в Институт Улучшения. Вахтер к ней уже привык, дневник не требовал и не придирился. Он закричал вахтерским голосом:

— А! Незамутнённая появилась. С чем пожаловала?

— Мы по всему городу производство улучшаем, а о маминном троллейбусном парке даже и не думаем.

— А какой у неё парк?

— Второй.

— А у нас шестой. И о нём мы тоже не думаем. Мы, выходит, уже о двух парках не думаем. Надо это исправлять.

— Я и пришла исправлять, — сказала Маша.

— Очень вовремя, — поддержал её вахтер. — Всё начальство на местах.

Пожилой профессор Баринов сидел в кабинете на столе и наклеивал почтовые марки.

— А, лучшая улучшательница! С чем пожаловала?

— Вот с чем, — сказала Маша. — Мы по всему городу производство улучшаем, а о маминном троллейбусном парке даже и не думаем.

— Почему не думаем? — удивился профессор Баринов. — Думаем.

— А что мы о нём думаем?

— Я, например, думаю, что в этом троллейбусном парке всё в порядке. Троллейбусы ходят, билеты продаются, провода не перепутались.

— Почему вы так думаете?

— Потому. Если бы у них что-нибудь не работало, от них бы давно заявка поступила. Спасите, мол, помогите, погибаем!

— Не поступала заявка? — потускнела Маша.

— Не поступала, — ответил профессор, облизывая очередную марку. — А что у них случилось? Шины лопаются? Билетов нет? Мыши все билеты на обои растащили?

— Я у мамы спрошу, — сказала Маша.

— Выясни, что там у них. И пусть они заявку пришлют. А теперь до свидания. Я занят важной работой. У меня ещё сто марок не наклеено.

— Ой, давайте я буду вам помогать! — закричала Маша. — У меня язык ох какой мокрый!

Они стали наклеивать наперегонки. Маша девяносто марок наклеила, а профессор только десять. Но зато всё правильно.

Маша пришла домой, сели они с мамой снова чай пить, и стала она у мамы выяснять.

— Что там у вас, мама, не так? Может, у вас шины лопаются? Может, у вас провода перепутались? Может, у вас билетов нет — мыши всю бумагу на пакеты растащили?

— Нет, — ответила мама. — С этими проблемами у нас всё в порядке. Нас другое беспокоит. У нас большая текучесть водительских кадров.

— А что это такое?

— Водители с работы уходят. Из столовой повара не уходят. Из мастерских не уходят. А из водителей бегут.

— Может, вы им платите мало? — спросила Маша.

— Больше всех платим. И путёвки даём.

— Может, у них детского сада нет?

— Есть у них детский сад.

Маша как начала выяснять, её не остановишь.

— Может, у них работа опасная? Сейчас бабушки так перед колёсами и бегают. Особенно дети.

— Не бегают у нас бабушки под колёсами. Сейчас на всех остановках подземные переходы есть.

— Тогда в чём же дело?

— Это я сама и хочу узнать.

— Знаешь что, мама. Напиши заявку нам в институт. Вам кого-нибудь выделят. Сейчас много хороших улучшателей есть.

— Придётся, — сказала мама. — Видно, без ваших улучшателей у нас плохо будет. Давай твой дневник.

Не прошло и двух дней, как Машу вызвал профессор Баринов. В этот раз он сидел за столом, ничего не клеил и был очень важный.

— Слушай, Маша, как у тебя в школе с отметками?

— По математике хорошо! Просто очень хорошо! — ответила Маша. — Ни одной двойки!

— А по другим предметам?

— И по другим предметам хорошо. Особенно по математике.

— Ладно, — сказал профессор Баринов. — Сейчас ты возьмёшь ручку и напишешь заявление. Это заявление будет и диктант одновременно. Ты его отнесёшь к начальнику отдела диктантов. Чтобы он визу поставил. Если он разрешит, выпустим тебя на линию. В троллейбусный парк требуется улучшателя направить.

Маша взяла ручку и стала писать. А профессор Баринов диктовал. Потом то, что получилось, Маша понесла к начальнику отдела диктантов.

— Здравствуйте, Анатолий Юрьевич. Это вам велели передать для визы.

Начальник взял заявление и стал читать:

— «ГлавнАму учёнАму праХфессору БаринАву. Заявление. Прашу направить мИня улущательницей в трАлебусный парк где работаИт мАя мама». О запятых и мечтать не приходится, — сказал он и поднял телефонную трубку. — «Алло. Позовите к телефону прах фессора Баринова. Это сам прахфессор? Очень хорошо. Послушай, кого ты ко мне присылаешь? Это какое-то чудо неграмотности. В её заявлении, может быть, два слова написано без ошибок».

Видно, профессор сказал что-то положительное про Машу. Потому что начальник отдела диктантов успокоился.

«Ладно. Зачисляй её в парк. Прикрепим к ней лучшую сотрудницу — жену товарища Жбанова».

Это известие удивило «прахфессора». Потому что Анатолий Юрьевич подтвердил: «Да. Да. Раз такой случай, бросаем лучшие силы. Я думаю, твою улущательницу приведу в лучший вид.

Как там с троллейбусами — не знаю. Но писать грамотно она научится».

И началась у Маши новая жизнь.

Утром звенел будильник, и она бежала в школу к ребятам. Завтракала на ходу пирожками.

В школе она старалась радовать Екатерину Ричардовну — сидела как можно тише. Не высывалась.

Дима Олейников ей шептал через парту:

— Два пьяных дядьки стоят и спорят. Один говорит: «Это — месяц». Другой говорит: «Это — луна». Идёт третий дядька. Они у него спрашивают: «Это месяц или луна?» Он отвечает: «Не знаю, ребята, я не местный».

Екатерина Ричардовна заинтересовалась:

— Дима Олейников, о чём это ты с Филипенко беседуешь?

— О звёздах, Екатерина Ричардовна. О луне.

— На уроке русского языка? Попрошу главного астронома выйти к доске и написать такое астрономическое предложение: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана».

Дима без особой радости подошёл к доске и стал царапать как курица лапой: «Вышил месИц из тумана, вынул ножЕк из кармана».

— Очень мило, — сказала Екатерина Ричардовна. — Кто-то вышил месяц из тумана. То есть взял туман и стал туманом этот месяц вышивать. Кто-то вынул из кармана несколько ножек. Это, наверное, расхититель из табуреточной фабрики.

Олейников наливался соком, как помидор.

— Нет, — продолжала Екатерина Ричардовна, — не туда Олейников ведёт Филипенко, не туда. Не в те дали. Филипенко должна сесть и крепко задуматься.

Маша крепко думала. Но всё не о том. А о своём троллейбусном парке. Как только звенел последний звонок, она в любую погоду, снег ли, дождь, бежала на остановку троллейбуса «Школа». И ждала там минут под навесом двадцать. Пока подъезжал троллейбус № 66-99 второго маршрута.

Это был Машин троллейбус. На котором она работала.

За рулём сидел водитель Семёнов Александр Иванович. Маша садилась на место ученика. И они ехали.

Хотя Маша ехала на месте ученика, водить троллейбус ей не давали. Зато ей давали в руки микрофон и разрешали объявлять остановки и делать разные билетопокупательные замечания.

— Уважаемые граждане! — говорила Маша строгим голосом. — Наш троллейбус номер два следует по второму маршруту. Кто не взял билеты, возьмите. Кто едет не в ту сторону, выходите. Остановка «Бородинская панорама». Следующая остановка «Поклонная гора».

Люди думали: «Какая хорошая девочка. Папе помогает».

А другие говорили:

— При чём тут помогает? Не с кем оставить ребёнка, вот и взяли на работу.

А третьи спорили:

— И это всё не так. Это девочка из кружка «Умелые экскурсоводы». Она в троллейбусе практику проходит.

Маше нравилось, что она — умелый экскурсовод. Что она практику проходит. И она старалась:

— Остановка «Поклонная гора». Основана в тысяча восемьсот двенадцатом году Наполеоном. В честь Бородинской битвы. Здесь Наполеон сидел и ждал, что ему принесут ключи от Москвы и будут кланяться. Следующая остановка «Кутузовская».

На следующей остановке Маша продолжала беседу-лекцию с историческим уклоном:

— Но великий русский полководец Кутузов ключей не принёс. И кланяться не стал. Именно в честь этого события построена станция метро «Кутузовская», которая — сейчас.

А в промежутках Маша олейниковским шёпотом спрашивала у водителя Семёнова:

— Почему водители уходят? Может быть, у вас клуба на работе нет?

— Клуба у нас нет. Только не поэтому.

— Может, столовая плохо работает?

— Столовая-то плохо работает. Да не из-за неё.

Маша принимала эти сведения к сведению и продолжала:

— Уважаемые граждане. У нас самообслуживание. Если вы забыли взять билет, не переживайте. Оштрафуйте сами себя и поезжайте дальше. Следующая остановка «Панорама Бородинской битвы». В этой панораме погиб известный русский полководец Багратион. В честь которого названа станция метро «Багратионовская»... Товарищ с авоськой! Товарищ с авоськой! — кричала Маша в микрофон. — Вам выходить, а вы зацепились за пуговицу гражданки в очках. Ей выходить не надо. Поэтому скорее отцепляйтесь... Гражданин с ковром! Гражданин с ковром! Вы совсем придавили бабушку с утюгом у входа... А теперь гражданку с бидоном у окна... А теперь ещё лучше — военного у кассы! Да не вертитесь вы, пожалуйста, во все стороны! Нет вы вертитесь, только без ковра! Так я и знала! Теперь вы своим ковром дяденьку в шляпе толкнули. Поднимите, пожалуйста, шляпу. А теперь поднимите, пожалуйста, дяденьку.

Но Маша не забывала и про главное. И всё время спрашивала про текущее:

— А может, вам квартиры не выделяют?

— Это точно — не выделяют. Да не из-за них.

Тут случилось вот что. Маша увидела, что к троллейбусу бежит Дима Олейников. Он подбежал к задней двери, Маша нажала кнопку, и задняя дверь закрылась. Но открылась передняя. Дима побежал туда. Маша опять нажала кнопку. И передняя дверь закрылась, а задняя открылась вновь.

Дима был из тех мальчиков, которые умеют бегать, но не умеют думать. Он опять побежал назад. А Маша сказала по радио:

— Уважаемые пассажиры! Около троллейбуса бежит мальчик Дима Олейников. Он учится на тройки. Пристаёт к девочкам. Сегодня съел большое яблоко и ни с кем не поделился. Ещё он хотел стукнуть пеналом ученицу Машу Филипенко. И смотрите, какой он неумытый и растрёпанный.

Все пассажиры с огорчением посмотрели на Диму. А он всё бегал от передней двери к задней. От задней к передней. Он понимал, что здесь что-то не так, но всё равно не мог выключиться. Только его осеняло, что бежать бесполезно, открывалась очередная дверь и ноги тащили его к ней.

От Димы уже шёл пар. И тут Маша сказала:

— Нет, такого мальчика троллейбус не повезёт!

Она закрыла обе двери. И пассажиры услышали:

— Следующая остановка «Мебельный». Названа так в честь мебельного магазина. В продажу поступили импортные табуретки.

Проработав в троллейбусе два маршрута подряд, Маша летела домой. Там её ждала суровая, чёрная, как грач, гражданка — жена товарища Жбанова — специалистка по русскому языку.

— Десять минут на обед, — говорила она Маше, — и займёмся языком. Кстати, как правильно — обед или обеТ?

— Обед, — отвечала Маша. — Потому что обедать.

— А как правильно говорить: хлеб и суп?

— Хлеб и суП, — говорила Маша. — Потому что обед с хлеБОм и суПОм.

— Получите, — давала ей хлеб и суп жена товарища Жбанова. Она была очень строгая. Маша смотрела на неё как загнипнотизированная. Русский язык так и входил в Машу. А ошибки куда-то из неё выскакивали.

Занятия шли дальше полным ходом.

— Как правильно писать: картофельное пюре с котлетой?

Маша понимала, если она скажет с ошибками, не получит ни того ни другого. Она говорила:

— А можно, я буду есть сосиски с макаронами? Они от завтрака остались.

Потом они учили правила на проверочные слова. Жена товарища Жбанова говорила:

— Врач.

Маша проверяла:

— ВрачОм.

— Борщ!

— БорщОм!

— Товарищ!

— Товарищем! — кричала Маша.

— Очень хорошо. Очень мило. Нечего сказать! — потрясалась жена товарища. — Целый котелок с борщом... Съели мы с товарищем. Съели мы с товарищем на радость окружающим.

На этом обед заканчивается. На третье вместо компота прочитай правило написания суффиксов после шипящих.

Если звонил телефон, жена товарища Жбанова брала трубку и строгим голосом сообщала:

— Вас слушают.

Нетерпеливый Олейников кричал:

— Это кто там? Кто взял трубку?

— Жена товарища Жбанова.

— Можно Машу позвать?

— Улучшательница Маша Филипенко усиленно изучает русский язык и подойти к телефону не может.

Олейников тормозил, но не унимался и клянчил:

— Можно, пожалуйста, на одну минутку! Мне очень важно.

— В таком случае, Мария Александровна подойдёт ровно на одну минуту... Маша, подойди, пожалуйста, к телефону. Там что-то важное. Наверное, из Верховного Совета звонят.

— Маша! Маша! — кричал Дима Олейников. — Про нас с тобой по радио передавали. Я в троллейбусе слышал.

— А что передавали? — невинно интересовалась Маша.

— Что мы подрались. Что у меня было большое яблоко. И что мне подарили пенал.

— Верно, верно, — вспоминала Маша. — Я тоже что-то слышала. Ещё там передавали, что ты неумытый.

— А что это за передача была? — спросил Дима.

— Что это за передача была — не знаю, — ответила Маша. — Наверное, «Пионерская зорька».

Жена товарища Жбанова взяла трубку:

— Я думаю, это была передача «На просторах Вселенной». Не отвлекайте Машу от занятий, молодой человек.

— Итак, Маша, записывай слова. Могучий, кричащий, толстый, шумящий, свистящий, кипящий. Записала?

— Записала.

— Теперь делай из них краткую форму. Могучий — могуч. Крепкий — крепок. Понятно?

Не успела жена товарища Жбанова дойти до стола, чтобы положить учебник, как Маша уже накатала упражнение. Она подала его учительнице. На листке было написано: «Могуч, кричуч, шумюч, кипячуч».

— Я пять лет учу людей. Разных, от детей до начальников главков, — сказала товарищ Жбанова. —

Но такого ещё не видела! До свидания. Урок окончуч.

Больше на занятия она не приходила.

А Маша всё пыталась и пыталась водителя Семёнова про вытекаемость, но выяснить ничего не могла.

Наступил очередной рабочий день. Они ехали с Александром Ивановичем по городу. Маша бойко тараторила:

— Остановка «Московский зоопарк». На эту остановку собраны звери со всего мира. Бизоны из Америки. Слоны из Африки. Кобры из Индии. Недавно поймали двух пингвинов в Антарктиде и завезли сюда. Для зверей созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шлангов. Организовываются выставки зверей. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать зверей, и учёные, чтобы изучать их.

Маша уже много раз объявляла зоопарк и говорила ходко, как на выступлении в художественной самодеятельности. Вдруг водитель заметил, что она замолкла и полезла вниз под сиденье.

Александр Иванович спросил:

— Ты, Маша, что-нибудь потеряла?

— Нет. Там мой класс садится.

Пассажиры заволновались:

— Вы что замолчали? Рассказывайте дальше. Очень интересно про зоопарк.

Александр Иванович дал Маше микрофон вниз и сказал:

— Ты из-под сиденья не вылезай, но рассказывай. Пассажиры ждут. Сейчас будет остановка «Студенческая».

Маша взяла микрофон и заговорила незнакомым басом:

— Следующая остановка «Студенческая». На эту остановку собраны студенты со всего мира. Студенты из Америки. Студенты из Африки. Студенты из Индии. Недавно поймали двух студентов в Антарктиде и завезли их сюда. Для студентов созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организовываются выставки студентов. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать студентов, и учёные, чтобы их изучать.

У пассажиров вылезли глаза на лоб. А Машин класс так и потянулся вперёд, узнать, кто это так загадочно рассказывает. Водитель вроде бы мужчина, а говорят детским басом. А Маша дальше несла из-под кресла:

— Остановка «Кафе-котлетная». На эту остановку собраны котлеты со всего мира. Котлеты из Америки. Котлеты из Африки. Котлеты из Индии. Недавно поймали две котлеты в Антарктиде и завезли сюда. Для котлет созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организовываются выставки котлет. Есть площадка молодняка. Там котлеты лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать, и учёные, чтобы изучать котлеты.

Тут уже Машины одноклассники не выдержали. Они, как замазка, просочились в кабину водителя и стали везде заглядывать.

— Дядя, у вас пластинка испортилась? — спросил Аксёнов.

— А где педаль быстрее ехать? — спрашивал Олейников.

— А кто у вас под креслом сидит? — взяла быка за рога Надя Абдурахманова. — Микрофон туда уходит.

И все увидели Машу.

— Ой, Маша, это ты? Мы на ВДНХ едем.

— А что ты здесь делаешь?

— Я дяде Саше помогаю. Он мой дядя.

Тут троллейбус на ВДНХ приехал. Конечная остановка. Все пассажиры вышли. На остановке ребят Екатерина Ричардовна встречала. Она сказала:

— Я узнала, что дело грустное. Сегодня ВДНХ не работает. Там субботник для сотрудников. Билеты не продают, экскурсии не ходят.

— Эх, — сказал Александр Иванович. — Мне бы туда попасть, я бы вас повозил. Я раньше на ВДНХ работал на троллейбусе. Там провода есть и грузовые троллейбусы ходят.

— А как же ваша работа? — спросила Маша Филипенко. — Ваш маршрут?

— У меня сейчас обед на два часа.

— Тогда, — сказала Екатерина Ричардовна, — у меня есть предложение. Давайте мы вас туда дотолкаем. То есть ваш троллейбус, всем классом.

— Ура! — закричали третьеклассники.

Александр Иванович сел за руль, а ребята шумною толпой погнали троллейбус вперёд. Надо было его толкать метров триста. Они очень быстро до ворот доехали. По лужам, по упавшим листьям. Александр Иванович погудел. Сторож ему ворота распахнул, и троллейбус вкатился. Только Дима Олейников застрял. Он самый последний шёл. Немного сбоку. В сторожа врезался и стал его толкать.

Еле-еле Олейникова от сторожа отцепили. А на выставке было полно троллейбусных проводов. Поезжай куда хочешь!

Александр Иванович ребят повёз. Они побывали везде. Около павильона космонавтики. У овощеводства. У животноводства. Мимо всех республик проехали. И везде посетителей не было. Везде одни сотрудники работали. Чистили, мыли, подметали.

Только у павильона «Советская автоматика» было пусто. Никто ничего не чистил, не мыл, не вытряхивал. Павильон грустно стоял на просторах ВДНХ на фоне лохматых туч.

Дима Олейников высунулся в окно троллейбуса и дежурного около павильона спросил:

— А что это, дядя товарищ, у вас никто не работает? Ничего не подметают и не трясут? У вас что, нет субботника?

— У нас есть субботник. Только у нас сотрудников нет. У нас же павильон автоматике. Некому подметать.

Лена Цыганова закричала:

— А подметать вам нужно? А есть чего вытряхивать?

— Нужно, ещё как нужно. И вытряхивать есть что.

Тогда Екатерина Ричардовна сказала:

— Ребята, поможем автоматам, а то они пылью зарастут!

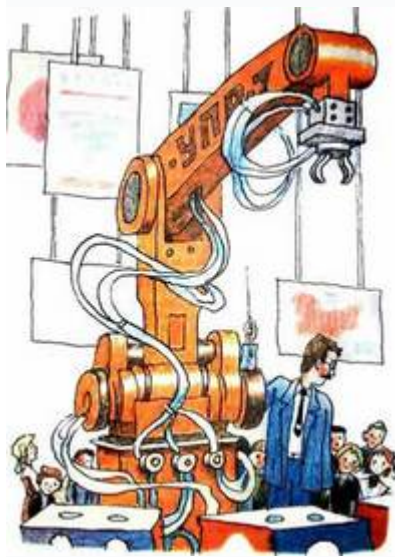
Ребята обрадовались. Они схватили веники и тряпки у дежурного и давай всё чистить, мусор выносить. А попутно им дежурный учёный про свой павильон объяснял.

— Это вот станки программные. Они очень умелые. Ты ему только чертёж покажи, он всё сделает. Или деталь надо показать. Вот в это окошечко вставить. Идёмте дальше.

И все дальше пошли. А Дима Олейников очень сверкающим программным станком заинтересовался. Не пошёл никуда, всё рядом крутился. Дежурный продолжал:

— Это автоматические весы. Всё сами взвешивают и упаковывают. На упаковке ставят вес и число.

И вдруг предыдущий станок загудел. Что-то стал вырабатывать.

— Ой, — сказала Екатерина Ричардовна. — Его надо остановить.

— Бесплезно, — говорит дежурный. — Он пока всё не выточит, ни за что не остановится. Интересно, почему он включился? Что ему показали? Ладно, потом узнаем.

Весь класс работал. Очень хорошо ребята трудились. И Александр Иванович Семёнов им очень хорошо помогал, забыв про свой троллейбус. Павильон «Советская автоматика» даже весь засверкал, как будто это была «Советская медицина». Потом дежурный инженер повёл ребят в зал, где стояли детские игральные автоматы. И все стали играть, кто во что горазд.

Лена Цыганова играла в автомобиль на горной дороге. Она из пропасти не вылезала. Дима Аксёнов с автоматом в шахматы играл. Его автомат как чайник грелся. Он никогда такого игрока не встречал. Дима все до одного хода делал против всякой теории. Таких защит и дебютов ни один учебник не предусматривал. И автомат совсем не знал, куда деваться. Он еле-еле свёл партию вничью. А перед этим у самого Тая два раза выиграл.

Валера Готовкин, как военный внук, всё в торпедный катер стрелял. Взрывы так и ухали. Казалось, торпеда, того и гляди, автомат с обратной стороны прошибёт и поскачет по Всесоюзной выставке народных достижений. Хорошо, что автоматы делают прочные. А водитель троллейбуса Александр Иванович в «Минное поле» играл. Он все танки безошибочно провёл.

— Почему? — спрашивали ребята.

— Да. Почему? — заинтересовался дежурный инженер по автоматике. — У нас даже сотрудники в

этот автомат играть без потерь не могут. Очень трудная игра — «минное поле».

— Я в войну танкистом был, — сказал Александр Иванович. — Танки водил. — И ребята его ещё больше уважали.

Наконец пришла пора уходить. Дежурный проводил их до троллейбуса. А потом закричал:

— Стойте! Стойте!

Он вернулся в павильон и через полминуты выбежал.

— Вот, — сказал он. — Выточил.

— Кто выточил? Что выточил? — застрекотали ребята.

— Станок-автомат программный выточил... То, что ему в окошечко показали.

— Интересно что? Интересно что? — спрашивали школьники. Все интересовались. Только Дима Олейников не интересовался. Это он сгоряча в окошечко фигу показал.

На другой день, когда Маша пришла на остановку, Александр Иванович сказал ей:

— Я теперь всё знаю про вытекаемость... Почему водители уходят.

— Почему? — спросила Маша.

— Потому что у нас товарищей нет. Мы все поодиночке. Я как вчера твой класс увидел, сразу всё понял. И дома я один. И в кабине я один. И даже когда мне путёвку дают, я тоже один в этом богатом санатории. А я к людям хочу, к друзьям.

...В этот день к научному руководителю Института Улучшения Производства поступили две докладные записки. Первая от улучшательницы Маши Филипенко.

«Уважаемый прафффесор Баринов!

Водители уходят с работы, патаму что они не имеют друзей. Им надо создать коллектив.

Улучшательница Филипенко М.»

Вторая — от жены товарища Жбанова.

«Глубокоуважаемый тов. Баринов!

Улучшательница Мария Александровна Филипенко вполне прилично знает русский язык. Она знает и помнит все правила и исключения. Я не шучу. Если вы хотите в этом убедиться, проведите любой диктант. Но следует делать это в особо затемнённой комнате. С хорошей звукоизоляцией. Чтобы не рассеивалось внимание обучаемой и не было отвлеканий во все стороны и по любому поводу. И

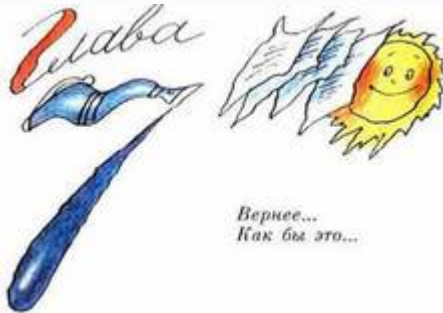
ещё. Следует выдавать сотрудникам, работающим с М. А. Филипенко, чугунное ядро, для привязывания к ноге обучаемой. Чтобы хоть немного сузить радиус её скакания и прыгания во время занятий.

Ядра следует часто менять. Потому что ввиду особой подвижности этого ребёнка они будут быстро изнашиваться.

Ваша товарищ Жбанова».

Глава 7.

Вернее... Как бы это...

Ребята, когда я начинал седьмую главу, я думал, что она будет небольшая. Такая же, как и все другие. Но она размахалась. Получилась большая — как отдельная повесть.

Так я и решил: сделать отдельную небольшую повесть внутри книги. Чтобы была нарисована обложка, было написано, кто автор, какое издательство, было своё название.

И получилась «Повесть о том, как девочка Маша работала геологом в научной экспедиции».

Когда я так решил, мне удалось ликвидировать ещё одну путаницу. Вот какую: раньше у меня всё шло по порядку: первая глава — первая профессия, вторая глава — вторая профессия. Потом глав стало больше, чем профессий. А после появления на свет повести всё вернётся на свои места. Количество профессий догонит количество глав. И всё будет — блеск!

О том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции

В одной семье у папы и мамы жила-была девочка Маша. Третьеклассница. Днём она ходила в школу, а по вечерам и по воскресеньям работала улучшательницей.

В Москве есть такой Институт Улучшения Производства. Он берёт толковых детей и посылает их работать на место взрослых. И ребята находят разные способы, как улучшить работу в магазине, в ателье, на подъёмном кране.

За свою работу Маша деньги получала. Небольшие — как студенческая стипендия. Но в семье они были неожиданные, и от них была большая польза. Так что скоро цветной телевизор купили.

Однажды научный руководитель профессор Баринов вызвал Машу к себе и говорит:

— Скоро весенние каникулы. Как ты думаешь, мама отпустит тебя в геологическую экспедицию под Вышний Волочёк?

— Куда, куда? — спросила Маша.

— Под Вышний Волочёк.

— Конечно отпустит, — сказала Маша. — Она сама мне каждый день говорит: «Что это ты всё дома сидишь? Сходила бы куда-нибудь в научную экспедицию под Вышний Волочёк».

— Если так, — сказал Баринов, — то хорошо.

Он рассказал Маше суть дела. Два года назад в Вышнем Волочке в подвале аптеки № 1 нашли ящик с минеральной водой. Рабочий, который обнаружил ящик, сразу выпил две бутылки. И с ним произошли чудеса.

Он разогнулся, хотя был повышенной скрюченности. Бросил пить, а перед этим постоянно воровал дефицитные лекарства, которые были на спирту. Снова стал читать газеты и книги.

Другие сотрудники аптеки, которым достались другие бутылки, тоже убедились в невероятной целебности этой воды. У них в семьях нормализовались отношения. Они перестали ссориться и ругаться по пустякам. Хотя каждому члену семьи досталось не больше, чем по глотку.

Этим случаем заинтересовались учёные. Они установили, что в Вышневолоцком уезде, где-то на окраине, был целебный источник. Тщательно скрываемый местными жителями. Его воду добывали монахи и продавали как лекарство. Вода называлась «Монастырская минеральная». Главное её достоинство было в том, что она успокаивала нервных людей. Снимала головные боли, прогоняла страхи, смиряла буйных.

Источник и так-то был скрывается как святой. А после революции и гражданской войны его следы были окончательно потеряны.

И вот в наши дни, когда есть особая нужда в успокаивающей воде, уже три экспедиции были в этих краях, но источник найти не могли. Теперь готовится четвёртая.

— Ты, Маша, поговори с мамой. Если она тебя отпустит, приходи, я тебя познакомлю с геологами и с материалами. С заметками из старых газет, с записями рассказов очевидцев.

Маша с места отправилась в троллейбусный парк к маме... Советоваться.

Когда она подошла к зданию паркоуправления, она была сильно обрадована: на здании была афиша.

ВНИМАНИЕ!

Организуется Большой Театр Водителей

Троллейбусов! БТВТ! Приглашаем всех водителей

и членов их семей принять участие в создании

первого спектакля. Он будет называться

«ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС».

Главные роли будут поручаться только водителям!

Репетиции будут проводиться в ночное время.

ВСЕ В БТВТ

«Молодцы троллейбусники! — подумала Маша. — Уже объединяют водителей в коллектив».

В отделе мамы было пять столов и пять сотрудников. И все сотрудники немедленно спрятали под столы чашки и электрический чайник. Потому что готовить чай на работе и включать электрочайники запрещается. А они подумали, что это не Маша пришла, а старший троллейбусный пожарный.

У мамы был самый большой стол. Она была самая главная в отделе. Вокруг на стенах висели цветные фотографии троллейбусов, стояли шкафы с папками и всякими квитанциями.

Сотрудники стали спрашивать:

- Ой, это ваша дочка? Как похожа на вас. У неё точно такая же шапочка.
- Это она мою забрала! — сказала мама.
- А куда она у вас отпрашивается?
- В экспедицию под Вышний Волочёк на каникулы.
- А что эта экспедиция делает? Нефть ищет? Фольклор собирает?
- Она целебный источник разыскивает. Там вода раньше очень лекарственная была.

Заместитель мамы по хозяйственно-экономическим вопросам — по проводам, билетам, шинам и троллейбусным кассам — Александр Фирсович Бельгийский сказал:

— Если бы меня позвали в экспедицию под Вышний Волочёк искать источник, я бы совсем даже не думал, я бы бегом побежал.

Тогда мама сказала строгим голосом:

— Очень плохо, что вы у нас иногда совсем даже не думаете и куда угодно готовы бегом бежать. Зато наше производство, в смысле технического снабжения, на месте стоит. У нас на линии все провода второго сорта латунные, марки ПЛ-6, а в других парках медные провода ПМ-8. И остановки на нашем маршруте самые длинные. Почему? Потому что вы остановочной фабрике заказали мало остановок застекленных переносных троллейбусных. А про угольные башмаки вам любой прохожий скажет, что они у нас пониженной износостойчивости!

У Александра Фирсовича голова так книзу и кинулась. Видно, мама давно искала повода его отчитать. Он сдержанный был и тихий, не высовывался. А сейчас высунулся и ей подвернулся.

Маша тихо спросила у одной молодой сотрудницы:

- А что, медные провода лучше, чем латунные?
- Конечно, — ответила она. — Им и сносу нет, и ток они лучше пропускают.
- Мама, мама, — сказала Маша. — Что мне профессору Баринову ответить про экспедицию?
- А то! — ответила мама. — В эти снега я тебя одну ни за что не пущу. Если ещё хоть один ребёнок поедет — пожалуйста!

Маша сразу отправилась под ясные очи профессора:

- Дементий Дементьевич! Мама говорит, если ещё хоть один ребёнок поедет в эти снега — пожалуйста.
- Снег скоро сойдёт, — ответил профессор Баринов. — А насчёт ребёнка... Я помню, у вас там в

классе был один мальчик с практическим уклоном. Он в сочинении написал, что на улицах надо сажать не деревья, а яблони. А старые дома не ломать, а переносить на крыши новых домов. Этот мальчик подойдёт.

— Это Валера Готовкин. Он очень хозяйственный мальчик, но очень избалованный. У него дедушка генерал. Он за каждым шагом Валеры следит. Он его не отпустит.

Профессор Баринов не согласился:

— Новая педагогика утверждает, если дедушка над внуком трясётся, каждым шагом командует, всё наоборот получается, что внук — главный командир. Если ему экспедиция понравится, он не только сам поедет, но и дедушку с собой заберёт. Понятно?

— Понятно, — сказала Маша. — Начинаем работу с внуком.

Профессор Баринов дал Маше старинную газету. Она называлась «ТВЕРСКИЯ ВЪДОМОСТИ».

— Вот, Маша, познакомься с материалом. Может, тебе пригодится.

В газете была заметка: «Новейший целебный источник».

Маша стала изучать заметку. В ней было написано:

«В то время, какъ у насъ известны только целебные воды Кавказа, на окраине Тверской губернии существуетъ не менее целебный источникъ.

Об этом сообщил нам „Справочный листокъ старорусскихъ минеральныхъ водъ“.

Как велики его целебные свойства, можно судить по истории с дочерью помещика и землеустроителя Федота Павловича Кузмичёва.

С первых младенческих лет Елена Кузмичёва была истерична и драчлива. Если что-нибудь было не по её, она ложилась на пол и била ногами. Это очень огорчало родителей. Елена кидалась в слуг и гостей разными предметами. Ей ничего не стоило укусить кого-либо.

Однажды она укусила собаку.

Ни поездки в Кисловодск, ни поездки в Карл-Штадпирс не помогали. Но как изменилась девушка и её поведение после того, как крестьяне ближайшего прихода принесли Кузмичёву четвертную бутылку целебной воды. Девушка перестала истеричничать, стала спокойной и весёлой.

Известно, что Кузмичёва не единственная, кому помогли целебные воды сельского источника. Жаль только, что крестьяне скрывают его местонахождение.

Необыкновенного интереса заслуживают такие воды. Необходимо только помнить, что такого вида лечения должны проводиться под постоянным наблюдением специалистов. Не все хорошо переносят успокаивающую воду».

Маша с большим удовольствием познакомилась с этим материалом. И подумала, что кое-кому в их

классе неплохо бы дать этой успокаивающей противокусательной воды.

На другой день она пришла в школу и сказала Валере Готовкину, что есть возможность в каникулы пойти во взрослую экспедицию под Вышний Волочёк.

— Понимаешь, Валера, там целебный источник потерялся. Взрослые его никак найти не могут. Им помощь ребят требуется.

— А что? — сказал Валера. — Мы всех тамошних ребят поднимем. Мы враз источник найдём. Надо только точное место знать.

— В том-то и дело, что никто не знает точного места. Надо экспедиции помочь. Меня мама отпускает. Только не одну, а чтобы ещё кто-нибудь поехал.

Валера как услышал про это, сразу взял Машу за руку:

— Пошли, пожалуйста, ко мне домой с дедушкой разговаривать.

Они пришли, и их сразу посадили за стол. Стол у Валериного дедушки был тяжёлый и огромный. За него можно было сто человек посадить, точнее двадцать.

Им дали картошки и хлеба, и дедушка сказал:

— Докладывайте.

Валера стал докладывать. Но как-то не по-военному, издалека. Он сказал:

— Некоторые в экспедиции ходят. А некоторые барчуками выращиваются.

— Это кто же у нас барчуками выращивается? — спросил дедушка. А бабушка с половником насторожилась. Встала по стойке «смирно». Она почувствовала, что готовится какая-то операция со стороны Валеры.

— Я у нас барчуками выращиваюсь! — сказал Валера. — У меня никаких трудностей нет.

— Я тебя запрю сегодня в чулан без штанов, — сказала бабушка. — Вот у тебя и будут трудности.

Валера находчивый был и практичный. Он сразу возразил:

— Если бы д'Артаньян в чулане без штанов сидел, он никогда бы д'Артаньяном не стал, а был бы каким-нибудь Ришелье или вообще Миледи.

Дедушка генерал не стал про чулан без штанов говорить. Он стал Машу расспрашивать. Кто такие эти некоторые? Что это за экспедиция? И Маша всё ему подробно объяснила и рассказала. Тогда дедушка снял телефонную трубку и скомандовал кому-то:

— Машину генерала Готовкина к подъезду!

А потом он обратился к Маше:

— Сейчас мы к твоему профессору Баринову поедem. Очень меня этот старинный источник интересует с военно-медицинской точки зрения.

Они втроем спустились вниз. У подъезда уже стояла чёрная «Волга» со всякими антеннами. За рулём сидел солдат.

Дедушка и два юных кандидата в геологоразведку сели и поехали. В машине был телефон. Он вдруг застрекотал. Дедушка взял трубку:

— Генерал Готовкин у телефона. Слушаю, товарищ командующий! Не беспокойтесь, товарищ командующий. Приеду вовремя. Только опоздаю на двадцать минут. Я тут одной проблемой

заинтересовался военно-медицинской. Проблемой целебной воды. Есть возможность принять участие в геологической экспедиции под Вышний Волочёк. Там обнаружен пропавший источник. Источник с медицинской успокаивающей водой. Она же залечивает раны... Так точно... Об исполнении доложу.

Скоро машина приехала в Институт Улучшения.

Вахтер не стал спрашивать документы у генерала Готовкина.

Какие уж тут документы, когда у него красные лампасы за километр видно. Только про себя вахтер подумал:

«Во наши дают! Генералов усовершенствуют!»

Потом, когда все прошли, он ещё подумал и сам с собой не согласился:

«Как же их усовершенствовать, когда наши генералы и так самые лучшие в мире?»

Потом он ещё немного подумал и всё-таки понял:

«Можно их усовершенствовать. Если генерала усовершенствовать, из него маршал получится».

Профессор Баринов был у себя в кабинете. Они с генералом поздоровались и обнялись. Оказывается, они давно друг друга знали. Они в одном классе раньше учились.

Генерал сразу сказал профессору Баринову:

— Ну, отвечай, чего ты там мудришь со своими источниками?

Баринов ответил:

— Это ты мудришь. Молодёжь зажимаешь. А нам очень нужны молодые люди со свежим взглядом на жизнь.

— Понимаешь, он у нас один, — сказал генерал Готовкин. — Бабушка без него помрёт.

— Не помрёт, — сказал Валера. — Мы ей внучку Лариску из Саратова выпишем.

— А может, того... и бабушку... в экспедицию? — спросил генерал. — Она готовит прекрасно. И чай и котлеты.

— У нас экспедиция, а не выездная столовая, — заметил Баринов. — На лошади она ездить может? Или костры разводить? А спать в палатке на снегу она согласится? Или, например, на сосну залезть сумеет?

Как только профессор заговорил про всё это, генерал понял, теперь уж Валеру ему ни за что не удержать. Он только спросил:

— А что, от ребят много пользы бывает?

— Если бы не было, мы бы всё это не затевали.

Но генерал Готовкин не сдавался:

— А как твой источник в оборонном смысле? Имеет значение для армейских нужд?

Профессор Баринов ответил:

Страна	Минимальный рост в сантиметрах
Швеция	1608
Соединенные Штаты	1600
Англия (вз Европ.)	1600
Бельгия	1570
Германия	1569
Италия	1569
Франция	1540
Австрия	1533
Россия	1534

— Живая вода ещё в сказках требовалась, чтобы воинов оживлять. А уж сейчас она нужна ещё больше. Ракет и пушек много, а нервов хороших нет.

Он открыл стол и достал ещё одну старинную газету.

— Посмотри, старый друг, вот это.

Это был «Сводь роста новобранцевъ разныхъ странъ».

— Для интереса тебе скажу, что в Вышневолоцком уезде новобранцы были, как в Швеции. Высокие и сильные. Потому что эта вода на всех ярмарках монахами продавалась. С детских лет все пили «Монастырскую минеральную». Или «Святую серебряную». А вот выписка из дневника начальника военно-окружного управления Тверской губернии Шевырева:

«В строевыхъ ученьяхъ, маршировк?, верховой езд?, гимнастик?, фехтовании, плавании, полевой служб?, физическия качества солдат Вышневолоцкого уезда были выше вс?х».

Генерал Готовкин прочитал заметку своими глазами. И сказал:

— Бабушку ты нашу не берёшь. А вот представителей военных госпиталей придётся.

Он козырнул, взял Валеру за руку. Валера взял Машу за руку, и они понеслись к автомобилю.

Только они сели, генерал стал звонить: «Алло, товарищ командующий, разрешите доложить. Я узнал, что готовится большая экспедиция для поисков целебного источника. Чрезвычайно нужного для оборонных нужд. Кто организует? Организует Министерство геологии. — Он посмотрел на Машу с Валерой. — Ещё присоединилось Министерство просвещения в лице двух сотрудников. Хорошо бы из наших кого-либо выделить. Из управления госпиталей. Спасибо, товарищ командующий. Я дам распоряжение».

Он высадил Машу и Валеру около дома и поехал в свой генеральный штаб.

Не прошло и двух недель, как экспедиция отправилась.

Маша думала, что экспедиция — это собачьи упряжки, олени нарты, вездеходы. А ничего этого не было. Просто приехали они на железнодорожный вокзал — один сотрудник, геолог по фамилии Стороженко, двое ребят и один лейтенант Соколов из управления госпиталей.

Правда, было много провожающих. Папы, мамы, жёны. В том числе один генерал в полной красивой форме. Он говорил Валере:

— Ты, Валера, когда будешь источники искать, не всякую воду пробуй. Неизвестно ещё, что там из-под земли бьёт. Может, где канализацию прорвало или нефтепровод лопнул.

— А вы, товарищ лейтенант, за моим внуком присмотрите. Уж больно горяч!

— Остудим, товарищ генерал! Не беспокойтесь.

Все погрузились в поезд и поехали.

Эх, хорошо в поезде ночью. Ни тебе уроков, ни хлопот. Лежишь на верхней полке и думаешь о прожитой жизни. И о будущей жизни. И не просто лежишь, а лежишь как сотрудник. И нет рядом

любимой мамы и дорогой бабушки. И немного страшно и очень интересно.

Колёса: трах-тах-тах.

Трах-тах-тах!

Деловая Маша сразу заснула. Чего зря время терять? А Валера Готовкин не был избалован разными событиями. Он не спал. Он всё мечтал под стук колёс — вот как пойдёт он в лес, вот как обнаружит там источник. И вода в источнике будет чистый пенициллин с валерьянкой.

А колёса: трах-тах-тах!

Трах-тах-тах!

А потом он самородок найдёт из чистого золота, с бриллиантами килограмм на восемьсот. Потом он увидит в болоте крест. Все будут думать, что это могила старинная. А он лопатой копнёт, и станет ясно, что это целая старинная церковь в болото опустилась со всеми украшениями.

И пещеры Валера найдёт.

И неизвестную науке гору откроет.

В общем, он времени даром терять не станет.

Ох, как хорошо ночью в поезде.

Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! У-у-у! — это наш поезд спешит.

У-у-у! Хат-хат-харт! Хат-хат-харт! — это встречный промчался.

Ба-бах! — это Валера Готовкин с лавки слетел, докрутился.

Он потому крутился, что всё время мечтал и твёрдо хотел в эту ночь не спать.

В самый разгар ночи поезд прибыл на станцию Вышний Волочёк. В купе вошёл проводник и стал всех будить.

Лейтенант Соколов и Маша Филипенко сразу проснулись.

Геологический сотрудник, не просыпаясь, взял вещи и пошёл к выходу из вагона. А Валера Готовкин не мог проснуться. Он всё брыкался и кричал:

— Бабушка, не буди меня, у нас каникулы! Бабушка, не буди меня, у нас каникулы!

Лейтенант Соколов взял его под мышку, взял свой чемодан и поспешил к выходу. Маша несла два рюкзака — свой и Валерин. На платформе у поезда был всего один встречающий.

— Вы из экспедиции?

— Из экспедиции.

— Пошли со мной в машину. Я шофёр — Миша Гагарин.

Он взял в каждую руку по рюкзаку и повёл экспедицию через мост над путями к своему «газику».

Лейтенант Соколов нёс Валеру Готовкина. А тот иногда брыкался во все стороны и кричал:

— Бабушка, у нас каникулы!

За ним шла Маша и смотрела, чтобы что-нибудь из Валеры не вывалилось.

И последним шёл неспросыпавшийся сотрудник Стороженко. Видно, он был очень тренированный геолог.

Все уселись в тёплый «газик» и поехали. Миша Гагарин гнал машину шустро и бестолково. Она прыгала на всех ухабах и заезжала во все лужи. Брызги так и летели во все стороны, будто это был не «газик», а поливальная машина.

Когда они ехали по ночному Вышнему Волочку, по асфальту, это было ещё ничего. Кое-кто начал даже дремать. Но вот они выехали на пригородное неглавное шоссе. Тут машину как бросит. Все, кто в ней были, подлетели вверх. Потом вбок. Потом начали лететь вниз, да как прыгнут снова вверх! Да как стукнутся головой в потолок!

Маша вылетела из валенок.

Валера Готовкин закричал:

— Бабушка, не бросай меня на пол. У нас каникулы!

Лейтенант Соколов был переброшен на место Миши Гагарина. Миша Гагарин проглотил окурок и потерял ориентировку. Потом он увидел, что сидит на чужом месте и вместо руля крутит военную фуражку. Геолог проснулся и сказал:

— Узнаю Вышневолоцкую землю. Сейчас начнётся.

Но сейчас ничего не началось. Лейтенант Соколов вёл машину ровно, как самолёт. Никто больше из валенок не выскакивал и окурки не глотал.

Миша только успевал командовать:

— Сейчас будет свёртка налево! А сейчас свёртка направо!

Скоро фары высветили речный забор и «Добро пожаловать!» над ним. Это был пустующий пионерский лагерь. В котором разместилась база экспедиции. Машу и Валеру отнесли в хозяйственную комнату. Положили на запасные пионерские матрасы и накрыли огромным ватным одеялом, размером с футбольное поле. Под этим одеялом можно было бы разместить весь Машин класс. Если бы он, конечно, лежал мирно, как селёдки. Даже заплатки на нём были размером с дворнический фартук.

Маша и Валера спали часов сто. А то и тысячу.

Утром Валера проснулся первым. Глаза открыл и ничего не узнаёт. Ни этих матрасов, ни ящиков с мылом, ни мешков с сахаром он никогда в жизни не видел. Из всего, что было вокруг, он только Машу узнал. Он её разбудил и спрашивает:

— Маша, куда мы попали?

Маша ответила:

— Кажется, это продовольственно-одежный склад. Значит, мы приехали.

Валера стал мешки исследовать. Нашёл кусок сахара, начал грызть.

— Эх, жалко, — говорит, — что здесь мешка с котлетами нет. Тут откуда-то так вкусно запахло, что ребята сразу на запах пошли. И пришли в большую комнату, где геологи завтракали. Они были бородатые, в свитерах, такие сильные. И сидели они вокруг стола для настольного тенниса.

— Ага, молодёжь пожаловала! — сказал лейтенант Соколов. — Немедленно дать им каши и хлеба с маслом, полбуханки на брата.

Ребятам дали пшённой каши почему-то в кружках и мягкий серый хлеб. Очень вкусный.

Валера Готовкин спросил:

— А где тут можно зубы почистить и душ принять перед завтраком?

Геологи переглянулись. И самый бородатый, его звали Юра Лоза, позвал Валеру с собой на улицу. Он показал ему на мокрый лес вокруг и сказал:

— Руки помыть и зубы почистить здесь можно под каждым кустом. Или вон в том туалете дощатом, на котором буква М деревянная прибита. А душ принять можно в этой бочке для дождевой воды. Сейчас с крыш такая вода течёт мягкая, никакого мыла не надо.

Валера добежал до буквы М. Он впервые видел такой туалет — с дырками в полу. Ведь провалиться можно запросто. Не зря говорят, что опасная жизнь у геологов.

В конце завтрака все пили чай из этих же кружек. Потом Юра Лоза сказал:

— Сейчас к нам приедут представители из Вышнего Волочка. Будет совещание. Прошу всех привести себя в пристойный вид. И приходите в клуб. После совещания — сразу по машинам и по объектам. Необходимые вещи берите с собой.

Как раз прогудел гудок. Это пришла машина из города с представителями. Юра Лоза и геологический сотрудник Стороженко провели их в пинг-понговую и тоже дали чая с хлебом и маслом.

Потом все прошли в клуб.

В клубе Юра Лоза сказал:

— Уважаемые сотрудники и представители города! Уже четвёртый год подряд мы приезжаем сюда для поисков источника. Тратим государственные деньги, занимаем транспорт, отвлекаем от работы многих людей. И всё безрезультатно. Но источник нужен стране. Сохранилось несколько бутылок воды с дореволюционного времени. И выяснилось, что вода из аптеки номер один — самая целебная вода из всех известных науке. Она заживляет раны и ссадины. Успокаивает истериков. Сдерживает нервных от ругательств. Придаёт силы старым. Что чрезвычайно важно, потому что у нас в стране резко увеличилось число пенсионеров. И страна всё равно найдёт эту воду. Если мы не справимся, выйдет несколько рабочих партий. Они будут бурить скважины, исследовать подземные потоки. Они составят карту подземных вод и выйдут в нужную точку. Только всё это будет стоить больших денег. Если же мы сами найдём источник, сэкономленные деньги можно будет пустить на строительство школ, детских садов, санаториев. Поэтому всё внимание и все силы на поиски целебной воды. Кто что хочет сказать?

Встал пожилой представитель городской общественности:

— Моя фамилия Коромыслов. Я работаю спецкорром в «Вышневолоцкой газете». Я исходил весь район от границы до границы и ни о чём подобном не слышал. Ничего у вас не выйдет.

— Выйдет! — сказал Юра Лоза.

— Тогда ищите в районе Бологого — Лыкошина. Я там редко бывал. Там свой корреспондент есть, Куженкин. Может, в его владениях что-то и есть.

— Хорошо, — сказал Юра Лоза. — На этот район обратим особое внимание. Кто ещё хочет говорить? Слово попросил пожиловатый, но ещё молодой человек в неновой лётной форме. Это был представитель гражданской авиации. Он сказал:

— Товарищ специальный корреспондент совершенно неправ. Мы обслуживаем самолётами пожарную охрану и лесничества. Так у нас в краю этих источников видимо-невидимо. Есть не только заброшенные источники, но целые заброшенные деревни. Дайте мне карту, я вам по памяти этих ключей штук десять нарисую.

Юра Лоза достал карту и позвал геологического сотрудника:

— Володя Стороженко, нанеси ключи на карту. Только будь повнимательнее. Для них с самолёта всё на сантиметры меряется, а нам километры шагать.

Потом Юра Лоза походил по сцене и спросил:

— Я знаю, что среди вас врачи есть. Пусть они скажут: в каком краю вашего края самые здоровые люди живут?

Главный врач района товарищ Радкин Виктор Александрович сказал:

— Здесь мы вам ничем помочь не можем. Во всех краях нашего края живут самые здоровые люди. Особенно жалуются сельские доктора. Один говорил мне: «Мои трактористы здоровее своих тракторов стали. Я уже забыл, как градусник выглядит».

— Очень печальный факт! — сказал Юра Лоза. Хотя ничего печального в этом факте не было.

Между прочим, и сам Юра Лоза был, пожалуй, поздоровее не только трактора, но и танка. Он горестно всех поблагодарил и закрыл совещание. И геологи стали расходиться по машинам и лошадям.

Валера Готовкин с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным пошли в «газик» грузиться на несколько дней. Они в сторону Бологого — Лыкошина ехали.

Маша с геологическим сотрудником Володей Стороженко должны были на автобусе доехать до деревни Леонтьево и исследовать там два ключа, которые лётчик показал. И ещё сельский магазин. Чтобы купить там продуктов. Потому что они были дежурными по лагерю назначены. К десяти вечера им надо было приготовить ужин на сорок персон.

— Почему на сорок персон? — спросила Маша у Юры Лозы. — Ведь геологов всего десять.

— А каждый будет есть за четверых, — успокоил её Юра. И всем отъезжающим Юра давал жемчужные таблетки шарики.

— Эти шарики в целебной воде растворяются. Как только шарик растворился, нашли!

И быстро-быстро затих пионерский лагерь.

Маша и геологический сотрудник шли по весенней дороге.

Здесь, за городом, сотрудник был совсем другой. Он и не думал спать. Глаза у него сверкали. Он во

все дела встревал. И вообще, был как новенький.

Маша у него спрашивала:

— А почему вы экспедицию весной устроили? Ведь летом легче.

— Летом столько травы и кустов, что ничего не видно. Зимой, пока снег, каждый ключик на виду. Вот и мёрзнем.

— А как вы думаете, мы найдём ключ?

— Конечно найдём. Я найду.

— Нет, я! — скромно сказала Маша.

Они подошли к деревне. У входа стояли два столбика с надписью: «РАКИТНОЕ». Буква И твёрдой рукой была переправлена на Е. Получалось — «РАКЕТНОЕ».

— Рядом, наверное, военная часть, — объяснил Стороженко. — Вот и переправили.

— Что такое ракеты, я знаю, — сказала Маша. — А что такое ракиты?

— Это деревья такие, — ответил геологический Стороженко. — Помнишь песню:

«Ой, шуми ты, куст ракитовый,

Вниз под ветром до земли...

Казачи дружка убитого

На шинели принесли...»

Потом он ещё сказал:

— У нас любят всё переименовывать. И деревни, и улицы. Однажды мы село такое искали — «Чёрный бык». Мы узнали из летописи, что там руда была. Ищем, ищем... Нет такого села! Всю область исползали. Оказалось, оно уже лет тридцать как по-другому называется — «Красный быт». Другое село когда-то называлось «Парасёнкаво». Теперь его ни на одной карте нет. Потому что оно уже не «Парасёнкаво», а «Прогресс Синьково».

Маша с интересом всё слушала. И наматывала, наматывала...

Деревня Ракетное была очень весёлая. Вся-превся выкрашенная. Один дом был весь ярко-зелёный, даже едко-ярко-зелёный, от головы до ног. Крыша ярко-зелёная, забор ярко-зелёный, даже каждый колышек для телёнка ярко-зелёный. Даже яблони побелены ярко-зелёной краской. Другой дом был неожиданно весь фиолетовый от первой до последней досточки. Даже почтовый ящик, висевший на дереве, кстати, на ракете, был фиолетовый. Третий дом был красный, как пожарная машина. А последний дом был весь ярко-жёлтый, будто в нём жил начальник ГАИ.

— Почему такая деревня? — спросила Маша. — Как будто дети раскрашивали.

Володя Стороженко на это ответил:

— Я люблю вышневолоцкие деревни за то, что они все неожиданные. Одна на другую непохожие. Всё у них разное: от количества домов до количества этажей. Помню, в одной деревне все заборы были как из тетрадки в косую линейку. Из длинных металлических реек. Их, наверное, перепиливать не умели, вот и ставили наклонно. В другой деревне все крыши сверкали как космические. Они были какой-то особой плёнкой покрыты. На колодце крыша есть, так в неё причёсываться можно. Сидит ворона и сама себя клюёт. В третьей деревне все дома были трёхэтажные. Такие небоскрёбы бревенчатые.

— А почему здесь всё красят? — добивалась своего Маша.

— Наверное, здесь влажное место и дерево без покраски портится. А может, у них краски завались. В магазин ничего другого не завозят.

Посредине деревни от дороги отходила свёртка. Стоял указатель. И секрет всеобщей покрашенности сразу раскрылся. Потому что на указателе было написано:

РАКИТНЫЙ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ КОМБИНАТ — 10 КМ.

— Прояснилось? — спросил Стороженко.

— Прояснилось, — ответила Филипенко. — Своим рабочим краски продают.

Тут как раз к деревянной непробиваемо синей остановке подошёл выцветший автобус. Они сели и поехали в деревню Леонтьево.

Автобус сразу замотало по всем яминам и колдобинам. Вверх и вниз! Просто душу вытряхивало. А колхозники радовались:

— Как хорошо у нас дорогу поправили!

Они все были хорошие люди, с большими мешками и сумками, все между собой знакомые, по всей длинной дороге. Они очень радостно друг с другом здоровались и всё-всё знали.

— Смотрите, вон Марья Кочемасова с чемоданом пошла. Наверное, посуду сдавать. Стало быть, её сын Славка с флота вернулся.

— А вон председателивы дети на собаке катаются. Значит, телевизионный мастер из города сегодня не приезжал и все мы без кина останемся.

Геологический Володя Стороженко не выдержал и вмешался:

— Странные выводы вы, мамаша, делаете. Если ваша уважаемая Марья Кочемасова с чемоданом идёт, это ещё не значит, что её сын Славка с флота вернулся. Может, Марья Кочемасова с этим чемоданом идёт в «Ремонт галантереи». А может, она с чемоданом в библиотеку направилась — книжек взять почитать.

— Да у нас «Ремонта галантереи» отродясь не было! — отвечали говорливые колхозницы. — А библиотеку у нас в Леонтьево перевели. С чемоданом она идёт посуду сдавать, потому что застенчивая. Не хочет, чтобы видели, что Славка её гуляет. А он, дурень, как приедет, всё время праздничает. И дружков своих зовёт. А прийти из флота ему уже давно было пора. Он уже два года

отслужимши.

— Допустим, тётяшка, что Славка ваш Кочемасов уже отслужимши. А откуда вы про телевизионного мастера знаете? И про то, что кина не будет? Мало ли почему председателивы дети на собаке катаются!

— А председателивых детей от телевизора не оторвёшь. Особенно когда он хорошо кажет. Ведь сейчас в каникулы целая серия идёт про иностранного английского мальчика Оливера Твиста. Раз дети во дворе на собаке катаются, стало быть, телевизор не работает. Стало быть, он ничего не кажет. А не работает он потому, что у нас антенна упала коллективная. Её молнией сбросило. Значит, антенну не подняли. Значит, мастер ещё не приехачи.

— Да, — сказал Володя Стороженко, — иностранный английский сыщик Шерлок Холмс — просто большой ребёнок перед жителями Вышневолоцкой сельской местности.

Когда приехали в деревню Леонтьево, Маша как вышла на дорогу, так за дерево и схватилась. Укачало её. Она Володе сказала:

— Сейчас мы быстро два источника исследуем, а потом в магазин пойдём?

— Нет, — отвечает Володя. — Мы сначала должны магазин исследовать, потому что его могут закрыть. А потом уж к источникам отправимся.

Они зашли в стеклянный магазин и стали его исследовать. Главным образом Володя

Стороженко в своих исследованиях на консервы нажимал:

— Это что у вас, бычки в томате? Дайте нам немного, банок сорок. Чтобы они у вас тут не залёживались. А это что? Никак «Завтрак туриста»? Банок двадцать нам для первого раза будет достаточно. Потешим своих ребятишек. А это что? Шпроты?.. Дайте, пожалуйста, двадцать две баночки. Самые красивые.

— Вам какие? — спросила продавщица. — Латвийские или испанские?

— А нам всё равно! — ответил Володя. — Мы разговаривать с ними не собираемся!

— Вы бы взяли для ваших ребятишек конфет, — посоветовала продавщица. — Побаловать их.

— Мы боимся их испортить, — ответил Володя. — Они у нас ребята без претензий, небалованные.

— Да и конфеты такие же! — сказала продавщица. — По двадцать копеек килограмм. Списанные.

— Вот это да! — ахнул Володя. — Я много чего в жизни видал, но таких чудесных конфет не встречал. Они дешевле картошки получаются. Дайте мне немедленно на целый рубль. Только

заверните во что-нибудь. А то для этого дефицита у нас места в рюкзаках не осталось.

— Я вам ящик дам, — сказала продавщица.

И достала из-под прилавка совершенно невиданный ящик. Сделанный из газет. Он весь сверкал как облитой.

— Да у вас не магазин, — поразился Володя, — а просто дом сюрпризов. Откуда у вас такие ящики — из Италии, из Испании?

— Из нашего лакокрасочного комбината. Это у нас наладили. Берут газеты, ими форму обклеивают и лаком обливают.

— Дайте нам, как можно скорее, пару таких ящичков. Мы и вещи уложим, и почитаем заодно. Где тут передовица — на дне или в углу?

Продавщица насыпала им два ящика конфет, и нагруженные они вышли на улицу.

— Что же мы, так и пойдём нагруженные источники проверять? — спросила Маша.

— Ни за что. Мы сейчас вещи на хранение сдадим.

— В камеру хранения?

— Конечно, в камеру хранения.

Володя зашёл в ближайшую калитку и покричал:

— Хозяйка! Хозяйка!

— Чего вам?

— Уважаемая хозяйка! Можно, мы эти рюкзаки у вас до вечера полежать оставим?

— Пусть лежат хоть до весны. Что им сделается! — сердитым голосом сказала хозяйка.

— Спасибо большое. А ещё скажите нам, уважаемая, где тут у вас источники целебные в колхозе имеются?

— Каки таки источники?

— С целебной водой.

— И отродясь не было. Ишь чего сказанул!

— А просто ключи у вас есть? Обычные родники?

— Простые есть. Коло пруда за коровником. И у бывалошного господского дома на горе. Только летошний год жарко было, может, они и пересохли.

Геологический Володя поблагодарил хозяйку, и они с Машей пошли налегке. Сначала к бывалошнему господскому дому. Потом к коровнику за прудом. И там действительно из земли били довольно сильные струи воды. Но шарики, которые дал Юра Лоза, в воде не растворились. Володя на всякий случай набрал немного воды в стеклянные бутылочки и сунул их в карман. А Маша ещё промочила ноги.

— Всё. Теперь в лагерь. Надо ужин готовить на сорок персон.

Им повезло. Очень быстро подошёл выцветший автобус, и был он совсем пустой. И опять замотало их во все стороны. Но теперь это было привычно. И они тоже стали считать, что хорошо у них дорогу поправили, раз автобус ходит.

Ехали обратно они совсем без приключений. Только в одном месте наблюдательный Володя сказал:

— Председательские дети вон с крыши сарая в снег прыгают. Значит, антенну ещё не исправили. Значит, мастер ещё не приехачи. И телевизоры во всей деревне не кажут. По этому поводу меня одолевает грусть.

Он и сам не заметил, как стал разбираться во всех тонкостях не хуже, чем иностранный английский сыщик и учёный Шерлок Холмс.

Потом Маша и Володя Стороженко готовили ужин на сорок персон. А под самую ночь пришли геологи и весь этот ужин съели.

Но трёх персон не было. Лейтенант Соколов, Валера Готовкин и Миша Гагарин ещё не вернулись.

Геологи настолько устали, что без всяких извинений отходили от стола и укладывались спать в свои спальные мешки. Никто из них ничего не нашёл, и все они были один сердитее другого.

Только у Юры Лозы хватило сил провести с самим собой и с Володей совещание. Он спросил:

— Ты сможешь ещё завтра подежурить? У всех дела неоконченные.

— Подежурю, — без восторга ответил Володя.

— А будет время, доскачи до Рабочего Посёлка, где лесозавод. Там, говорят, на каком-то ключе баня построена.

— Хорошо! — сказал Володя. — Я с утра налажу Манюню посуду мыть, а сам смотаюсь. Там и продукты куплю, и баню исследую.

— А Манюня выдержит?

— Выдержит. Очень крепкая девочка и толковая. Всё по хозяйству умеет.

Они Манюню позвали и стали спать укладывать:

— Где тебя устроить?

— Не надо меня устраивать. Я где спала, там спать хочу. Под тем же одеялом, — ответила Маша, обиженная за Манюню и за посуду.

— Хорошо, иди!

Маша пошла и улеглась под своим огромным одеялом — километр на километр. Лежала и сердилась. Она ехала источники открывать, а вместо этого демонстрирует свои способности по хозяйству — кружки моет. Так все источники без неё откроют. И зачем только она взяла с собой этого Валерку Готовкина. Была бы она единственным ребёнком, её бы взяли в Бологое — Лыкошино и там бы все носились с ней. А так никто не носит.

Сердитая Маша и заснула.

Тишина окутала лагерь геологов.

Кто-то неуверенно заухал и завыл на чердаке. Потом залопотал во тьме крыльями, пытаясь навести суеверный ужас. То ли это был филин, то ли демон. То ли это было случайное привидение. Потом этот кто-то понял: здесь никакого ужаса не наведёшь, не тот случай. И этот кто-то с чердака, медленно ворча, удалился в сторону ближайшего санатория. А может быть, в сторону кладбища.

Вот пришло утро. Маша проснулась с температурой и больным горлом. В лагере царил тишина. Все геологи были «ухачи».

На стене перед Машиной постелью была прибита огромная записка, написанная второпях и,

кажется, кисточкой для бритья:

«Маша, завтрак на столе, посуда под столом. Не скучай!»

Другая бы девочка сильно обиделась. Но Маша Филипенко была не из таких. Она обиделась немножко.

Маша протопила печку-буржуйку. Это было нетрудно, потому что дрова были поколоты и сложены рядом. На печке она разогрела завтрак и поставила греться ведро воды.

Посуда стояла под столом в газетных ящиках. Эти ящики были очень удобные: Маша залила посуду водой, чтобы она отмокла, и ящики не протекли. Прямо в ящиках она и стала мыть.

Маша мыла посуду и читала. Сначала заголовки ящиков. Потом заметки, напечатанные в них.

«НА ПОЛЯХ РАЙОНА».

«СООБЩЕНИЕ ТАСС. ПОЛЬ РОБСОН ПРИЕХАЛ В МОСКВУ».

«НОВОСТИ ЦЕЛИННОГО КРАЯ».

«ВЫШНЕВОЛОДЦЫ СОРЕВНУЮТСЯ».

«ЛЫКОШИНЦЫ РАПОРТУЮТ».

«СЛУЧАЙ НА ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ» — о том, как рыбаки выловили неводом щуку невиданных размеров — два с половиной метра. Щуку сдали в горрыбторг для продажи населению, а рыбаков в милицию, для суда. Потому что ловля сетями в Голубом озере запрещена законом.

«КАЖДОМУ КЛАССУ — ТЕЛЕВИЗОР» — о том, что в сельских школах не хватает учителей. И можно было бы отдельные уроки, например английского языка, передавать из Вышнего Волочка прямо в классы. В городе есть много языковых специалистов. А в классы на уроки можно было бы приглашать дежурных преподавателей или кого-либо из родителей для поддержания дисциплины.

И вдруг!.. «ОЛИМПИАДА В ЕДРОВО!» с подзаголовком «Чемпионы уезжают в Ковровино».

Эти чемпионы больше всего заинтересовали Машу. Она стала читать:

«Закончилась ещё одна сельская олимпиада в райцентре Едрово. На неё съехались сельские спортсмены из четырёх районных центров: Едрова, Бололого, Березайки, Выползово.

Соревнования проводились по многим видам спорта. По прыжкам в длину и высоту, по бегу на длинные и короткие дистанции. По поднятию тяжестей и по плаванию.

По всем видам спорта установлены рекорды. Многие из которых превышают рекорды СССР.

Например, спортсмен из села Ковровино Анатолий Туманов поднял штангу в двести килограммов. Что на шестьдесят килограммов превышает рекорд страны. Мало того что он поднял её, он прямо с помоста отнёс её и погрузил в машину. Так что точный вес штанги установить не удалось. Мы уже молчим о том, что возраст у Туманова далеко не спортивный для штангиста. Ему сорок пять лет.

Его односельчанин Иван Волков первым пробежал дистанцию сорок километров. Судьи не ожидали, что он так быстро пересечёт финишную ленточку, и не успели замерить его результат.

Все виды спорта, в которых требовалась сила и выносливость, выиграли ковровинцы. Только в забегах на короткие дистанции 100, 200 и 400 метров победили спортсмены других деревень. Они говорят: „С этими ковровинцами лучше не встречаться. И в борьбе, и в боксе, и в перетягивании каната они всегда первые. В этом есть какая-то загадка. Или они приглашают спортсменов со стороны, или у них есть какой-то особо выдающийся тренер, который воспитал не одно поколение победителей“.

Корреспондент Куженкин».

Маша весь ящик изучила: нет ли ещё чего про село Ковровино. Но больше ничего не было. Она другой ящик прочла со всех сторон. Вымыла всю посуду и стала ждать Володю Стороженко.

Она ходила из угла в угол, как волк в зоопарке. Потом не выдержала и, несмотря на температуру и больное горло, побежала навстречу по дороге. Побежала с ящиком.

Сидит она на остановке на ящике, ждёт Володю. Деревенские люди мимо идут и говорят между собой:

— Вон городская девочка на ящике на остановке сидит. И кого-то ждёт совершенно безо всякого толка.

Маша говорит:

— Что я на ящике сижу — это видно. Что я кого-то жду — это тоже можно понять, раз я на остановке сижу. А вот как вы догадались, что я городская.

— Потому что деревенские девочки давно знают, что двухчасовой автобус уже был в три часа, а шестичасовой раньше семи не придёт. И без толку они сидеть не станут.

Маша спросила:

— А что станут делать деревенские девочки?

— Они пойдут на край деревни и будут знать, что их жданец на попутной машине приедет.

Маша так и сделала. Пошла на край деревни. И как раз попутный трактор приехал, а на нём Володя Стороженко с продуктами. Маша сразу закричала:

— Володя, Володя! Прочти, что на этом ящике написано. Володя отложил продукты и сказал:

— Давай сюда твой почтовый ящик.

Он быстро нашёл спортивную заметку и сразу понял, в чём дело. Он сказал:

— Пойдём скорее в лагерь. Будем в Бологое звонить.

— Кому?

— Собкорру Куженкину, который тем краем заведует. Помнишь, корреспондент из города про него говорил. И про весь тот край. И ещё наш Юра Лоза сказал, что туда надо особое внимание обратить.

— Помню.

— Пусть он там разыщет лейтенанта Соколова и Мишу Гагарина с «газиком».

— И Валеру Готовкина, — добавила Маша.

— И Валеру Готовкина. И всё им расскажет.

Они быстро добежали до лагеря и пошли в кабинет директора звонить.

Их быстро соединили с Бологим. С квартирой корреспондента Куженкина. Володя Стороженко всё этому Куженкину рассказал. И Куженкин всё понял. Он только вчера вернулся из Выползово. Там он виделся с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным. Он самолично видел Валеру Готовкина и имел с ним беседу. Он даже брал у них интервью.

Володя Стороженко кричал:

— Вы обязательно свяжитесь с ними, пока они никуда не тронулись. И скажите, чтобы они немедленно ехали в деревню Ковровино и исследовали там источники. Скажите, что целебная вода там. Там, и только там!

— Там! Там! — согласился Куженкин на другом конце провода и области. — Я давно подозревал, что эта деревня какая-то ненормальная. Там даже дети как свинцовые, их от земли не оторвёшь. Слышно?

— Слышно! Слышно!

— Да только эту деревню от нас забрали. Их давно уже в Валдайский район перевели.

— Скажите им, пусть немедленно едут. И пусть оттуда нам звонят в любую ночь. Или пусть телеграммы дают. Слышно?

— Слышно, — ответил Куженкин. — Понятно! Будет сделано!

Дальше они с Володей Стороженко готовили еду и ждали геологов. И вот наступил вечер. Геологи стали подтягиваться на своих машинах по нескольку человек. Приходили они мокрые, сумрачные и бросались к печке. Или валились на матрасы, закутавшись в одеяла. Только главный, Юра Лоза, вошёл свежий и лёгкий, как после сна. И стал у всех спрашивать, как дела. И стал ставить на карте значки и крестики.

Тут к нему подошёл Володя Стороженко и протянул ящик из писем и газет.

— Прочти, шеф.

Юра не споря взял ящик и прочёл заметку про спорт.

— Ничего себе! Немедленно звонить в Бологое! Ихнему собкорру!

— Позвонили.

— Сказать, чтобы он их отыскал.

— Сказали.

— Молодцы! — восхитился строгий Юра. — Давайте ужинать. Кто заметку нашёл?

— Манюня, — ответил Володя.

— Ай да Маша! — слышались голоса. — Ай да Филипенко.

— Когда воду найдём, назовём Филипенковская.

— Филипенко-кола.

— Манюнинская!

Маша даже обиделась. Юра Лоза это понял и сказал:

— Всем быстро ужинать и спать.

Все так и сделали. А грязную посуду сложили до утра в газетные ящики.

Геологи пошли спать. И спали ещё на пути к матрасам.

А вот у Валеры Готовкина сон не получился.

Они с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным остановились в деревне Студенец, недалеко от райцентра Выползово. И легли спать в колхозной гостинице. Колхозной гостиницей была изба пожилой колхозницы Частовой Татьяны Семёновны.

— Я тоже была в Москве, — сказала Татьяна Семёновна геологам. — Картошку возила. У меня там двадцать пять рублей украли.

— Кто же это посмел? — удивился лейтенант Соколов.

— Одна какая-то дамочка вся в кольцах и платьях. Должно, приезжая. Может, иностранка.

— А куда же вы смотрели, маманя? — спросил Миша Гагарин. — Пока у вас иностранцы деньги воровали.

— Да никуда я не смотрела. Я картошкой торговала. Она говорит: «Разменяй двадцать пять рублей». У меня деньги были далеко запрятаны. Я их достала из штанов, из платка вынула и ей отсчитала. Она говорит: «Зачем мне, бабка, твои трёшницы да рубли. Отдавай назад мои деньги». Я ей отдала. А когда домой приехала, в сестринный дом, денег-то и нет, двадцати рублей. Я потом подумала: гипноз какой-то.

— Значит, двадцать рублей украли? — спросил дотошный Миша.

— Украли-то двадцать пять, — ответила Татьяна Семёновна. — Я сама их видела и в руках держала.

— А не хватает двадцати?

— Двадцати.

— Выходит, они пять рублей подложили? — предположил лейтенант Соколов.

— Может, и подложили.

— Значит, у них есть совесть?

— Откуда у них совесть, когда они двадцать пять рублей украли.

И никак они с этих двадцати пяти рублей съехать не могли. Валера Готовкин спросил:

— Бабушка Татьяна Семёновна, а где тут у вас можно душ принять перед сном?

— Да у нас этих душ в деревне отродясь не было.

А Миша Гагарин сказал:

— Разве ты не знаешь? Душа в деревни нет. Люди в сельской местности душем не пользуются. Они перед сном ванну принимают.

— Нарзановую, — добавил лейтенант Соколов.

— Каку таку ванну? — удивилась Татьяна Семёновна. — Хотите, я вам баню истоплю. Только воды натаскайте, — предложила она.

— Бабаня, мы себя еле таскаем, — возразил Миша Гагарин. — Нет у нас сил. Верно, Валера?

Сил действительно не было. Они легли спать прямо в одежде по разным углам под цветастые одеяла. Только легли, только заснули, сразу стук в окно.

— Эй, Частова, геологи у тебя ночуют?

— У меня.

— Их к телефону зовут. В бригадиров дом.

— Что, всех?

— Не знаю, — отвечал женский голос. — Сказали, геологов к телефону. Из города звонят.

Проснулись наши с Валерой и со всех ног пошли в бригадиров дом на другой край деревни. Постучали. Их впустили. Вошли — трубка лежит на табуретке.

— Лейтенант Соколов у аппарата! — сказал Соколов военным голосом.

С той стороны ответили гражданским голосом:

— Это корреспондент Куженкин говорит. Вам срочно надо ехать в деревню Ковровино. В Валдайский район. Источник находится там.

— А где это?

— Около райцентра Едрово.

— Почему срочно?

— Больно ждут все. Ваши товарищи звонили с Волочка. Они узнали, что источник в этой деревне.

Пока они так разговаривали, бригадировы дети и бабушка со всех сторон сверкали глазами. И с печки, и с кухни, из-за всех перегородок и из-подо всех одеял.

— Ладно. Передайте им, что мы сейчас же отправимся. Передайте привет всем ребятам. Скажите им, что мы здесь все болота облазили.

Куженкин удивился:

— А чего вы по болотам лазаετε?

— Да тут ничего другого нет, — сказал Соколов. — Одни болота вокруг. Хорошо ещё, что они замёрзли. Летом здесь ни шагу не шагнёшь.

— Удачи вам! — закричал Куженкин. — Я, может, тоже примчусь, чтобы описать в газете.

Они поблагодарили бригадира и всю его глазастую семью и вышли. Миша Гагарин пошёл готовить машину. Лейтенант Соколов стал выяснять у трактористов дорогу. Валеру попросили переносить вещи в машину.

Татьяна Семёновна дала им в дорогу пакет ватрушек и сказала Валере:

— Ты, когда воду лечебную найдёшь, мне набери бутылочку. У меня кости по ночам стрелять

начали. Так трещат, хоть из дому беги.

Лейтенант Соколов говорит:

— Сколько лет людей лечу, не слышал, чтобы кости по ночам стреляли. Давайте, Татьяна Семёновна, я вас перед отъездом осмотрю. Я всё-таки военный врач.

Он осмотрел Татьяну Семёновну и сказал:

— Баба Таня, кости у вас здоровые. Да и вообще, вы женщина крепкая, порчи на вас нет. Вы лучше кровать осмотрите. Может быть, это она по ночам трещит. Пересохла вся.

Тут Татьяна Семёновна поняла:

— Это не кровать трещит. Это линоль стреляет. Мне мой сын Лексей линоль привёз из города на пол. Какой-то особый, химический. Морозоустойчивый. Для Крайнего Северу. Он его на производстве купил. Вот он и трещит от жары, когда печка истоплена.

Как только Татьяну Семёновну осмотрели и диагноз установили, погрузились в машину и поехали в темноте. Потихоньку, помаленьку. Ехать надо было сто километров, где по просёлку, где по асфальту.

Сначала машину вёл Миша Гагарин. Лучи света от фар метались во все стороны. Потом он устал и попросил Соколова крутить баранку. Они по очереди меняли друг друга. А военизированный внук Валера Готовкин бессменно спал на заднем сиденье. Он был очень волевой и упорный. Даже когда он подлетал на ухабах до потолка, он всё равно не просыпался. Долго ехали.

Очень долго ехали.

Вот уже стало светать. Проехали полусонное районное село Едрово, поговорили с полусонным работником ГАИ и вышли на последнюю прямую к посёлку Ковровино.

Навстречу потянулись недовольные утренние трактора, старинные автобусы с фанерными стёклами и редкие колясочные мотоциклы.

В лесу вокруг дороги были разработки леса. Туда и обратно шли просеки, отвилки, свёртки. И скоро Миша Гагарин сбился с главного пути. Он метался из колеи в колею, пока не потерялся окончательно.

Он не стал будить задремавшего Соколова, заглушил двигатель и откинулся на сиденье назад — спать.

Они спали. И спала ещё вся огромная, побольше Франции, Калининская область вместе с Вышневолоцким районом.

Первым проснулся Валера Готовкин. Он же раньше всех заснул. И проснулся он оттого, что какой-то мохнатый дядька ходил и хрустел утренним ледком у машины. Это был лось.

Валера погудел, побибикал, и лось умчался в лес. Все очнулись.

Солнце било со всех сторон. Из-за каждой ветки. Было тепло. Лейтенант Соколов спросил у Миши Гагарина:

— Скажите, пожалуйста, уважаемый товарищ водитель, где тут можно душ принять перед завтраком и зубы почистить?

Миша Гагарин напрягся, тоже хотел придумать что-нибудь остроумное, потом сказал попросту:

— А хрен его знает!

Они быстро умылись снегом. Соколов выдал каждому по ватрушке из целлофанового пакета Татьяны Семёновны, и они снова помчались.

За рулём сидел сам лейтенант, и машина не скакала и не прыгала. Она упрямо выбирала километр за километром, и вот стали попадаться первые признаки посёлка. Свежие следы, песок и опилки на дороге, разноразмерные собаки.

Потом им встретился мальчик. Он катил перед собой огромный баллон от колёсного трактора.

— Мальчик, мальчик, как проехать к посёлку Ковровино?

— По этой дороге и езжайте, — ответил мальчик. Он взвалил на себя колесище и пошёл дальше.

— Может, ты нас проводишь? — спросил лейтенант Соколов.

— Не-а, я не могу, — отвечал мальчик. — Я бегу на МТФ, колесо вулканизировать. Тороплюсь. Сзади дедушка идёт, трактор тащит. Надо к его приходу всё починить. А то он рассердится. Да вам тут недалеко — пять километров всего.

Наши слегка глаза повицаривали на этого мальчика с колесом, на его дедушку и поехали дальше.

Всё ближе и ближе деревня.

А тут старушка по дороге идёт с котомкой. Как раз в ту же сторону.

— Садись, бабуся, подвезём!

— Вот хорошо-то, милочки, — сказала старушка. И стала забираться в «газик».

Миша Гагарин выпрыгнул со своего кресла и помог старушке. Потом подал ей котомочку.

— Бабуся, а что у тебя в котомке-то? Не поднять. Гири, что ли, носишь с собой, гантели?

— Какие гантели, милоч! Утюги несущ электрические. Выбросили в сельпе. Я и взяла для себя и для соседей. Да много не могу — десять штук всего.

Она согнуто смотрела на дорогу.

— А для гантелей я стара стала. Здоровья у меня совсем нет.

— А что у вас со здоровьем, бабуся? — спросил лейтенант Соколов. — Почему его нет?

— И не знаю почему? Только ломит меня всю по утрам. Так и выкручивает! Так и выкручивает!

У бабушки в руках была кочерга.

Она ею вместо клюшки пользовалась по гололёду. И бабушка стала показывать, как её выкручивает, на примере этой кочерги. Всю кочергу в узел завязала. И сказала:

— Возраст, наверное. Мне уж под восемьдесят скоро.

— Это не возраст, — возразил Гагарин. — Меня, бывает, тоже крутит по утрам. Хочешь распрямиться — и не можешь. — Он пытался выпрямить кочергу. — Никак не можешь! Это простудное, бабушка.

— Может, и простудное, — согласилась утюговая бабушка. — А мне и сходить уже. Спасибо вам, милочки. Дай вам бог здоровья. Вот и мой дом. Вот и весь наш посёлок Ковровино. Десять домов всего.

— Бабушка, а где у вас тут можно воды набрать? — закричал с заднего сиденья Валера Готовкин. — Очень пить хочется.

— А и подожди. Я тебе сейчас молока вынесу.

— Нет, бабушка, не надо молока. Мне воды нужно, попить, умыться.

— Или душ принять, — добавил Миша Гагарин.

— А вы подъезжайте к пруду. Там и будет ключ. Аккурат возле часовни.

Быстро подъехали к ключу. Набрали воды. Выпили по стакану. Ничего особенного. Вода как вода.

Соколов достал блестящую горошину и бросил в стакан с водой. Пыш! — только пузырьки пошли. Горошина вмиг растворилась.

— Ура! — закричал Валера Готовкин. — Где тут ближайшая почта?!

До ближайшей почты было, как всегда, километров тридцать. Они набрали канистру воды и двинулись.

Опять ухабы и перелески. Опять просёлок и такая дорога, будто она ложностратегическая. Будто её для врагов прокладывали, чтобы они никуда не доехали. И вот долгожданное райсело Едрово и долгожданная почта.

Наши небритые участники экспедиции напоминали неизвестно кого. Когда они ввалились на почту, девушки подумали, что у них опять кино про войну снимают. Они сказали:

— Этих актёров плохо загримировали. Военная форма у них как новенькая. И щетина не настоящая, того и гляди, отклеится. И китайских плащей, как у шофёра, партизаны не носили. Их тогда ещё в продаже не было.

Лейтенант Соколов быстро набросал телеграмму:

«Город Вышний Волочёк. Пионерский лагерь фанерного завода. Начальнику геологической экспедиции Лозе.

ИСТОЧНИК НАЙДЕН. ОБНАРУЖЕН В ПОСЁЛКЕ КОВРОВИНО. ВЕЗЁМ ПРОБУ.

Соколов, Готовкин, Гагарин».

Через час изумлённые геологи во главе с Юрой Лозой, вытаращивая глаза, читали:

ИСТОПНИК НАЙДЕН ТЧК ОБНАРУЖЕН В ПОСЁЛКЕ С КОРОВОЮ ТЧК ВЕЗЁМ ПРОБКУ ТЧК СОКОЛОВ ГОТОВ КИН — ГАГАРИН.

А когда Миша Гагарин, Соколов и Валера Готовкин ушли с почты, изумлённые девушки говорили:

— Это не партизаны были, не из кино. Это милиция была. Петровка, тридцать восемь. Они истопника искали. Он, наверное, был очень опасный.

— Почему опасный? Скажи, Маруся.

— Потому что Соколов готов.

— А тот, в китайском плаще, и в самом деле китайской национальности.

— Это почему, объясни, пожалуйста.

— Потому что фамилия у него китайская — Кин-Гагарин.

Через некоторое время корреспондент Куженкин подъехал.

Он долго девушек расспрашивал. Телеграммы читал. А потом продиктовал по телефону заметку в вышневолоцкую газету: «Кин-Гагарин выходит на след».

Потом было много всяких событий. И встречи в пионерлагере. И торжественный вечер с вышневолоцкой интеллигенцией. И ответы на вопросы журналистов.

А ещё через день, под вечер, Миша Гагарин на своём «газике» привёз в Вышний Волочёк на станцию готового Соколова, Валеру Готовкина и Машу Филипенко. Они уезжали в Москву. Ещё провожал их геологический Володя Стороженко. С огромным пустым рюкзаком. Как всегда, ему было велено по дороге купить пятьсот банок консервов.

Он говорил на прощанье:

— Уезжайте, ребята. Я не буду тут с вами миндальничать, слёзы лить. За консервами побегу. Я стал специалистом по консервным ископаемым. Я уже давно не геолог.

Известный следователь Кин-Гагарин тоже не стал миндальничать. Он подарил Валере фонарик-жужжалку и побежал колёса подкачивать. Эх, жизнь геологическая!

В поезде лейтенант Соколов сказал:

— Я, ребята, тоже давно не геолог. В медицину ушёл. В химию. А ведь когда-то геологом начинал.

— А почему ушли?

— Я считаю, что полезные ископаемые трогать не надо. Надо их для потомков беречь. Они же не только наши. Мы должны солнечную энергию использовать, гидроэлектрическую, атомную.

Маша сразу решила, что попросится у профессора Баринова улучшательницей именно на эти разработки. Пора двинуть вперёд научные изыскания в этих областях.

Валера Готовкин тоже решил начать жизнь заново. Как можно скорее исправить двойку по математике и проситься в постоянные улучшатели. Не будет он больше барчуком выращиваться.

В Москве Машу встречали родители. А Валеру встречали дедушка и бабушка.

— Ну как, внучек, здоров? Понравилось тебе?

— Ещё как понравилось! — закричал Валера. — Бабушка! Дедушка! Мы там даже ни разу не раздевались!!!

Глава 7.

Седьмая профессия Маши Филипенко. Мы — пожарная дружина

После геологической экспедиции Маша была надолго оставлена в покое Институтом Улучшения Производства. Потому что её мама позвонила профессору Баринову и сделала ему выговор:

— Может быть, производство вы улучшаете, но нашего ребёнка вы ухудшили. Отец ей говорит: «Помой посуду. Вон раковина полна тарелок». А она отвечает: «Папочка, ты сам помой. Я чрезвычайно занята. Я для страны нефть ищу». — «Это как ты её ищешь?» — «А так, папочка, по карте. Нефти там больше всего, где больше всего бензоколонок». Отец говорит: «А чемоданы из крокодиловой кожи продают там, где больше всего крокодилов. То есть в подвале Центрального универмага». Она в ответ на это говорит: «А я посуду всё равно мыть не буду. У меня много дел есть государственной важности». Так что у нас дома не дочь живёт, а просто министр оборонной

промышленности. Скоро мы к ней на приём записываться будем по вторникам и субботам.

Профессор Баринов такого от Маши не ожидал. Он только охал и ахал в трубку и ничего себекал:

— Ах! Ах! Ах! Ох! Ох! Ох! Ничего себе!

— И учиться она плохо стала. У неё по английскому одни двойки.

Профессор Баринов сказал:

— Я всё понял. Мы её временно отстраним от улучшения. Тем более что у нас другой хороший улучшатель выработался — Валера Готовкин. Он нас выручит. А с английским мы вам поможем. Прикрепим к Маше маму товарища Жбанова.

— Спасибо, — сказала мама. Но сама даже огорчилась, что её Машу отстранили от улучшения. Маше и за это влетело:

— Видишь, выставили тебя!

— Мама, но ты же этого сама хотела!

— Кто ж знал, что они отстранят сразу. Я думала, они тебе нагоняй сделают. Ладно уж, зато теперь займёшься учёбой. Хотя зарплату твою жаль.

И вот однажды к Маше в дом пришла совсем ещё не старая пожилая женщина. Она как вошла, так с порога и сказала:

— Here lives Masha Filipenko?

На чистом английском языке. (Что по-русски означало: «Здесь живёт Маша Филипенко?»)

Маша ничего не поняла, кроме двух очень звучных английских слов: Масша Филипъенко. И она спросила:

— Кто вы? Вам кого нужно?

На что гражданка ответила:

— Tell in English, please.

(Что означало: «Говорите, пожалуйста, по-английски».)

Маша догадалась, что прибыла мама жены товарища Жбанова. И она сказала по-английски:

— Заходите, ду ю ду!

Дело было днём, после школы. Дома был папа. Он вышел из своей комнаты. Он тоже догадался и сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте. Мы вас ждём. Хотите чаю?

— Tell in English, please, — повторила женщина.

И папа тоже сказал:

— Заходите, ду ю ду.

Учительница вошла в дом и засыпала Машу вопросами:

— What is your name? Do you like English?

С появлением в доме этой неуютной бабушки жизнь у Маши резко испортилась. Столько трудностей возникло, сколько за всю предыдущую жизнь не было.

У Маши даже мозги закрипели. Она взяла словарик и стала искать слова, которые ей говорили. Приходилось искать каждое слово. Потому что никаких английских слов Маша не помнила. А если что-то помнила, то помнила неправильно. А если что-то помнила правильно, то не помнила, в каком порядке ставить. У неё выходило, если перевести на русский язык: «Я живу здесь Маша Филипенко квартира дом три. Мой папа имеет имя: мистер Филипенко Александр есть. Моя мама имеет место быть работа парк. Я имею место быть школьник».

За все эти сведения товарищ Жбанова-старшая благодарил Машу на чистейшем английском языке. Но не успокаивалась, а спрашивала всё дальше и дальше.

— Thank you. Have you brothers and sisters? (Имеете ли вы братьев и сестёр?)

— Thank you. Where does your mather work? What is her profesion? (Где работает ваша мама? Какова её профессия?)

Маша опять отвечала:

— Братья и сестры я есть нету. Моя мама есть работник троллейбусного леса. Отдела доставать получать.

Папа сначала тоже принимал участие в этих мучениях. Он бегал со словарём и кричал:

— Какой такой троллейбусный лес? Надо говорить троллейбусный парк. То есть депо.

Потом папа сбежал. И бедная Маша одна осталась отвечать на бесконечные вопросы товарища Жбановой. Потом она писала диктант. И только к вечеру полумёртвая Маша села немного отдохнуть за математику.

А у Машиного заместителя, который выработался с её лёгкой руки, у Валеры Готовкина, день выдался на редкость удачный.

Его пригласили в Институт Улучшения Производства. Позвонили по телефону и сказали, чтобы он приезжал. Дома как раз был дедушка-генерал. Он приехал обедать. Они оба в машину сели и поехали в институт задание получать. Но дедушку в этот раз не пустили. Вахтер попался бюрократический, никогда в армии не служивший. Или, наоборот, служивший, но неудачно. Он сказал:

— Товарищ генерал, на вас пропуска нет. Вам придётся часика два у входа подождать.

Дедушка даже обиделся. Он хотел Валеру не пустить, но Валера шмыг мимо вахтера и вверх!

Он увидел, что на полу и на стенах были маленькие стрелочки нарисованы. Как в игре казаки-разбойники. Стрелочки были разноцветные, с надписями и вели в разные стороны.

«Как здорово придумали!» — подумал Валера. Он выбрал себе зелёную стрелочку с надписью «Профессор Баринов» и побежал по ней и по другим таким же.

Зелёные стрелочки провели его по разным коридорам к двери, где была нарисована зелёная мишень и стрелочка в неё воткнулась. На двери было написано:

Кабинет профессора Барилова

Валера к профессору зашёл, а дедушка сердитый в машину сел и уехал в Генеральный штаб. Ух, там всем досталось!

Профессор Баринов сказал Валере:

— У нас в городе есть пожарная команда. Жизнь у неё всегда была трудной и опасной. А за последние годы она ещё больше осложнилась.

— Почему? — спросил Валера.

— Пожары стали более быстрыми, чем раньше. В домах кругом пластмасса и синтетика. Они горят с большей скоростью и с огромным выделением тепла. В среднем сегодняшняя квартира сгорает в два раза быстрее, чем вчерашняя. А техника для тушения — раздвижные лестницы, брандспойты, пожарные машины — осталась та же. Пока всё приведётся в боевую готовность, пока пожарные доберутся до места пожара... А движение на улицах стало более интенсивным, всё запружено... Попробуй что-нибудь сделай. Понятно?

— Понятно, — сказал Валера.

— Так вот, старые методы борьбы с огнём не годятся. А новых никто не придумал. Есть специальный Институт Пожарной Безопасности. Ему дали правительственное задание. Но пока он кончит разработки, два года пройдёт. Поэтому надо придумать что-то очень срочное. Ясно?

— Очень ясно, — серьёзно сказал Валера.

— Мы тебя зачислим в пожарную дружину Фили-Мазилевского района. У них новое здание, новая техника и прекрасные люди. Поработаешь с ними, потом скажешь свои рекомендации.

— И мне каску дадут? — спросил Валера.

— И каску, и комбинезон. И даже личный огнетушитель.

— А что мне бабушке сказать? Если бабушка и дедушка узнают, что я в пожарные пошёл, они меня никуда не пустят.

— Не знаю, — ответил профессор Баринов. — Ты с Машей Филипенко посоветуйся. Она лучше знает твоих бабушку и дедушку.

И профессор пожелал Валере хороших противопожарных успехов.

Валера как ушёл от него, так сразу Маше позвонил:

— Маша, как мне быть? Как мне с дедушкой и бабушкой справиться? Они меня в пожарные ни за что не отпустят.

— Отпустят.

— Ни за что. Они до сих пор от меня спички в дедушкин сейф прячут.

— А ты не говори, что во взрослые пожарные пошёл. Скажи, что ты — юный пожарный, такой пожарный суворовец. Что это игра такая. Что пожар не настоящий будете тушить, а из красных ленточек.

Валера так бабушке всё и рассказал. И дедушке. Дедушка пожарным суворовцам обрадовался. Хоть не военные, но почти военные. А бабушка насторожилась. Просила её на первое ученье взять. Тряпочки гасить. Валера еле-еле отбил.

— Ты что, бабушка? Мы будем с огнетушителями бегать. На крыши залезать, ты за нами не угонишься.

И вот в первый день пошёл Валера Готовкин на дежурство в пожарную бригаду. Сел в метро, заплатил пятак и приехал на станцию «Фили». Из метро вышел, видит: стоит невдалеке двухэтажное здание с зелёными воротами.

Валера удивился, что пожарной вышки рядом не было. Он считал, что рядом с пожарной командой всегда есть каланча.

У ворот была кнопка звонка. Под ней висел список.

НАЧАЛЬНИК ПОСТА.....1 звонок.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

НАЧАЛЬНИКА ПОСТА.....2 звонка.

СТАРШИЙ БОЕЦ ЛОПУХИН...3 звонка.

БОЕЦ ЛАНДЫШЕНКО.....4 звонка.

БОЕЦ ВАСИЛЬКОВ.....5 звонков.

ОСТАЛЬНЫЕ БОЙЦЫ.....10 звонков.

В СЛУЧАЕ ПОЖАРА ЗВОНИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ 01

Валера нажал на кнопку звонка один раз. Вышел строгий седой человек в военно-пожарной форме:

— Я вас слушаю.

Валера протянул ему направление:

«Улучшатель Валерий Владимирович Готовкин направляется в пожарную команду Фили-Мазилевского района для ИЗЫСКАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПО УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ. Просьба к руководителям оказывать содействие улучшателю и идти навстречу во всех пожеланиях.

О всех конфликтах звонить по телефону: 17-74-04, научному руководителю профессору Баринову».

Строгий человек отдал Валере честь и пригласил его в помещение. Он сказал:

— Я — капитан пожарной службы Минаев Вадим Александрович. Здесь в части только что закончен ремонт. Произведено полное переоборудование. Команда ещё не прибыла. Разрешите ознакомить вас со службой.

Он разговаривал с Валерой так, как будто бы это был не Валера, а Валерин дедушка. Первым делом он повёл Валеру показать гараж. Там стояли две огромные красные машины. Показал служебное помещение над машинами. Там в свободное время находилась команда.

— Зачем эти столбы? — спросил Валера.

— Когда бывает тревога, — ответил капитан, — по ним бойцы съезжают вниз. И садятся по машинам.

— А где они сейчас? — спросил Валера.

— Команда ещё не набрана. После ремонта бойцов ещё не присылали. Я здесь один. Даже телефонисток нет.

«Ничего себе! — подумал Валера. — Как же я буду улучшать работу, если работать некому».

Капитан Минаев сказал:

— Вы не беспокойтесь, что команды нет. Я всё сам умею. И машину водить, и пожары тушить. Даже по телефону вызовы принимать. Прежде чем начальником стать, я и бойцом был, и водителем, и механиком по брандспойтам.

Валеру это успокоило.

И они приступили к работе.

Они начали отрабатывать и изучать все действия пожарной дружины в случае пожара.

Валера подавал сигнал тревоги, он гудел пожарной сиреной и засекал время. Вадим

Александрович кидался к столбу и съезжал вниз на первый этаж. Там он сразу бежал в кабину и начинал заводить мотор. А Валера летел к воротам, чтобы их открыть. Машина выезжала и останавливалась. Это было в первый день.

Во второй день стали отрабатывать действия дальше.

Валера бросался на сиденье бойца, и машина вылетала. Они мчались как угорелые по самым главным улицам. Сирена выла. Прохожие и легковые автомобили разлетались в разные стороны.

Валера изучал работу пожарных от погрузки до прибытия на место огня. Вадим Александрович во всём ему помогал.

Валера зря времени не терял. Пользуясь пожарной машиной, он нанёс визиты всем своим друзьям. Он говорил им:

— Позвоните мне по телефону ноль один, добавочный Фили-Мазилово. Скажите, что у вас учебный пожар, и засекайте время.

Телефон звонил:

— Алло, у нас учебный пожар! — И машина вылетала. Через некоторое время лестница доставляла Валеру Готовкина прямо в окно тому, кто его заказывал. И Валера спрашивал через форточку четвёртого этажа:

— Это у вас учебный пожар? Сколько времени мы до вас добирались?

А ему отвечали через форточку:

— Всё уже сгорело.

— По-настоящему сгорело или по-учебному?

— По-учебному, конечно.

Все его друзья — и Дима Аксёнов, и Дима Олейников — все ему завидовали. И все очень просились в команду. А Валера отвечал:

— Я о вас подумаю. Если у меня будет возможность, я переговорю с профессором Бариновым. Может, он разрешит. Он у нас главный.

Ребята удивлялись — что это за профессор такой по пожарам?

А однажды Валерин дедушка позвонил и сказал:

— Валера, я звоню к бабушке и никак не могу дозвониться, у неё всё время занято. Передай ей, что я сегодня приду поздно.

— А что? Почему? — спросил Валера.

— Командующий приехал. Иностранцы военные приехали. В общем, у нас пожар.

Как только он сказал «пожар», у Валеры что-то сработало. И он закричал:

— Дедушка, дедушка, засекай время! Сейчас будем! Какой у тебя этаж?

— При чём тут этаж? — ответил дедушка. — Четвёртый.

Он повесил трубку и стал в своём военном штабе разговаривать с командующим и иностранцами.

Командующий говорил:

— Вот иностранный маршал мистер Раунд и с ним военный атташе мистер Граунд. А это их

адъютанты и лейтенанты. Мистер Раунд хочет сделать нам одно военное заявление.

Командующий говорил всё на чистом английском языке, а генерал Готовкин переводил на русский. Чтобы понимали наши военные адъютанты, лейтенанты и корреспонденты.

И иностранный мистер Раунд сделал заявление:

— Учёные нашей страны, борясь за мир во всём мире, придумали новое оружие. Это маленькие самонаводящиеся ракеты. С одной грузовое военной машины или с одного самолёта их можно выпустить пятьсот штук. Они взлетают вверх и с высоты сами наводятся на танки, самолёты и пушки, стоящие внизу. Взрыв, и, как говорит ваша русская сказка, летят клочки по закоулочкам.

Размеры клочков не больше пачки сигарет. От закоулочков тоже ничего не остаётся.

— Да, — поддержал его мистер Граунд. — Поэтому мы предлагаем ваши танки и самолёты снять с вооружения. И переплавить их на трактора, лифты и стиральные машины. Что вы на это скажете?

— Что мы на это скажем? — спросил командующий у генерала Готовкина.

Генерал Готовкин глубоко задумался. И все глубоко задумались. Потом генерал Готовкин сказал:

— Мы тоже сделаем заявление.

Он стал говорить по-русски, а командующий переводил его заявление на чистейший английский язык для корреспондентов, адъютантов и лейтенантов.

— Дело в том, что наши учёные, борясь за мир, придумали новую защиту от агрессивных нападений. Это маленькие фонари. Своими лучами они меняют действие всех приборов на противоположное. Если мы направим такие фонари на ваши ракеты, они повернут и полетят в обратную сторону. И полетят клочки по закоулочкам от ваших танков и самолётов. Уцелеет только всё деревянное.

Мистер Раунд посмотрел на мистера Граунда.

— Что мы на это скажем?

Мистер Граунд глубоко задумался. Потом сказал:

— Этого не может быть. Это всё сказки Пушкина. Это всё выдумка — роман «Евгений о'Негин».

— Да?! — закричал генерал Готовкин. — Сказки Пушкина?! Роман «Евгений Онегин»?! А это вы видели?!

Он выхватил из письменного стола фонарик-жужжалку. Из другого ящика вынул электронные ручные часы.

— Смотрите! — Он направил фонарь на электронные часы и пожужжал им. — А теперь изучайте!

Он подал часы мистерам Раунду и Граунду. Два мистера вытаращили глаза и долго смотрели на часики. Потом сказали:

— Они идут назад.

Сразу после этого оба мистера, как по команде, сначала покраснели, потом позеленели.

Тут все корреспонденты достали блокноты и стали записывать: «Часы повернули вспять», «Новое оружие русских», «Время сошло с ума!», «Электроника наоборот», «Артиллерия бьёт по своим».

— Мне жарко! — сказал мистер Раунд. — Воды!

— И мне жарко! — сказал мистер Граунд. — И мне воды! Им тут же поднесли поднос с кока-колой и с квасом.

— Не то! — сказали мистеры. — Нам простой воды. Нам надо умыться.

Генерал Готовкин нажал на кнопку и сказал по селектору:

— Воды нашим гостям. Да побольше!

Как раз в это время за окном возникла пожарная лестница. На ней приехал Валера Готовкин со шлангом. Все так и рухнули на стулья.

А дедушка Валеры подошёл к окну, распахнул его и сказал:

— Дайте сюда воды. Полведра, пожалуйста.

Валера закричал вниз капитану Минаеву:

— Полведра, пожалуйста, товарищу генералу!

Минаев повернул кран, и вылилось ровно полведра. Иностранные генералы успели умыться.

— Спасибо! — сказал Готовкин. И Валера уехал вниз. Как раз прибежали солдаты с полотенцами.

Мистеры Раунд и Граунд были подавлены и потрясены. Они сели в машину и уехали докладывать обо всём своим правительствам. Командующий ласково улыбался им на дороге.

Потом командующий повернулся к генералу Готовкину, и улыбка съехала с его лица на затылок. Затылок ещё улыбался отъезжающим гостям, а лицо уже стало суровым-пресуровым.

— Эт-то почему я ничего не знаю про секретные лучи? Эт-то почему вы показываете секретные лучи несоюзным военным? Да знаете ли вы, что бывает за разглашение государственной тайны?

На что генерал Готовкин ответил:

— Никаких лучей пока ещё нет. Это обычный динамо-фонарик. А часы мои просто упали. И сами

пошли в обратную сторону. Всё некогда было отнести их в мастерскую.

— А почему пожарные заезжают в окна без приказа?

— Это вовсе не пожарные. Это мой внук. Он в пожарные суворовцы поступил. Сейчас он на практике — лестницы и брандспойты осваивает!

— Так пусть он их осваивает в другом месте! — сурово сказал командующий. — Где-нибудь возле своего училища. Что касается лучей, немедленно дайте указание учёным изобрести такие! Чтобы мы могли вывести их дурацкие ракеты из строя. Чтобы никаких клочков по закоулочкам у нас не летало!

Дома Валере Готовкину жутко влетело за его въезд в окно со шлангом. Дедушка чуть-чуть не забрал его из пожарной команды. Хорошо, что капитан Минаев за Валеру заступился, и бабушка ничего не узнала. Ещё хорошо, что Валерии фонарик пригодился и всё положение спас. Из-за него дедушка к Валере подобрел.

А у Маши Филипенко дела были хуже некуда. Мама товарища Жбанова устроила им дома просто английскую оккупацию. Ни одно слово на русском языке не принималось. Постоянно слышалось:

— Что это есть? Есть ли это шкаф? Какого цвета есть этот шкаф? Как много шкафов в этой комнате? Спасибо. Кто это есть? Есть ли это мальчик? Какого цвета этот мальчик? Как много мальчиков в этой комнате? Большое спасибо. А что это есть? Это девочка или это стол? Какого цвета эта девочка? Как много девочек в этой комнате? Очень большое спасибо. А что это? Есть ли это дверь? Какого цвета эта дверь?.. — И так далее. И так далее.

Однажды Маша пришла из школы и видит, что на всех предметах наклеены английские слова, напечатанные на английской машинке.

Она подходит к двери в комнату, на ней написано: the room. Берётся за ручку двери, на ней приклеено: the door. Подходит к столу, на нём надпись: the table. Маша пошла на кухню, у входа висит: the kitchen. Взяла в руки кружку, на ней стоит: the tankord. Взяла чайник, читает: the teapot. Взяла сахарницу, на ней — the sugar-basin. Взяла из сахарницы кусок сахара, на нём — the sugar.

От всех этих английских the words Маша немного обалдела.

Но хотела она того или не хотела, английский язык постепенно в неё проникал, сыпался. А иногда даже и высыпался. Даже в школе учительница английского языка Надежда Александровна Терехова сказала:

— Смотрите, ребята, что с человеком упорство делает. Ещё неделю назад Маша Филипенко по-английски двух слов связать не могла. А сейчас целые предложения говорит. И всё потому, что на уроке внимательна. Берите с неё пример.

Маша про себя при этом подумала: «Если у нас эта железная мама ещё неделю проживёт, я не только по-английски заговорю, я русский забуду. Не зря про неё говорят, что у неё особый метод — магнитно-прилипательный. Что она двух министров и одного маршала языку выучила».

Валера Готовкин тем временем на станции «Фили» разворачивался. Однажды он сказал капитану Минаеву:

— Вадим Александрович, кажется, я уже кое-что придумал, я придумал, как нам за дело браться.

Он весь процесс прибывания на место пожара разбил на отдельные операции. Вот как это выглядело:

Список отдельных частей.

1. Прыгание на машину.
2. Открывка ворот.
3. Проездка по улицам.
4. Раздвижка лестницы.
5. Размотка бранс... брандсп... шлангов.
6. Тушка пожара.

И Валера насел на первую часть, на прыгание на машину. Он сказал:

— Это неправильно, что пожарные по столбу вниз съезжают. Пока один едет, он другому мешает.

— А как же надо?

— Надо, чтобы у каждого карабин был, как у парашютистов. Или как у альпинистов, которые пропасть переезжают. А со второго этажа к машине надо тросик натянуть. Тогда все могут гуртом ехать и прямо на длинное сиденье садиться.

— Интересно, — согласился Минаев. — Надо бы попробовать. Но бойцов-то пока нет.

— Сейчас будут! — сказал Валера.

Он позвонил Диме Олейникову:

— Дима, у нас сейчас учебный пожар будет. Приезжай к метро «Фили». Нет, Дима, учебный пожар это не тогда, когда горят учебники, а тогда, когда в учебных целях тушат пожар. Так что приезжай немедленно и Аксёна захвати... Вёдра брать? Как хочешь, можешь брать, если есть. И вёдра, и багры.

Он позвонил Маше Филипенко и услышал:

— Hello, here is Masha. (Что означало: «Алло, Маша у телефона».)

Валера ничего не понял. Но услышал слово «Маша» и закричал:

— Маша, приезжай к нам к метро «Фили», у нас учебный пожар.

— Repeat please, — сказала английская Маша. — Why it is fire in metro?

Если бы Валера владел английским в совершенстве, он бы понял, что она говорит:

— Повторите, пожалуйста. Почему в метро пожар?

Но он был слаб в английском, поэтому просто кричал:

— Маша, у метро «Фили» будет учебный пожар.

И в ответ услышал:

— Что есть у метро «Фили»? Учебный пожар есть. Какого цвета этот пожар есть? Этот пожар есть красный.

— Ты что, обалдела, Машка?

И тут Машка ответила на чистом русском языке:

— Сам ты обалдел, Готовкин, несчастный. А я сейчас приеду. Она побежала к маме товарища Жбанова и закричала:

— Give me, please, one... одно ведро, give me сапоги and give me кастрюлю вместо шлема. Я на

пожар бегу.

Мама товарища Жбанова потребовала:

— Tell, please, everythig in English.

Но Маша взбунтовалась и ничего по-английски спикать не стала. Она поняла, что пока она всё это по-английски изложит, там всё сгорит. И будут у метро «Фили» одни учебные угли.

Она надела сапоги и старую мамину куртку и помчалась в метро.

Не успел Валера сделать последний телефонный звонок, как первые дружинники стали прибывать. Скоро весь класс с ведрами, кастрюлями и баграми был в сборе. Дима Аксёнов принёс даже огнетушитель, который висел у них в подъезде. А Дима Олейников притащил пожарный шланг из специального противопожарного шкафа, который стоял около его дома у гаражей. С этим шлангом его не хотели пускать в метро. А он кричал:

— Если вы меня не пустите, там все «Фили» сгорят!

Дежурная была в сомнениях. А милиционер пожалел «Фили» и его пустили. Только откуда брать воду для этого шланга, Олейников не придумал.

Капитан Минаев порадовался такой шустрости добровольцев-бойцов. Он показал ребятам часть и объяснил, чем они тут с Готовкиным занимаются.

Потом они с Валерой стали проводить учения. Ребята по столбу съезжали из комнаты бойцов вниз и грузились на машину. Капитан Минаев засекал время по секундомеру. Всё выходило очень быстро. Десять ребят садились на автомобиль за одну минуту.

После этого капитан натянул стальной тросик от комнаты бойцов к крюку над выездом из гаража. И раздал ребятам широкие брезентовые пояса. Пояса на ребятах не застёгивались. Пришлось прокалывать новые дырки. А Аксёнов и Олейников не стали дырочки прокалывать, они в один пояс вместе влезли.

К поясам были приделаны цепочки с карабинчиками. Такими цепочками пользуются верхолазы.

Валера Готовкин первым съехал со второго этажа к пожарной машине на таком карабинчике. Потом другие ребята.

Получалось очень быстро и весело. Мальчики летели вниз, качаясь, как ёлочные игрушки. И приезжали прямо на сиденье машины.

— Всё! — закричал Валера. — Кончай кататься! Проводим ученье!

Он потянул такой шарик на верёвочке — загудела сирена.

— Засаекаем время!

Ребята из-за шахматных столиков и с лёгких брезентовых кресел бросились к натянутому тросу. Они съезжали вниз к машине и усаживались на длинное сиденье вдоль пожарной лестницы.

— Готовы? — спросил капитан Минаев из кабины.

— Готовы!

— Открывай ворота!

Валера бросился к воротам и открыл их, толкая по отдельной воротине. Машина взревела и рванула вперёд.

Эксперимент удался! Все ребята, как один, остались висеть на тросе. Они забыли отстегнуть

карабинчики.

Операция заняла тридцать секунд.

— Я вижу, от вас есть польза, — сказал капитан Минаев.

— Пока ещё мало пользы, — сказал Валера. — Будет больше. Завтра мы продолжим учения.

Он обратился к ребятам:

— Кто сможет приехать?

Все подняли руки. Кроме Маши Филипенко. Она не знала, можно ли на пожар идти с учительницей английского языка. И не была уверена, отпустит ли её куда-нибудь строгая товарищ Жбанова.

— Ребята, нам надо не только посадку ускорить, а все операции тоже, — сказал Валера. — Надо, чтобы мы продумали как.

Он прочитал одноклассникам «Список отдельных частей»:

1. Прыгание на машину.
2. Открывка ворот.
3. Проездка по улицам.
4. Раздвижка лестницы.
5. Размотка бранс... брандсп... шлангов.
6. Тушка пожара.

— Понятно, ребята? Поможете?

— Понятно, — закричали ребята. — Поможем.

И вся пожарная дружина, гомоня и громохвая снаряжением, поехала домой. Капитан Минаев радостно смотрел им вслед:

— Славная молодёжь растёт. Только бы кастрюли не потеряли.

Вечером ребята стали звонить Валере Готовкину со своими предложениями.

Дима Аксёнов спросил:

— У вас ворота куда открываются?

— Куда надо. Во двор, — ответил Валера.

— А надо как раз наружу!

— Это почему ещё? Мы наружу всех прохожих с ног посшибаем.

— Если машина завоет перед выездом как следует, все прохожие разбегутся. Пока вы ворота внутрь открываете, вы сколько времени теряете. Если наружу, то их открывать и сама машина может.

— Отлично! — сказал Валера военно-пожарным голосом. — Завтра доложим капитану Минаеву.

Потом позвонил Дима Олейников:

— Скажи, машину вы прогреваете?

— Не знаю.

— Узнай обязательно. Зимой мой папа на прогрев машины двадцать минут тратит. А если ехать на непрогретой машине, она всё время глохнет.

Потом позвонил сам капитан Минаев:

— Товарища Готовкина к телефону.

— Кто его спрашивает?

— Капитан Минаев.

— Генерал Готовкин уехал в Институт Лучевых Исследований.

— Спасибо. Но мне нужен не генерал Готовкин, а противопожарный школьник.

— Противопожарный школьник сейчас подойдёт.

— Иди к телефону, — сказала бабушка. — Там что-то горит.

— Я вас слушаю, товарищ капитан.

— Ты, Валера, извини, что я тебя отрываю. Но завтра приедет целая пожарная комиссия. Они хотят узнать, что мы сделали.

— Но мы же ничего не сделали! — закричал Валера.

— Я им так и говорю. А они отвечают: «Мы вам мешать не будем. Мы в уголочке посидим, понаблюдаем. Нельзя такое дело на самотёк пускать. Так что ты предупреди своих, пусть не смущаются. Пусть работают, как ни в чём не бывало. Будто никакой комиссии нет».

Валера огорчился. Одно дело — работать и придумывать что-то в своём коллективе. А другое дело — сочинять всё, когда в уголочке комиссия сидит. Тьфу ты!

Завтра после школы почти все ученики из третьего класса прибыли на станцию «Фили» для продолжения учений. Там уже была небольшая комиссия из трёх генералов, четырёх полковников и восьми гражданских лиц. Они скромно сидели в уголочке в комнате отдыха бойцов и не знали, куда себя девать. Капитан Минаев стоял около них по стойке «смирно».

Наши ребята собрались в центре на брезентовых креслах. И Валера стал спрашивать:

— Кто чего придумал?

Дима Аксёнов говорит:

— Я про открывку ворот скажу.

Валера не согласился:

— Давайте по порядку. По списку. Начинаем про прыгание на машину.

— С прыганием всё в порядке, — сказал Дима. — Быстрее, чем на карабинчиках, уже не вспрыгнешь.

— Хорошо, согласен. Говори про открывку.

— У вас ворота внутрь открываются. Пока одну половинку откроешь, пока другую — время уходит. Надо петли переделать так, чтобы ворота наружу открывались.

— Правильно! — согласились другие ребята.

Валера записал в специальную тетрадь:

1. Открывка ворот должна быть на улицу.

— Дальше, — спросил Валера Готовкин. — Кто скажет про заводку машины?

— Я тебе вчера говорил, — сказал Олейников. — Ты что, забыл?

— Ничего я не забыл, — ответил Валера. — Говори всем ребятам сейчас. Пусть они оценят. — А сам подумал: «Пусть комиссия послушает. Ишь приехали!»

— Оценивайте, — сказал Олейников. — Мой папа зимой машину минут двадцать греет. Пока вы свою прогревать станете, весь пожар сгорит.

— Что же ты предлагаешь? — спросил капитан Минаев. Он постепенно от генералов к ребятам потянулся.

— Двигатель на малых оборотах держать. Мой папа говорит, что все таксисты зимой так делают.

— А государственный бензин тебе не жалко?

— А неизвестно, когда у вас больше бензина уйдёт: на прогрев холодной машины или на поддержание тепла в горячей.

Надя Абдурахманова сказала:

— А есть такие одеяла электрические. Можно ими машину в тепле держать. У нас знакомый инвалид на «Запорожце» так делает. Когда ему надо зимой выезжать на дачу, он одеяло включает.

Валера взял тетрадь и записал:

2. Прогревка машины. Она должна быть горячей.

— А ты про карабинчики не записал! — говорил Дима Олейников.

Валера записал:

3. Прыгание с карабинчиками.

Один генерал, самый молодой, зашёл сзади и прочитал это. И говорит тихонько другим:

— Что это за прыгание с карабинчиками? Какой-то детский сад устроили.

Маша Филипенко ему говорит:

— А вас, товарищ генерал, не спрашивают. Вы себе сидите и слушайте. Не гасите нашу инициативу.

Валера говорит:

— Кто-нибудь придумал что-нибудь для проездки по улицам?

— Я придумала, — говорит Маша.

Все даже глаза вытарасили: что же тут можно придумать?

— Когда машина летит на пожар, — говорит Маша, — у неё на голове такая шишечка сверкает. И сирена воеет. Тогда другие машины расступаются. Но они расступаются впереди недалеко. Только те, кто сирену услышал или сверкание увидел. Так что нашей машине даже разогнаться нельзя. Она еле-еле раздвигает поток.

— Как же быть? — спросил капитан Минаев. — Усилить сирену?

— Нет. Надо такие сверкающие шишечки по всему пути поставить. На самых главных дорогах и проспектах. Вот, допустим, на ВДНХ пожар.

— Не допустим! — сказал тот же самый молодой генерал.

— А вас, товарищ генерал, не спрашивают, — сурово остановил его Готовкин. Его генеральская форма не пугала. Он дома всяких генералов видел. — Продолжай, Маша. Допустим на ВДНХ пожар или в Большом театре.

— Мы тогда прямо отсюда включаем все шишечки, которые на пути. Вот здесь, на карте города, будут выключатели. Мы включим все сверкалки и кричалки на пути машины. Так что машина ещё из гаража не выехала, а путь ей уже освободили. Лети хоть со скоростью сто километров в час.

Капитан Минаев услышал это и обрадовался так, что сам стал сверкать, как мигалка и кричалка. Будто у него внутри лампочка загорелась. Это же самое больное место — проезд по городу. А тут такое простое решение.

— Возражений нет? — спросил Готовкин. И записал в тетрадь:

4. Проездка по городу по сверкающим маякам. Сверкание и кричание включается перед выездом.

— И последнее, — сказал Валера. — Раздвижка лестницы. Я на этой лестнице уже наездился. Всё время мне казалось, что меня не в то окно всунут.

— Что же ты делал? — спросила Маша.

— Всё время кричал: «Выше! Ниже! Вправо! Влево!» А если вокруг будет шум и треск? Как тогда кричать?

— Можно по радио, — сказала Надя Абдурахманова.

— Не всегда, — возразил Дима Олейников. — Если рядом троллейбус проедет, он такую искру даст, никакого радио не услышишь.

— Я просто придумал, — сказал Валера. — Надо гаечным ключом по лестнице стучать.

— Ой! — сказала Надя Абдурахманова. — У нас одна девушка в доме живёт. На десятом этаже. А у неё парень знакомый из ПТУ. Он ей всё время по батарее стучит. У них батарея вместо телефона.

Капитан Минаев взял ключ и три раза тихонько стукнул по батарее:

— Принято! Принято! Принято!

Это был последний пункт великого Валериного плана.

Капитан Минаев поблагодарил ребят и проводил их до метро «Фили». Он не выдержал и на всю свою капитанскую зарплату купил им каждому по две пачки мороженого.

— Спасибо, ребята! Заходите.

Он хотел на радостях ещё мороженое для генералов купить, но не рискнул. В армии в пожарных войсках это не принято: генералов мороженым угощать.

А сами генералы в это время изучали тетрадку Валеры Готовкина. И качали головами. Они были

потрясены таким количеством разных предложений. Самый молодой всё время кричал:

— Что это за прыгание с карабинчиками? Что это за прыгание с карабинчиками? — Видно, его это заклинило.

Капитан Минаев объяснил им, что это за прыгание с карабинчиками.

— Раньше пожарные бойцы по столбу к машине съезжали за одну минуту. Теперь все сразу за тридцать секунд. Для этого надо ехать на карабинчике, который к поясу пристёгнут.

Генералы решили проверить. Им раздали пояса. Они тоже новые дырочки сделали. Но не от худобы, как ребята, а из-за лишней мускулатурности.

Вадим Александрович сел за руль и скомандовал:

— Тревога! По машинам!

И все генералы и полковники стали к тросику подбегать, пристёгиваться и катиться вниз.

Секунда! И все они сидели на длинной скамье возле пожарной лестницы. Минаев нажал газ, и машина вылетела из гаража.

Все генералы остались висеть на канате. Они забыли отстегнуть карабинчики.

Глава 8.

Восьмая профессия Маши Филипенко. Преступление, которое не сумел раскрыть МУР

После работы пожарной командой класс Маши Филипенко и Валеры Готовкина стал намного серьезнее. И многие стали учиться лучше.

Через несколько дней в класс зашёл профессор Баринов и сказал Екатерине Ричардовне:

— Нам нравится работать с вашим классом. Мы сейчас осваиваем новые методы работы улучшателей. Пробуем делать ставку не на отдельных незамутнённых ребят, а на целые коллективы.

— А сейчас какая у вас проблема?

— Один запрос пришёл из МУРа.

— Откуда?

— Из МУРа. Из Московского уголовного розыска. Им нужна помощь.

Екатерина Ричардовна повернулась к классу:

— Ребята! Московской милиции нужна помощь. Поможем товарищам милиционерам?

А класс так и мечтал кому-нибудь помочь. Особенно вместо контрольной.

— Поможем.

— Обязательно поможем! — закричали ребята и девочки.

— А кого надо ловить? — спросил тихий Дима Аксёнов.

— Опасных преступников, которые магазин ограбили, — объяснил Дима Олейников.

— Или банк взяли! — добавил Готовкин. — Поймаем в два счёта.

— С опасными преступниками мы пока подождём, — сказал профессор Баринов. — А вот один мальчик пропал, и его надо найти. Вся милиция с ног сбилась.

— Какой мальчик? Из какого класса?

— Дошкольник.

— Дошкольник... Кому он нужен?!

— Значит, кому-то нужен, если три дня его дома нет, — ответил профессор Баринов. — Я прошу представителей вашего класса пройти, в кабинет директора. Там сидит майор из МУРа. Он вам всё объяснит.

Представителей оказалось человек тридцать. То есть весь класс. А майор оказался... или оказалась женщиной. Её звали Гуля Курбановна. Она сказала:

— Вот сколько у меня помощников. Ребята, у нас мальчик потерялся в вашем районе. А это сидит его бабушка.

— Не потерялся, — сказала бабушка. — Его украли.

— Опять вы за своё! — сказала Гуля Курбановна. — Не крадут у нас детей.

— У вас не крадут! — ответила бабушка. — Потому что ваши дети никому не нужны. А у нас крадут.

— А ваши дети кому нужны?

— Наши дети всем нужны. Потому что мой мальчик не простой. Это ребёнок гениальный, будущий учёный. Тысячи научных открытий. Или он скрипач — победитель конкурсов. Таких детей в Москве, может быть, всего трое на восемь миллионов.

— Сил моих больше нет! — сказала Гуля Курбановна. — Ребята, профессор Баринов считает, что это дело можно вам поручить. Можно?

— Можно, — ответили ребята.

— Займитесь Александрой Семёновной.

— Сами не могут, — сказала Александра Семёновна, — тимуровцам поручают.

— Да, поручаем, — ответила Гуля Курбановна, — потому что эти тимуровцы уже много полезного сделали.

Она обратилась к ребятам:

— Всё, ребята. Вот моя визитная карточка. Там все телефоны и адреса. Желаю вам успеха.

Визитная карточка была такая:

Разитова Гуля Курбановна.

Сотрудник Московского

управления милиции.

Майор.

Телефон: 28-22-88

Гуля Курбановна хотела уйти, но профессор Баринов задержал её:

— Давайте решим вопрос со служебным помещением. У вас есть такое?

— У нас есть! — закричал Валера Готовкин. — У меня дома такое помещение. Бабушка и обедом накормит. И дедушка у нас служебный.

— Никаких бабушек и дедушек! — сказал профессор. — Наши инструкции разрешают привлекать к работе пап и мам. И только. Бабушки и дедушки, как правило, слишком балуют ребят и опекают.

— Тогда у нас нет служебного помещения, — сказали ребята.

— Значит, попросим заказчика выделить. Пусть милиция побеспокоится. А пока начинайте работать здесь. Задавайте вопросы Александре Семёновне.

Ребята затихли, сосредоточились, подумали и стали задавать вопросы:

— Как зовут мальчика?

— Алёша Воджаевич.

— Почему Воджаевич?

— У него папа индонезиец. Воджа Утема. Они с мамой сейчас в Индонезии.

— В детский сад он ходит?

— Нет. Он домашний.

— Искала ли его служебная собака?

— Искала. Дошла до парка культуры и запуталась. Наш Алёша не простой мальчик, особый.

— Почему вы думаете, что особый?

— Потому что думаю. Он уже сейчас говорит по-индонезийски, учит английский, рисует, катается

на коньках, играет на арфе с учительницей, считает... до ста...

— Умеет ли он мыть посуду?

— Умеет ли он помогать по хозяйству?

— Вы что, смеётесь? Ни капельки. У него же бабушка есть. Мы его в учёные готовим, а не в домработницы.

Ребята позадавали ещё несколько вопросов и ушли в класс совещаться. Возникло несколько версий. Резко выступил Олейников:

— Я думаю, его украла иностранная военщина. Утечка мозгов. Им нужны учёные и таланты.

— Нужен он этой военщине! — решил Готовкин. — Подумаешь, ценность, считает до ста!

— Если бы умел варить и стирать, его могли бы украсть студенты, — предположила Маша Филипенко.

— Зачем? — ахнул Аксёнов.

— В целях использования по хозяйству. А раз он ничего не умеет, я думаю, никому он не нужен. Скорее всего, заблудился где-нибудь в городе. И на вокзале живёт среди добрых людей.

Но Олейников настаивал на военщине:

— Если бы он заблудился, он бы уже давно разблудился. Его украли, чтобы на что-нибудь обменять. На какого-нибудь американского Штирлица.

— Ладно, — сказала Маша. — Мы проверим все версии.

Она вернулась в кабинет директора к Александре Семёновне:

— У вас есть фотография мальчика?

— С собой нет. Дома сколько хочешь.

— А мы для вас нашли служебное помещение, — сказал профессор Баринов. — Недалеко отсюда.

— В районном отделении милиции, — сказала Гуля Курбановна. — Действуйте, ребята. Директор школы на три дня освободил вас от занятий.

— Ура! — завопили школьники.

Они немедленно попрощались с Екатериной Ричардовной, накинули пальто и куртки и помчались в служебное помещение. Это было в районном отделении милиции, во дворе. Окна в сад. Серьёзные молодые милиционеры на них посматривали, но ни о чём не спрашивали.

Ребята уселись на деревянных диванах вдоль стены и стали совещаться.

— Ты по-прежнему настаиваешь на военщине? — спросила Маша Филипенко Олейникова.

— По-прежнему. И ещё сильнее.

— Тогда отправляйся к Александре Семёновне на место проживания объекта и проведи у неё весь день. Будешь жить как Алёша, от «Пионерской зорьки» до «Спят усталые игрушки». Тогда ты сможешь выяснить, где удобнее всего его было похитить.

Валера Готовкин, пока шёл этот разговор, внимательно рассматривал служебное помещение. Это был наполовину кабинет, наполовину склад. В углу стоял сейф, запёртый на все замки. Там, наверное, хранили оружие... На полках лежали сияющие новенькие мегафоны-громкоговорители, на полу стояли запрещающие знаки, лежали веники и метёлки. А на окне были сложены

радиопереговорные устройства.

Валера немедленно схватил два таких устройства и стал их налаживать на разговор. Он двигал рычажки на обоих аппаратах в разные стороны и смотрел, что получается.

Сначала аппараты молчали. Потом в одном что-то щёлкнуло и сказали:

— Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона. Передаём интервью с президентом Рейганом.

Валера испугался и закрутил ручку в другую сторону. Там сказали:

— Вы слушаете «Маяк». Передаём новости. Президент Рейган дал интервью...

Потом стали слышаться голоса всех московских таксистов:

— Водители машин в районе Покровско-Стрешнего! Просьба подъехать к ресторану «Охотничий домик». Там разъезд свадьбы.

— Машины, следующие на «Сокол» или в аэропорт Домодедово, заберите пассажиров из такси сорок четыре — двадцать. Они опаздывают на самолёт.

Потом раздался настороженный голос мужчины-водителя:

— Галочка! Галочка! На перекрёстке у Белорусского и часового завода стоит милицейская патрульная машина. Штрафуют за превышение скорости. Прими меры! Предупреди всех наших!

— Принимаю меры! Всем-всем машинам, следующим в районе Белорусского вокзала. У часового завода скрыта милицейская машина с радаром. Будьте осторожны. Не превышайте скорости в этом месте.

Валера дальше покрутил ручку, и стали слышны голоса милиции:

— Алло! Сто тридцатый говорит. Вы на Маяковке, к вам движется машина марки «Жигули» с превышением скорости. Номер МОЦ шестьдесят четыре — двадцать четыре. Задержите и проверьте документы.

— Алло! Задержали и проверили. Это журналист Щекочихин... из «Литературки». Спешит на встречу, на лекцию в рабочий клуб. Лекция бесплатная... Мы его отпустили.

Наконец Валера сумел настроить эти два аппарата на взаимную работу. Они ловили только друг друга. И по ним стало можно разговаривать, как по телефону.

Один аппарат оставили в служебной комнате, где сидела Маша Филипенко, а второй дали Диме Олейникову. И он отправился с ним к Александре Семёновне проводить день, как проводил его похищенный мальчик с индонезийским отчеством Алёша Воджаевич.

Через некоторое время из Машиного аппарата донеслось:

— Алло! Алло! Я — Дима. Вернее, я — Чайка! Прибыл на место проживания объекта. Гражданка Александра Семёновна настаивает на укладывании в дошкольную кровать. Производить укладывание?

— Алло! Алло! Я — Маша. Вернее, я — Майка. То есть Чайка. Нет, нет... просто Сокол. Я — Сокол. Производите укладывание. Спокойной ночи!

— Стой! Стой — закричал Валера Готовкин, прыгнув к переговорнику. — Я — заместитель Сокола. Я — Сокольник. То есть Соколик. Позови к аппарату бабушку.

— Бабушка, бабушка, вас свекольник к аппарату зовёт.

— Я — бабушка. Я — бабушка! Я — Буревестник. Я у аппарата.

— Не было ли каких записок и писем за это время?

— Сейчас посмотрю в почтовом ящике.

Все ребята в служебной милицейской комнате ждали. Наконец послышалось:

— Я — бабушка... Я — бабушка. То есть я не бабушка, я — Буревестник... Есть записка.

— Прочитайте! — закричал Соколик. Он же Валера Готовкин.

— «Палажите... плиту...» Алло! Алло! Эта записка написана по-английски!

— Что я говорил! — закричал за спиной у Буревестника Чайка — Олейников. — Записка написана на иностранном языке. Значит, его похитила военщина.

— Смирно! — скомандовал ему по радио Готовкин. — В кровать шагом марш! Производи укладывание. А за письмом мы сейчас пришлём сотрудника.

Сотрудником оказалась Надя Абдурахманова. Она немедленно пошла за запиской. И скоро вернулась с ней.

— Там его спать запихнули. То есть её.

— Кого её?

— Чайку нашу, Олейникова. Утром бабушка его разбудит и поведёт по всем местам, по которым Алёша ходил украденный.

— А что Олейников?

— Он кричит: «Я эту военщину и шпионщину разоблачу!» А Александра Семёновна рада. Она говорит: «Действуйте, ребята. Я с вами вместе милицию научу работать». И ещё она говорит, что Алёшу похитили не одного.

— Как не одного? — воскликнула Маша Филипенко. — А с кем ещё?

— С шубой и рюкзаком! — ответила Надя. — И с зимней шапкой. Вот фотографии Алёши, а вот кусочек шубы для заплаток,

— Зачем же шуба? — задумался Готовкин.

— На Север повезут! — решил Дима Аксёнов.

— Или следы запутывают! — предположила Лена Цыганова.

— Ребята! — сказала Маша Филипенко. — Сейчас поздно. Пора по домам. Завтра поведём розыск многими путями.

— Я лично завтра на Северный вокзал, — сказал Аксёнов. — Буду всех проводников спрашивать. Фотографию показывать: не видели ли они такого мальчика с индонезийским уклоном. Не увезли ли его на Север.

— Я лично завтра в парк, — сказал Готовкин. — Где собака его потеряла. Тоже с фотографией пройду, с садовниками поговорю.

— Я лично завтра буду здесь, — сказала Маша. — Буду эту записку с английского переводить. И по телефону отвечать. А вы все мне звоните. А сейчас по домам! Все как один!

Лена Цыганова сказала:

— Все по домам пойти не могут. Дима Олейников в кровати лежит. Он укладывание произвёл.

Они включили передатчик и послушали. Из передатчика слышалось пение Александры Семёновны:

Птички уснули в саду,

Рыбки уснули в пруду...

И донёлся дотошный голос Димы Олейникова, который спрашивал:

— Вы не можете уточнить, в какое именно время в саду уснули птички?

— В двадцать один ноль-ноль! — по-военному отвечала Александра Семёновна.

Маша отключила их разговор и спросила у ребят:

— Как быть? У него дома будет паника. Его собственная бабушка скоро побежит в милицию Диму искать. Будет два похищенных ребёнка.

Надя Абдурахманова вспомнила про визитную карточку Гули Курбановны:

— Пусть она позвонит Олейниковым домой и успокоит всех, что Дима в милиции.

— Нет, — сказала Маша Филипенко. — Я лучше профессору Баринову позвоню.

Она позвонила Дементию Дементьевичу и попросила разобраться с Димой. Профессор Баринов по инструкции избегал разговоров с бабушками. Но всё равно позвонил Олейниковым и всё им рассказал, что Дима не бродяжничает и не пропал. Что он участвует в серьёзном розыске мальчика. И в настоящее время уложен в дошкольную кровать и спит по заданию класса.

Димины бабушка хотела раскричаться: «Нужен мне ваш серьёзный розыск! Плевала я на дошкольную кровать!»

Но она в первый раз в жизни разговаривала с профессором, и это её удержало. Она только вежливо сказала:

— Ладно. Авось найдётся. Мы не очень-то и беспокоились.

Первый рабочий милицейский день закончился. Ребята разошлись по домам.

Все стали ждать завтра.

Ночь была длинная-предлинная. Но прошла в одну минуту.

Завтра в семь утра Маша Филипенко уже была в служебном помещении. Она взяла словарь и стала переводить записку. И всё время ждала новостей от телефона и от радиопереговорного устройства. Ждала известий с мест событий.

Вот пришло первое. Передатчик на столе щёлкнул и заговорил голосом Димы Олейникова:

— Алло! Алло! Я — Чайка! Мы проснулись. Начинаем утреннюю гимнастику и бег вокруг дома. Когда прибежим, будет завтрак из трёх блюд.

Дима замолк надолго: или бегал, или завтракал. Маша думала. Перед ней лежала загадочная записка на английском языке. Маша почти всё перевела:

«Палажите в городском парке на белую плиту на главной клумбе шесть котлет, три пакета молока, два батона, нож с вилок и сапоги из шерсти овец, смешанной вместе. Иначе вашему ребёнку будет плохо».

Некоторые слова были написаны по-русски, некоторые по-английски. И те и другие были с большим количеством ошибок. Это здорово затрудняло перевод.

— Если шесть котлет, то похитителей шестеро. Но почему три пакета молока? Может, их трое?

Отчего тогда два батона? И вообще, гангстеры, похищающие детей, должны заказывать у бабушек не молоко и валенки, а пиво и сапоги.

Зазвонил телефон. Объявился Дима Аксёнов:

— Алло! Это я — Дима. Я на вокзале, на Северном. Здесь никто такого мальчика не видел. Говорят: «У нас японцы редко ездят». Только один носильщик, восемнадцатый номер, говорит, что видел, но не помнит где. Обещал подумать.

— Что ты будешь делать? — спросила Маша.

— На Ленинградский пойду. Он у нас тоже северный.

— Хорошо. Только учти, что в одиннадцать у нас совещание. К одиннадцати приезжай.

Радиопередатчик на столе щёлкнул.

Это подал сигнал Дима Чайников. То есть Олейников, который Чайка:

— Алло! Алло! Я — Чайка. Мы закончили завтрак. Бежим в сквер с английским языком.

— Что это за сквер с английским языком? — спросила Маша. — Около английского посольства?

— Нет. Около Елисеевского магазина.

— Алло! Алло! Я ничего не понимаю. Дайте пояснения.

— Алло! Алло! Я — бабушка. Даю пояснения. Около памятника Пушкину собирается группа детей, изучающих английский язык. Они гуляют с учительницей. Есть сквер с немецким языком. Около Большого театра. Где памятник Карлу Марксу.

— Я — Маша. Я — Маша. Я вас поняла. Чайка, Чайка, в одиннадцать у нас совещание. В одиннадцать подключайся к нам.

— А мне можно подключиться. Я — Буревестник. То есть я — бабушка.

— Я — Маша. Я — Маша. Ни в коем случае. Это производственное совещание сотрудников.

Тр-тр-тр-тр-тр-тр-тр-тр-тр!

Телефон звонил. Аж прыгал от нетерпения. Маша сразу догадалась, что звонил Валера Готовкин.

— Алло! Я слушаю!

Это была мама:

— Маша, Маша, ты портфель дома забыла.

— Правильно, у нас три дня не будет в школе занятий. У нас учения.

Мама не стала спорить. Учения так учения.

— Только ты домой вовремя приходи.

Тр-тр-тр-тр-тр~тр-тр-тр-тр-тр-тр! В этот раз действительно Готовкин.

— Маша, Маша, я из Центрального парка.

— И что в парке?

— Я опросил сторожей. Такого мальчика они видели. Он играл в кинофильме «Юность Джавахарлала Неру».

Маша включила радиопередатчик:

— Алло! Алло! Я — Сокол. Вызываю Чайку.

— Я — Чайка! Алло! Я — Чайка. Держу путь в рисовальный класс. Будем учиться рисованию.

— Скажи мне, Чайка, ты не играл в кинофильме «Юность Джавахарлала Неру»?

— Сейчас спрошу у Буревестника.

— Алло! Алло! Я — Буревестник. Чайка играл в кинофильме «Юность Джавахарлала Неру». Чайка — гениальный ребёнок. То есть не Чайка, а Алёша.

— Спасибо, — сказала Маша. — Мы приняли вашу информацию к сведению.

Принять-то Маша приняла, а что с ней делать — не знала.

К этому времени стал подтягиваться весь класс. Маша решила откомандировать какого-либо сотрудника в кинотеатр ознакомиться с «Юностью Джавахарлала Неру». Решили, что таким сотрудником будет Надя Абдурахманова. Ей срочно собрали двадцать копеек на билет и десять на дорогу и отправили куда надо.

Тртрт-ртрт-трт-ртт — заверещал радиопередатчик.

— Я — Чайка... Алло! Я — Чайка. Слышите меня. Совещаетесь?

— Алло! Я — Сокол. Совещаемся. А ты что делаешь?

— Рисую чёрное на зелёном. Кувшин на скатерти. Отсюда ребёнка похитить не могли. Подходы просматриваются. Мест для посадки авиации нет.

Это Машу утешило:

— Спасибо. Продолжайте ваши действия.

Зазвонил телефон. Поступили сведения с Ленинградского вокзала.

— Алло, Маша, здесь японских мальчиков тоже не видели. Вернусь на Северный вокзал к носильщику номер восемнадцать.

Потом наступила долгая тишина, Маша сидела одна и думала: «Почему они заказывают один нож с вилкой? Какая-то очень странная записка».

Маша включила передатчик, постоянно и верно настроенный на Диму Олейникова.

— Алло. Я — Сокол. Вызываю Чайку.

— Я — Чайка. Алло! Рисование закончил. Стоим в очереди за помидорами. Дети обязаны их регулярно есть.

В микрофон доносился шум большого магазина и комариный голос Буревестника:

— Ну и что, что вы с ребёнком? Я тоже с ребёнком. Ну и что, что вы здесь занимали?! Я тоже здесь занимала. Ну и что, что вы уже взвесили? Я тоже сейчас буду взвешивать.

— Алло, Чайка. Алло, Чайка, позови к аппарату Буревестника. Перехожу на приём.

— Алло. Я — Буревестник. Перехожу в бакалейный отдел. Здесь на нас обращают внимание.

Была пауза. Потом разговор возобновился.

— Алло, я — Буревестник. Я вас слушаю.

— Алло, я — Сокол. Секретная записка расшифрована. В ней пишется: «Палажите в городском парке на белую плиту на главной клумбе шесть котлет, три пакета молока, два батона, нож с вилкой и сапоги из шерсти овец, смешанной вместе. Иначе вашему ребёнку будет плохо».

— Я — Буревестник. Я — бабушка. Я всё поняла. Я сейчас же займусь приготовлением продуктов. Только сначала отведу Чайку на фигурное катание.

— Хорошо. Действуйте.

Позвонил Дима Аксёнов от носильщика № 18:

— Алло. Он говорит, что видел этого мальчика в кино «Юность Максима».

— Не «Юность Максима», а «Юность Джавахарлала Неру». Многие его в этом кино видели. Он там играл одну роль.

— Что мне делать?

— Ничего. Приезжай сюда. Будем подводить итоги.

Тем временем всё больше ребят подтягивалось в служебную комнату. Все приходили со своими известиями или идеями.

— Может, нам ребят всей школы поднять и цепочкой по району пройти?

— Цепочкой по району пройти одной школы не хватит.

— А мы две школы поднимем или три.

— А учиться родители будут, да?

— Может, нам фотографию по телевизору показать?

— Кто же нам разрешит? Мы всю Москву переполошим.

— А мы без разрешения. У Никиты Казаньева бабушка в буфете на ЦТ работает. Она войдёт во время передачи «Новости» как будто чай принесла. И скажет дикторам: «Представляете, один мальчик пропал. Вот как он выглядит». И фотографию в экран покажет. Все и будут знать.

— Что ж! Это хороший вариант, — сказала Маша. — Не будем его отбрасывать. Если по-другому не получится, так и сделаем.

Маша включила передатчик:

— Алло, Чайка. Что у тебя нового?

— Занимаюсь фигурным катанием. В группе девочек. Трах-тара-рах! — послышался затяжной треск в передатчике.

— Алло! Алло! Это что, помехи трещат?

— Нет. Это я трещу, в трибуну въехал. Я же ведь ездить не умею. В общем, Алёшу могли украсть здесь. Кругом парк, одни пенсионеры.

— Ни за что, — сказал Готовкин. — Сейчас пенсионеры такие здоровые пошли, крепче милиции. Никто ребёнка красть не решится — отобьют. И ещё отколотят любого похитителя.

— Куда тебя поведут дальше? — спросила Маша у Чайки.

— В школу шахмат с математическим уклоном.

— Обо всём неожиданном сообщай. Обращай внимание на подозрительные подробности. До встречи в эфире.

— В каком кефире? — закричал Чайка.

— В эфире. В эфире. Ждём известий.

Потом Маша сказала всем участникам совещания:

— Ребята, получена записка. В ней пишут: «Палажите в городском парке на белую плиту на главной клумбе шесть котлет, три пакета молока, два батона, нож с вилкой и сапоги из шерсти овец, смешанной вместе. Иначе вашему ребёнку будет плохо».

— Угроза! — сказал Аксёнов.

— Давайте передадим записку в милицию. Чтобы они засаду устроили, — предложила Лена Цыганова.

— Никакой милиции! — возразил Валера Готовкин. — Сами справимся. Милиция их только спугнёт.

— А если они вооружены? Как мы справимся? — спросил Аксёнов.

— Давайте в котлеты подсыпем сонный порошок! — предложила хитрая Цыганова. — Они котлеты съедят и заснут. А мы их сцапаем.

— А где мы возьмём сонный порошок? — спросила Маша.

— У Никиты Казаньева сестра бабушки в зоопарке ветеринаром работает. У неё есть специальные

ампулы. Она их вкалывает тиграм и бегемотам, для сна. Вот мы возьмём ампулу и сделаем укол котлете. Кто съел — тот заснул.

— Прекрасно! — сказала Маша Лене Цыгановой. — Немедленно отправляйся к Никите Казаньеву за снотворным и шприцем. И сразу же сюда.

— А где котлеты и молоко? — спросила Лена.

— Котлеты скоро придут. Мы ждём их с минуты на минуту.

В это время вернулась сотрудница Абдурахманова, которая была в командировке в кинотеатре «Чебурашка». Она исследовала кинофильм «Юность Джавахарлала Неру».

— Ну, как кино?

— Очень интересное. Две серии. Он там борется с империализмом.

— А в детстве?

— Работает. И всё время рыбу ловит.

— Может, его кинодельцы украли? — предположил Аксёнов. — Чтобы в кино использовать против Индии.

Когда заговорили о похищении, все вспомнили об Олейникове.

— Алло, Чайка. Что делаешь?

— Играю в шахматы.

— Ничего подозрительного нет?

— Есть. Все у меня выигрывают.

— Какие-нибудь версии у тебя появились?

— Ничего не появилось, у меня голова пустая от всех этих катаний и кружков. И ноги болят.

— Оттуда мальчика не могли украсть?

— Отсюда? Не могли.

— Почему?

— Один из участников — милиционер. Он лучше всех играет.

— Чайка, Чайка, куда ты отправишься после шахмат?

— В секцию юных арфисток.

— Стой! Стой! — закричал Валера Готовкин. — На арфе же играют тётеньки!!

— Да. И гениальные дяденьки. В общем, меня туда ведут и я иду.

— Чайка! Алло! Чайка! — сказала Маша. — Продолжайте свои действия. Обо всём подозрительном сообщайте. Выходите на связь каждый час.

— Сверим часы! — прокричал Олейников.

— Сверим! — И все поставили часы на одно время.

Олейников отключился. Остальные ребята замолкли.

— Мы целый день работаем, — сказала Маша, — и у нас пока ещё ничего не прояснилось.

— Наоборот, даже затуманилось, — добавил Валера Готовкин.

— Что у нас затуманилось? — удивилась Маша.

— А вот что это такое — сапоги из шерсти овец, смешанных вместе?

— Обычные валенки, — ответила Маша.

— А зачем им валенки?

— Хотят перевозить мальчика через северную границу, — настаивал на своём северном варианте Дима Аксёнов.

— А я считаю, что мальчик и те, кто его похитил, скрываются в парке, — сказал Готовкин.

— Почему?

— Потому что там легче всего скрываться. Потому что туда привела собака. Потому что там интереснее всего: много всяких аттракционов. Там знаете что скоро будет?

— Что? — спросили одноклассники.

— Вот что! — Валера вытащил «Вечернюю Москву». — Читайте.

Ребята с удивлением прочли:

«ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ ГЕННАДИЙ ОВЧИННИКОВ — УКРОТИТЕЛЬ РЫБ. ВЫСТУПЛЕНИЕ С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ СЕЛЁДОК.

В ПРОГРАММЕ:

1. Весёлый рыболов.
2. Скачки через половник.
3. Водное поло с теннисным шариком.
4. Прыжки через огненный круг.

Стоимость билетов увеличенная. Администрация просит приносить с собой бинокли. Начало селёдочного фестиваля в 15.00».

— Если нам не удастся захватить их при забираии продуктов, — сказал Валера, — мы обязательно возьмём преступников здесь. На этом селёдочном фестивале.

Ребята стали обсуждать детали предстоящих операций. Вдруг пришла Александра Семёновна.

— Вот. Я продукты принесла, — сказала она. — Можно их класть на белую плитку.

— Подождём, — сказала Маша.

— Как подождём? Чего подождём? — заволновалась бабушка. — Ребёнку будет плохо.

— А если продукты вороны склюют, ребёнку будет ещё хуже, — сказала Маша.

— Или они прокиснут на солнце, — поддержал Валера Готовкин. — Их надо класть ближе к вечеру.

— А где сапоги из шерсти овец, смешанных вместе? — спросил северный Аксёнов.

— Валенки, что ль? — спросила Александра Семёновна.

— Да, валенки.

— Они в починке. Вот я квитанцию приложила. Пойдут и сами получат. Пусть в очереди постоят.

«Ещё одно место, где можно сделать засаду», — подумал про себя Аксёнов. Он представил себе, как он пойдёт в валеночно-починочное ателье, увидит там военщину и тихо так скажет:

— Валенки вверх! Ваша игра окончена!

— Спасибо, Александра Семёновна, — сказала Маша. — Продолжайте вашу спокойную жизнь. Мы за вас в ответе.

Александра Семёновна помчалась дальше по своим воспитательным делам: делать из Чайки лауреата международных конкурсов и научных премий.

А вместо неё появилась Гуля Курбановна:

— Чем порадуете, ребята? Нашли мальчика?

— Пока не нашли. Но кое-какие концы есть, — ответила Маша.

— Какие же концы?

— А вот какие... Вот записка про еду и валенки. Есть сведения, что мальчика из города не увозили.

— Ещё какие-нибудь документы есть?

— Документов больше нет. Есть ощущения.

— Какие ощущения? — спросила майор милиции.

— Ощущения, что похитители скрываются в парке, — сказал Валера Готовкин.

— Почему?

Валера показал Гуле Курбановне программу дрессированных селёдок.

Гуля Курбановна была потрясена селёдочными возможностями. И вместе с тем она сильно расстроилась.

— Такими темпами они найдут мальчика, может быть, к пенсии.

Она поблагодарила ребят. Вышла и из автомата позвонила профессору Баринову:

— Товарищ профессор, ваши дети, по-моему, ерундой занимаются. Собираются мальчика там искать, где им самим интересно. В парке. Там, видите ли, дрессированные селёдки выступают.

— Я вам категорически запрещаю вмешиваться в их дела. Не мешайте ребятам работать.

Но Баринов очень заинтересовался селёдками и твёрдо решил, что обязательно пойдёт в парк в воскресенье со всей семьёй смотреть, что там выделывают эти необыкновенные дрессированные рыбы.

А Гуля Курбановна решила наоборот, ни за что не ходить. Потому что если эти селёдки покажут что-либо необыкновенное, мудрое и разумное, она после этого селёдку и в рот не возьмёт.

В половине четвёртого в служебном помещении произошло ЧП. Прибежал взмыленный Дима Олейников, он же Чайка. Он прибежал в белых тапочках, в пачке — это такая юбочка, в кисейной кофточке и сказал:

— Всё, хватит! Больше не могу! Я думаю, у этой бабки никакого мальчика вовсе не было. Никакой мальчик такой жизни не выдержит.

— Почему? Что случилось? — заинтересовались сотрудники.

— Ничего не случилось! Только мои железные нервы сдают. Эти арфы, кружки, квадратики!

Дыхания и витамины! Я думаю, никто индонезийского мальчика не похищал. Он сам от этой бабки сбежал.

— Не от бабки, а от Буревестника.

— Всё равно! Хватит с меня этих мучений. Дайте мне серьёзное дело.

Маша и Валера Готовкин посоветовались и решили отправить Диму в засаду с продуктами на клумбу.

— Вот тебе продукты, — сказала Маша. — Сначала пойдёшь домой и переоденешься во всё зелёное. Потом положишь продукты и квитанцию на белую плитку. А сам спрячешься в кустах. Как только преступники придут, ты...

— Я их немедленно схвачу! Я им скажу: «Ваша игра окончена».

— Ничего подобного. Ты по радио сообщишь нам. И пойдёшь за ними следом. Мы сообщим в милицию и будем вместе их арестовывать. Вопросы есть?

— Вопросов нет! — ответил дисциплинированный Олейников.

— Сверим часы!

Все часы шли в разные стороны. Их уточнили по радио. Олейников ушёл выполнять поставленную задачу. Только он вышел из здания, как в комнату влетела перепуганная Александра Семёновна:

— Караул! Караул! И этого похитили! Ещё один ребёнок пропал! Давайте нового!

— Успокойтесь, Александра Семёновна. Никто его не похищал, — строго сказала Маша. — Он жив и здоров. Он выполняет новое боевое задание.

— Новое боевое задание! — бушевала Александра Семёновна. — Все чего-то выполняют! А мне что делать?

— Идите домой и ждите результатов.

— Когда будет надо, — строго добавил Валера Готовкин, — вас вызовут.

Александра Семёновна, понутив голову, вышла. Она всё время твердила одно:

— Бедный мой Алёша Воджаевич! Ничего у них не получится!

Прошло несколько часов. На город синим парашютом опускался вечер. Везде быстро темнело. Особенно в парке культуры.

Дима Олейников, он же Чайка, стоял на часах около белой плиты. Вернее, не стоял, а сидел на часах около белой плиты. А ещё точнее, не на часах, а на ящике из-под пепси-колы.

Дима караулил продукты. А сам был голоден. Никто его сегодня ничем не кормил. Все воспитывали.

«Тут лежат продукты для врагов, — подумал он, — а наши парни голодают».

Наши парни — это был он, Дима Олейников, весь его класс и другие неведомые труженики. Неконкретизированные, но прекрасные.

«А что будет, — подумал Дима, — если мы часть продуктов съедим? Пару котлет там и пакет молока? Врагам продукты не понадобятся. Когда мы их задержим, в милиции их всё равно накормят».

Никогда в жизни Дима Олейников не хотел так сильно есть, как сегодня.

В конце концов он вышел из укрытия, подошёл к корзиночке с продуктами, взял две котлеты и

пакет молока. Он же не знал, что котлеты были снотворные.

Дима быстро расправился с ними и вернулся на свой ящик. И сразу же заснул как вкопанный.

Проснулся Дима от страшного холода. Вокруг было почти темно. Дима посмотрел вперёд на клумбу и с ужасом увидел, что корзиночки там не было. Дима включил передатчик и в панике закричал:

— Я — Чайка! Алло! Я — Чайка! Я в отчайке. То есть в отчаянии. Продукты исчезли. Я всё проспал!

— Спасибо за сообщение! — услышался суровый голос Валеры Готовкина. — Можешь отправляться домой!

Дима попытался встать. Замёрзшие ноги не разгибались. Огорчённый и растерянный Дима так в сидячем положении направился к выходу из парка. Так, скрюченный, он и шёл до самого метро.

А среди ребят в служебной комнате была паника.

— Всё рухнуло! — сказала Маша.

Остальные сотрудники похватались за головы:

— Сколько трудов пропало даром!

— Всё провалилось!

— Ничего не рухнуло! — сказал Валера Готовкин. — Ничего не провалилось! Операция «Сонные продукты» закончилась. Операция «Весёлые селёдки» началась!

ОПЕРАЦИЯ «ВЕСЕЛЫЕ СЕЛЕДКИ»

(Конец восьмой главы)

В парке играла музыка и танцевала молодёжь. Наши ребята шли цепочкой, не теряя друг друга.

«Если операция „Весёлые селёдки“ рухнет, — думал про себя провинившийся Дима, — ещё не всё потеряно. Будет операция „Ремонтные валенки“».

Все люди тянулись к летнему стадиону, в котором должно было состояться выступление Геннадия Овчинникова с группой дрессированных селёдок.

Мимо проехала машина-цистерна с надписью «Живая рыба». И все сразу поняли, что это едут дрессированные селёдки. Геннадий Овчинников в водолазном костюме ехал в бочке со своими питомцами. И давал им последние указания.

Один мальчик шёл на зрелище с мамой и нёс баночку с гуппи. То ли они приехали сюда с птичьего рынка, где купили этих рыбок, то ли мальчик вынул из аквариума своих и принёс на представление: «Пусть посмотрят, что могут и умеют делать серьёзные рыбы. Пусть, мол, учатся».

Практичный Дима Аксёнов, у которого папа работал продавцом в продуктовом магазине, размышлял:

— Интересно, какие у него селёдки: мелкие, по два рубля за килограмм, или крупные — по четыре? За билетами была большая очередь. Люди стояли с биноклями и даже с подзорными трубами.

Ребята из класса Маши Филипенко постепенно приходили на стадион и занимали места на всех трибунах. Чтобы весь летний стадион просматривался.

Общая коллективная версия к этому времени склонялась к тому, что никакой военщины не было. Просто мальчик сам сбежал от воспитательной бабушки и прячется где-то здесь, в парке, вот уже несколько дней. Рубль, взятый у бабушки, кончился. Ночи холодные — вот почему возникла продуктовая записка, вот для чего нужны валенки.

Тем временем на стадионе разворачивалась селёдочная эпопея. Рабочие на глазах у зрителей свинчивали из стеклянных пластин огромный бассейн. На пути к бассейну от машины «Живая рыба» ставились бочки, наполненные водой. Радио играло всякую соответствующую рыбную музыку: «Амурские волны», «Славное море священный Байкал» и все песни композитора Рыбникова.

Вот заиграли марш подводников, и вокруг стадиона, совершая круг почёта, пошёл сам дрессировщик — Геннадий Овчинников. Он был в костюме тореадора, весь резкий и решительный. Только вместо шпаги у него из-за пояса торчал большой пластмассовый сачок.

Верхом на машине «Живая рыба» сидел его нарядный ассистент. Овчинников дал ему команду через весь стадион:

— Отдраить люки!

Помощник открыл крышку, и из машины одна за другой стали выскакивать серебристые рыбы. Они прыгали из бочки в бочку. И таким потоком серебристых стрел летели к центральному бассейну.

Стадион разразился рукоплесканиями.

Потом рыбы стали выполнять программу, написанную на афише. Играли сценку весёлый рыболов.

Ассистент Геннадия подходил к бассейну с удочкой и с большой сковородкой. Он показывал жестами зрителям, что сейчас наловит рыбы для этой сковородки. Забрасывал удочку в бассейн. А весёлые селёдки не клевали на его удочку, а постоянно цепляли ему на крючок то старый ботинок, то пустую консервную банку.

В конце концов весёлый рыболов уходил со своей добычей в сторону, противоположную той, откуда пришёл. На спине он нёс огромный рюкзак с надписью «В утиль».

Дальше рыбы прыгали через половник, то есть через сачок. Он подымался всё выше и выше, как планка для спортсменов, прыгающих в высоту. Просто удивительно было, как высоко они могли подлетать. После прыжков они подплывали к укротителю и брали у него из рук червяков.

После этого был большой баскетбольный матч. Селёдки гоняли шарик от настольного тенниса по всему бассейну. Забрасывали его в корзинки. Одни селёдки были с красными плавниками, другие с зелёными. Выиграли зелёноплавничные. Краснопёрки проиграли. Стадион бушевал. Зрители прыгали и скакали, не отрываясь от биноклей.

И наконец был показан самый опасный трюк — прыжки через огненный круг.

Дрессировщик Овчинников под барабанную дробь вынес горящий проволочный круг и предложил селёдкам прыгать сквозь него. Селёдки не испугались. Они серебристой лавиной летели через огонь, делали круг по бассейну и прыгали снова. В конце концов круг догорел, а селёдки всё прыгали и прыгали. Видно, они очень любили эти опасные прыжки.

И вот под гром всего стадиона селёдки из бочки в бочку снова стали возвращаться в свою «Живую рыбу».

Ассистент и сам Овчинников внимательно следили за ними и считали рыб. Когда одна селёдка промахнулась мимо бочки и плюхнулась на траву, Овчинников молнией подлетел к ней, схватил могучей рукой и снова сунул в воду.

Все ликовали и аплодировали. А знаменитого Овчинникова окружила толпа поклонников. У него брали автографы и задавали вопросы:

— Сколько лет вашим рыбам?

— В среднем два года.

— Как долго готовили вы этот номер?

— Около полутора лет.

— У ваших рыб есть имена?

— Есть. Мы зовём их именами цветов: Василёк, Ромашка, Лилия, Лопушок.

— Как вы различаете своих питомцев?

— По размерам плавников. По расстоянию между глазами. По общему облику.

— Скажите, пожалуйста, ваши селёдки каспийские, балтийские или иваси?

Этот вопрос задал мальчик очень интеллигентной внешности, с большими коричневыми глазами и слегка вытаращенными губами.

— Те и другие, и третьи, — ответил вежливый укротитель.

А вокруг любопытного мальчика замкнулся круг ребят.

— Скажите, это вы играли в кинофильме «Юность Джавахарлала Неру»?

— Скажите, а у вас есть бабушка? А она не потеряла мальчика?

— Поделитесь своими творческими планами. Любопытный мальчик был тот самый всеми разыскиваемый Алёша Воджаевич. Операция «Весёлые селёдки» закончилась.

Гуля Курбановна была счастлива. Она сказала:

— Вы всё делали неправильно, однако мальчика нашли. Молодцы.

— Я не хочу находиться! — кричал Алёша Воджаевич. — Я хочу в парке жить, рыбу ловить.

— А бабушку тебе не жалко?

— А меня тебе не жалко? — кричала Александра Семёновна. — Я всю жизнь на тебя потратила. Я пять лет в песочнице провела. Я в педагогический институт поступила. Я в шахматы играть научилась. Я на арфу сто рублей собрала. Тебе бы потерпеть лет тридцать, из тебя академик получится.

— Нет, — сказал профессор Баринов. — Не получится из него академик. Этот мальчик прирождённый путешественник и естествоиспытатель. Ему всего шесть лет, а он спокойно неделю в парке живёт и не пропадает. Вы, Александра Семёновна, своим воспитанием просто губите ребёнка.

— А как же мне быть? — спросила Александра Семёновна. — Я по-другому не умею. Может, нам вместе на природе жить?

— Как быть? — спросил профессор Баринов у класса Маши Филипенко.

Класс задумался. Класс долго думал, а потом сказал:

— Надо отдать его в лесную школу.

— Куда? Куда? — спрашивала Александра Семёновна.

— В лесную школу, — ответил Валера Готовкин. — Есть такие школы за городом, с природоведческим уклоном.

— Хочешь в такую школу? — спросил профессор Баринов у Алёши.

— Хочу.

— Напишите родителям в Индонезию, — сказал профессор Александре Семёновне. — Скажите, что я лично просил. Что просил весь класс Маши Филипенко.

Потом профессор повернулся к ребятам и сказал:

— Большое вам спасибо, ребята! Вы сделали хорошее дело. Теперь вам надо за уроки сесть, чтобы вы не зазнались. И нам надо за работу сесть, чтобы итоги подвести. Мы теперь начнём новые методы осваивать коллективные.

Передайте большое спасибо вашей учительнице Екатерине Ричардовне. До свиданья. Давайте расходиться. И он первый покинул служебное помещение.